



ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

ОФИЦИАЛЬНЫЙ
СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ВЫПУСК I

Заседания 12 и 13 апреля 1933 г.

ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

МОСКВА — 1933



ДЕЛО О ВРЕДИТЕЛЬНОСТИ НА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ СТАНЦИЯХ В СССР

*Витвицкого Н. П., Гусева В. А., Григори А. В., Зорина Н. Г., Зиверта Ю. И.,
Кушни Дж., Крашенинникова М. Д., Котляревского М. Л., Кутузовой А. С.,
Лобанова А. Т., Лебедева В. П., Макдональда В., Монкгауза А., Нордволла Ч.,
Олейника Г. Е., Сухоручкина Л. А., Торнтон Л. Ч. и Соколова В. А.*

ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ

СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ВЫПУСК I

Заседания 12 и 13 апреля 1933 г.

ОГИЗ — «СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

МОСКВА — 1933

Техредактор А. Боровский
Объем 121½ печ. листов
Формат бумаги 62×94/16
Тираж 30.000 экз.
Уполном. Главлита А—90669
Зак. 6698

ПРОТОКОЛЫ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРИСУТСТВИЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

СОСТАВ СУДА

По постановлению Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 30 марта 1933 г. настоящее дело передано на рассмотрение специального Присутствия Верховного Суда СССР в следующем составе:

Председатель

УЛЬРИХ, В. В.

Член Верховного Суда СССР

Члены суда

МАРТЕНС, Л. К.

Директор Дизельного Института

Профессор по кафедре моторов внутреннего сгорания

ДМИТРИЕВ, Г. А.

Начальник «Главэнерго»

Инженер-электрик

Запасный член суда

ЗЕЛИКОВ, А. В.

Председатель Центрального Комитета профессионального союза рабочих, инженеров и техников электротехнической промышленности и электрических станций.

Секретарь

КОСТЮШКО, А. Ф.

Старший инспектор Верховного суда СССР

ОБВИНЕНИЕ

ВЫШИНСКИЙ, А. Я.

Прокурор РСФСР

РОГИНСКИЙ, Г. К.

Помощник прокурора РСФСР

ЗАЩИТА

БРАУДЕ, И. Д.; СМИРНОВ, А. А.; КОММODOV, Н. В.; ЛИДОВ, П. П.; ДОЛМАТОВСКИЙ, А. М.; ШВАРЦ, Л. Г.; ПИНЕС, И. Г.; КАЗНАЧЕЕВ, С. К.; ЛИБСОН, И. Н.

Члены Коллегии защитников

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 12 апреля 1933 г. 12 час.

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста.

Объявляю заседание Специального присутствия Верховного суда СССР открытым.

Слушается дело группы вредителей на электростанциях СССР граждан Витвицкого, Гусева, Грегори и других по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58 под знаками 6—7—9—11 Угол. кодекса РСФСР.

Тов. секретарь, кто из подсудимых явился?

Секретарь. Подсудимые все налицо, кроме подсудимого Витвицкого. Согласно полученной справке от дежурного врача Бутырского изолятора Витвицкий болен и на суде присутствовать не может.

Председатель. Мнение прокуратуры о возможности слушания дела в отсутствие Витвицкого?

Вышинский. Я полагаю дело в отношении Витвицкого выделить и слушание настоящего дела продолжать. Ходатайствую в соответствии с 295-й ст. Угол. кодекса разрешить сторонам ссылаться на показания Витвицкого на предварительном следствии, касающиеся других подсудимых.

Председатель. Заключение защиты?

Голоса защитников. Защита не возражает.

Председатель. Судебное присутствие определяет: дело в отношении Витвицкого выделить в особое производство.

Кто из экспертов явился? Огласите, во-первых, кто допущен в качестве экспертов.

Секретарь. Допущены в качестве экспертов и явились инженеры: Браилов, Голубцов, Новиков, Смирнов, Улатов.

Снедков по неизвестным причинам пока что не явился. Он должен быть здесь.

Председатель. Повестка ему вручена?

Секретарь. Да.

Председатель. Подсудимый Гусев, ваше имя и отчество?

Гусев. Василий Алексеевич.

Председатель. Сколько лет?

Гусев. 34 года.

Председатель. Последняя занимаемая должность?

Гусев. Начальник электростанции.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Гусев. Да.

Председатель. Подсудимый Грегори, ваше имя и отчество?
Грегори. Альберт Вильям Грегори.
Председатель. Сколько вам лет?
Грегори. 48 лет.
Председатель. Английский подданный?
Грегори. Да.
Председатель. Последняя должность в СССР?
Грегори. Инженер-конструктор на Дзержинке.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Грегори. Получил.
Председатель. Подсудимый Зиверт, ваше имя, отчество, возраст, должность?
Зиверт. Юрий Иванович, 50 лет, старший инженер теплогруппы по турбинному хозяйству Мосэнерго.
Председатель. Последняя должность?
Зиверт. Производитель работ.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Зиверт. Получил.
Председатель. Подсудимый Зорин, ваше имя, отчество?
Зорин. Николай Григорьевич.
Председатель. Ваша должность?
Зорин. Старший инженер сектора рационализации.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Зорин. Получил.
Председатель. Подсудимый Крашенинников, ваше имя, отчество?
Крашенинников. Михаил Дмитриевич.
Председатель. Сколько вам лет?
Крашенинников. 33 года.
Председатель. Должность какая?
Крашенинников. Начальник ремонт.-монтажн. цеха 1-й МОГЭС.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Крашенинников. Получил.
Председатель. Подсудимый Котляревский, ваше имя, отчество?
Котляревский. Моисей Львович.
Председатель. Сколько вам лет?
Котляревский. 29 лет.
Председатель. Какую должность занимали?
Котляревский. Старший инженер турбинного сектора Мосэнерго.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Котляревский. Получил.
Председатель. Подсудимый Кушни, ваше имя Джон?
Кушни. Да.
Председатель. Сколько вам лет?
Кушни. 34.
Председатель. Вы английский подданный?
Кушни. Да.
Председатель. Копию обвинительного заключения получили?
Кушни. Получил.
Председатель. Подсудимый Лебедев, ваше имя, отчество?
Лебедев. Вячеслав Петрович.

Председатель. Сколько вам лет?

Лебедев. 52 года.

Председатель. Должность?

Лебедев. Мастер электроотдела.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Лебедев. Получил.

Председатель. Подсудимый Лобанов, ваше имя, отчество?

Лобанов. Александр Тимофеевич.

Председатель. Возраст?

Лобанов. 35 лет.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Лобанов. Получил.

Председатель. Подсудимый Макдональд, ваше имя Вильям?

Макдональд. Да.

Председатель. Сколько вам лет?

Макдональд. 29 лет.

Председатель. Вы английский подданный?

Макдональд. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Макдональд. Получил.

Председатель. Какую должность вы занимали?

Макдональд. Монтажный инженер.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, ваше имя?

Монкгауз. Аллан.

Председатель. Сколько вам лет?

Монкгауз. 46.

Председатель. Английский подданный?

Монкгауз. Да.

Председатель. Вы уполномоченный фирмы «Виккерс»?

Монкгауз. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Монкгауз. Получил.

Председатель. Подсудимый Нордволл, ваше имя?

Нордволл. Чарльз.

Председатель. Сколько лет?

Нордволл. 31 год.

Председатель. Подданный Великобритании?

Нордволл. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Нордволл. Получил.

Председатель. Подсудимый Олейник, ваше имя, отчество?

Олейник. Петр Еремеевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Олейник. 52 года.

Председатель. Какую должность занимали?

Олейник. Старший монтер фирмы «Виккерс».

Председатель. Вы гражданин СССР?

Олейник. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Олейник. Получил.

Председатель. Подсудимый Соколов, ваше имя, отчество?

Соколов. Василий Андреевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Соколов. 33 года.

Председатель.—Ваша должность?

Соколов. Помощник начальника электростанции Златоустовского завода.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Соколов. Получил.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин, ваше имя, отчество?

Сухоручкин. Леонид Алексеевич.

Председатель. Сколько вам лет?

Сухоручкин. 39.

Председатель. Должность?

Сухоручкин. Начальник эксплуатационного отдела.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Сухоручкин. Получил.

Председатель. Подсудимый Торнтон, ваше имя?

Торнтон. Лесли.

Председатель. Возраст?

Торнтон. 45 лет.

Председатель. Какую должность занимали?

Торнтон. Главный инженер.

Председатель. Вы подданный Великобритании?

Торнтон. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Торнтон. Получил.

Председатель. Подсудимая Кутузова, ваше имя, отчество?

Кутузова. Анна Сергеевна.

Председатель. Сколько лет?

Кутузова. 37 лет.

Председатель. Какую должность занимали до ареста?

Кутузова. Секретарь уполномоченного фирмы «Метро-Виккерс».

Председатель. Гражданка СССР?

Кутузова. Да.

Председатель. Копию обвинительного заключения получили?

Кутузова. Да.

Председатель. Защита налицо?

Перечислите фамилии защитников, кто кого защищает?

Секретарь. По ходатайству подсудимых персонально допущены по их выбору защитники: для защиты Торнтон—защитник Брауде; для защиты Макдональда—защитник Смирнов; для защиты Монкгауза—защитник Коммодов; для защиты Кушни—защитник Лидов; для защиты Грегори, Нордволла—защитник Долматовский; для защиты Зорина, Крашенинникова, Сухоручкина—защитник Шварц; для защиты Лобанова, Лебедева—защитник Пинес; для защиты Гусева, Соколова, Олейника—защитник Казначеев; для защиты Кутузовой, Котляревского—защитник Либсон.

Председатель. Вся защита налицо?

Секретарь. Так точно.

Председатель. У защиты нет никаких изменений по защите обвиняемых?

Защита. Нет.

Председатель. Какие имеются ходатайства от прокуратуры о вызове свидетелей?

Прокуратура. Пока ходатайств нет.

Председатель. Но они возможны?

Прокуратура. Зависит от хода процесса. Пока нет.

Председатель. У защиты нет ходатайств?

Защита. Пока нет.

Председатель. Состав суда: председатель Специального присутствия—Ульрих, В. В.; члены суда: Мартенс, Л. К.; Дмитриев, Г. А.; запасный член суда Зеликов, А. В.

Государственное обвинение поддерживают прокурор РСФСР Вышинский А. Я. и его заместитель Рогинский Г. К.

Отводов против состава суда не имеется?

Защита. Нет.

Председатель. Подсудимые не заявляют отвода?

Переводчик, переведите вопрос и ответ. (Переводчик спрашивает подсудимых по-английски.)

Переводчик. Отводов нет.

Председатель. Приступаем к чтению обвинительного заключения.

Секретарь (читает):

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу: Витвицкого Николая Петровича, Гусева Василия Алексеевича, Грегори Альберта Вильяма, Зиверта Юрия Ивановича, Зорина Николая Григорьевича, Кушни Джона, Крашенинникова Михаила Дмитриевича, Котляревского Моисея Львовича, Кутузовой Анны Сергеевны, Лобанова Александра Тимофеевича, Лебедева Вячеслава Петровича, Макдональда Вильяма Лионель, Монкгауза Аллана, Нордволла Чарльза, Олейника Петра Еремеевича, Сухоручкина Леонида Алексеевича, Торнтон Лесли Чарльза и Соколова Василия Андреевича.

В официальном сообщении ОГПУ, напечатанном 14 марта 1933 года в «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК», было указано:

«Произведенным ОГПУ расследованием ряда неожиданных и последовательно повторявшихся аварий, происшедших за последнее время на крупных электростанциях (Московская, Челябинская, Зуевская, Златоустовская), установлено, что аварии эти являются результатом вредительской деятельности группы преступных элементов из числа государственных служащих в системе Наркомата тяжелой промышленности, поставившей себе целью разрушение электростанций СССР (диверсионная деятельность) и вывод из строя обслуживаемых этими станциями государственных заводов».

Расследование показало, как указывается в этом сообщении, что

«в деятельности этой вредительской группы принимали активное участие также некоторые служащие английской фирмы «Метро-Виккерс», работающие в СССР на основании договора с этой фирмой о технической помощи предприятиям электропромышленности СССР...»

Дальнейшее расследование установило, что контрреволюционная деятельность вредительской группы, действовавшей на ряде государственных электростанций, состояла:

- 1) в порче оборудования с целью подрыва мощи советской промышленности и ослабления Советского государства;
- 2) в собирании и использовании во вред государству секретных сведений военно-государственного значения;
- 3) во взяточничестве и подкупе отдельных служащих государственных электростанций в связи с осуществлением ими вредительской контрреволюционной деятельности.

Экспертная комиссия в составе инженера-теплотехника Б р а и л о в а Г. П., инженера-энергетика Г о л у б ц о в а В. А., инженера-турбинщика Н о в и к о в а М. Ф., инженера-технолога и электрика С м и р н о в а Б. Н., инженера-турбинщика С н е д к о в а А. П., инженера-турбинщика У л а т о в а П. П., образованная прокуратурой РСФСР для проверки и технической оценки всех имеющихся в деле документов, а именно: аварийных актов, составленных на месте немедленно после аварии, протоколов технических совещаний по вопросам, связанным с этими авариями, и всех иных материалов, собранных следствием по обстоятельствам, сопровождавшим аварии, пришла к выводу о наличии во всех обследованных случаях аварий либо преступной небрежности либо прямого вредительства со стороны ряда лиц технического персонала, обслуживающего эти станции.

I

ВРЕДИТЕЛЬСТВО И ШПИОНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЗЛАТОУСТОВСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Златоустовской электростанции и Златоустовском металлургическом заводе в течение ряда лет, и в частности в период 1931—1933 годов, имел место ряд аварий с моторами, котлами, углеподачей и другими агрегатами.

Аварии с мотором в 1 400 л. с., установленным для прокатного цеха Златоустовского металлургического завода, имели место 16 апреля, 12 мая и 3 июня 1932 года.

Анализируя причины первой из этих аварий (16 апреля), Экспертная комиссия пришла к следующему заключению:

«1. Смещение статорного железа с последующим за этим повреждением ротора могло произойти из-за попадания в между-железное пространство мотора постороннего металлического тела. Смещение могло произойти особенно легко при отсутствии контроля над затяжкой болтов, стягивающих железо.

2. Наличие постороннего куска железа в междужелезном пространстве мотора должно привести к аварии мотора, деформации пакетов железа, пробое изоляции мотора, т. е. в конечном счете к выводу мотора из работы.

3. В нормальных эксплуатационных условиях постороннее железо не может попасть в мотор и может быть втиснуто только искусственно».

Вслед за этой аварией, за короткий срок, т. е. 12 мая и 3 июня, с этим же мотором произошли еще две аварии, явившиеся, по заклю-

чению Экспертной комиссии, следствием неустраненных дефектов в моторе после первой аварии.

Зимой 1932 года на Златоустовской электростанции произошла авария с котлом № 8, стоявшим в холодном резерве. Персоналом котельной не были закрыты шиберы и не была спущена вода, вследствие чего произошли замораживание котла и разрыв ряда труб.

По заключению Экспертной комиссии авария могла произойти лишь от халатного отношения котельного персонала к оборудованию или от злого умысла.

На той же Златоустовской электростанции в начале 1932 года была произведена разборка резервной углеподачи.

На поставленный следствием Экспертной комиссии вопрос о допустимости таких действий со стороны администрации электростанции Экспертная комиссия ответила, что

«разбор резервной углеподачи может быть допущен лишь в том случае, если эта углеподача является неудовлетворительной или недостаточной и вместе с тем может быть быстро заменена новой, для монтажа которой имеются все необходимые части и сделаны все подготовительные работы».

Этих условий в данном случае не было, и разборка углеподачи была произведена с явно вредительскими целями.

Наряду с данными о ряде аварий, происшедших на Златоустовской электростанции, следствием были получены данные о разрыве рабочей мощности котельной и машинного зала.

Следствием установлено (справка заводууправления от 20 марта 1932 года), что котлы Стерлинга №№ 1 и 2, каждый площадью нагрева по 260 кв. метров, с мая 1928 года выведены из эксплуатации для переделки их топок под пылеугольное отопление, которые до сих пор однако не закончены, хотя недостававшее вначале импортное оборудование находится на станции с 1930 года. Котел № 11 с площадью нагрева в 400 квадратных метров находится в монтаже в течение 2 1/2 лет.

Эта исключительная медлительность монтажа котлов №№ 1, 2 и 11, по заключению Экспертной комиссии, объясняется

«наличием злого умысла или по меньшей мере преступной халатностью...».

В результате чего

«затяжка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 послужила причиной того, что станция развивает примерно половинную мощность от установленной мощности турбогенераторов».

В связи с этими систематическими авариями был привлечен к ответственности начальник Златоустовской электростанции инженер Гусев Василий Алексеевич, который в силу предъявленных ему улик признал себя виновным в организации вредительской группы на Златоустовской электростанции и заявил, что за совершение этих аварий он, Гусев, получал деньги от третьих лиц, и указал, что таковым лицом был английский монтажный инженер Макдональд Вильям.

На Златоустовскую электростанцию Гусев поступил в 1922 году в качестве мастера заводской электростанции и до дня ареста работал на этой станции, занимая последовательно следующие должности:

С 1922 года по 1923 год—дежурным мастером, с 1923 года по 1925 год—старшим мастером, с 1925 года по март 1929 года—помощником начальника указанной станции, с марта 1929 года по день ареста—начальником электростанции».

Отношение Гусева к советской власти за весь этот период времени было резко враждебное. Гусев показывает:

«Я вращался, в основном, в кругу тех инженеров и техников, которые впоследствии были осуждены за вредительство (Шалаев, Богословский и др.), и вообще в кругу тех людей, которые враждебно относились к советской власти».

Начало своей активной контрреволюционной деятельности Гусев относит к концу 1929 года, когда на Златоустовскую электростанцию приехал монтажный инженер Макдональд—служащий английской фирмы «Метрополитен-Виккерс».

«Макдональд приехал в конце 1929 года в Златоуст,—показывает Гусев,—и поселился в заводском поселке в квартире, предоставленной ему заводоуправлением. Мое сближение с Макдональдом произошло постепенно, охватив примерно двухмесячный период времени...»

По мере сближения с Макдональдом Гусев делался все более и более откровенным с ним и, не скрывая, высказывал Макдональду свое враждебное отношение к советской власти. Встречая явно сочувственное отношение со стороны Макдональда, Гусев рассказывал Макдональду о своей службе в белой армии, о своем участии в походах белых против Красной армии и т. п.

В преступную контрреволюционную связь с Макдональдом Гусев вступил при следующих обстоятельствах.

«При одной из встреч у него, Макдональда, на квартире он, Макдональд, уже откровенно предложил мне заняться собиранием сведений о работе Златоустовского завода. Для меня было ясно, что он предложил мне заняться шпионской работой. Не дав ему в этот раз окончательного согласия, я примерно через 2—3 дня при вторичной его беседе со мною на эту тему дал свое согласие.

Побудительными мотивами, по которым я так легко согласился заняться шпионажем,—показывает далее Гусев,—явились мои антисоветские взгляды, мое стремление активизироваться в своей враждебности в отношении советской власти».

Одновременно Гусев, дав согласие на шпионаж, был заверен Макдональдом, что эта его преступная деятельность будет оплачена, однако эта сторона дела играла для него, по его словам, второстепенную роль.

«Материальная сторона,—показывает Гусев,—играла для меня второстепенную роль, тем более что я материально был обеспечен».

Вопрос о том, в чьих интересах и для кого действует Макдональд, для Гусева также не представлял существенного значения.

«Вопрос о том, для кого Макдональд собирает сведения,—говорит Гусев,—не представлял для меня особенно большого интереса. Я пытался несколько раз выяснить у Макдональда

этот вопрос, однако поскольку эти попытки не встречали у Макдональда сочувствия и он уклонялся от ответов на мои вопросы, я считал неудобным и невозможным настаивать на выяснении этого вопроса. Больше того, я понимал, что моя особая настойчивость может быть не только неприятна Макдональду, но и может вызвать у него известное недоверие ко мне».

Одно было ясно Гусеву—это то, что те сведения, которые интересовали Макдональда,

«не могут быть собираемы Макдональдом ни в силу его любознательности, как инженера, ни в интересах фирмы «Метро-Виккерс». Для меня,—заявляет Гусев,—было ясно, что такого рода сведения могли собираться исключительно в политических целях, враждебных Советскому союзу».

Привлеченный к ответственности по этому делу, Макдональд после предъявления ему конкретных фактов его преступлений, при первом же допросе 12 марта, признал правильность показаний Гусева и подтвердил на очной ставке от 13 марта.

«Уже на следующий день после своего приезда в Златоуст,—показывает Макдональд,—я познакомился с заведующим Златоустовской электростанцией инженером Гусевым. В дальнейшем в процессе своей работы в Златоусте ежедневно встречался с Гусевым, с которым непосредственно был связан по своей работе, так как монтировал турбогенераторы как раз на этой станции, которой заведывал Гусев...»

«...сначала при встрече с Гусевым я с ним разговаривал преимущественно на деловые темы, но потом мы стали разговаривать и по отвлеченным вопросам, причем я интересовался бытовыми условиями инженерства и рабочих».

«Примерно месяцев через 8—9 после моего приезда в Златоуст,—показывает далее Макдональд,—я стал откровенно говорить с Гусевым. Разговор происходил или у меня на квартире (я к тому времени имел уже квартиру), или на квартире Гусева—точно не помню. Я прямо сказал Гусеву, что мне нужны сведения о военных производствах Златоустовских заводов, состоянии энергоснабжения и т. п.»

Макдональд в своих показаниях дал ответ и на вопрос о том, по чьему поручению он получал от Гусева указанные выше сведения.

Макдональд показывает:

«В 1929 году я был летом на даче у Торнтона, который в разговоре со мной сказал, что его интересуют сведения о политическом и экономическом положении СССР, и просил меня собирать и передавать ему эти сведения».

Торнтон является главным монтажным инженером, под руководством которого работал у «Метро-Виккерс» Макдональд.

Уже этот разговор дал понять Макдональду, что помимо его, Макдональда, деловой работы в СССР у него будут и нелегальные задания. Более конкретные задания со стороны Торнтона также не заставили себя долго ждать. Непосредственно перед выездом Макдональда на Златоустовскую электростанцию, у него, по его показанию, произошел с Торнтоном второй разговор.

«Он тогда просил меня собирать для него сведения о военных производствах Златоустовских заводов, а также о состоянии электроснабжения этих заводов».

В этом же разговоре с Торнтоном, как утверждает Макдональд,—

«в несколько завуалированной форме, т. е. не в порядке прямого приказа, Торнтон дал мне задание организовать в Златоусте аварии для создания перебоев в работе заводов; при этом он конкретно не указал, какие именно аварии надо произвести, так как я это сам должен был на месте определить».

Макдональд показывает, что, давая эти задания, Торнтон указал, что если для этого потребуются денежные суммы, то он может их у него получить.

Подобный характер заданий со стороны Торнтона не мог бы конечно иметь место, как и согласие Макдональда на исполнение этих заданий, если бы оба лица не были связаны иной связью, чем чисто служебные отношения. Об этом показал сам Макдональд.

По вопросу о том, для кого предназначаются интересующие Торнтон сведения, Макдональд показал следующее:

«Получив это задание от Торнтона,—говорит Макдональд,—я согласился его выполнить, так как мне неудобно было отказать ему, как моему начальнику и как человеку, к которому я относился с большим уважением. Я не задавал вопроса Торнтону, для какого именно учреждения он собирает эти сведения и по заданиям кого именно он действует, так как считал, что в данном случае, чем меньше я буду знать, тем лучше. Во всяком случае я понимал, что Торнтон действует в интересах Англии...».

Характер шпионской деятельности Гусева и ее объем постепенно изменялись в соответствии с теми заданиями, которые он получал от Макдональда.

«Сначала задания Макдональда,—показывает Гусев,—и те сведения, которые я ему передавал, ограничивались вопросами электроснабжения. Сведения, представляемые ему мною, давали ему представление о состоянии энергоснабжения заводов. В дальнейшем круг вопросов в заданиях Макдональда все расширялся...»

Гусев на поставленные ему вопросы ответил:

«Я ему стал давать сведения следующего содержания: 1) по вопросам энергоснабжения Златоустовских заводов и предполагаемой реконструкции электроснабжения. Это несомненно было секретно, так как давало представление о размерах военно-оборонного производства, находящегося в системе работы Златоустовских заводов; 2) по вопросам производственной программы снарядного производства, представлявшим собой чисто военную тайну; 3) по вопросам о типах снарядов и расширении снарядного производства, что тоже являлось военной тайной; 4) по вопросам производства высококачественной стали и в частности производства авто-рессорной и авиационной сталей и снарядной заготовки...»

Служебное положение Гусева как начальника электростанции, обслуживавшей Златоустовские заводы, давало ему широкую возможность получать необходимые для его шпионской деятельности сведения.

«Возглавляемая мною с марта 1929 года Златоустовская электростанция,—показывает Гусев,—обслуживала Златоустовские механические, керамические и металлургические заводы, а также самый город и железную дорогу... В моем ведении, как начальника электростанции, находилось воздуходувное хозяйство для доменных печей, заводских водонасосов и с конца 1931 года понизительная трансформаторная подстанция Челябинска. По своей должности начальника электростанции, помимо предприятий, входящих в мое ведение, я имел почти беспрепятственный доступ на механический военный завод... Ход работы металлургического завода, в центре которого находилась электростанция, был мне хорошо знаком; имея беспрепятственный доступ во все цехи металлургического завода, я имел полную возможность получать любые сведения и данные о состоянии производства, в том числе и о состоянии и ходе того производства, которое было засекречено...»

Однако Гусев для получения сведений использовал не только свое служебное положение.

«Работая 10 лет на этой станции,—указывает в дальнейшем в своих показаниях Гусев,—мне было легко использовать доверие ко мне отдельных начальников цехов, мастеров и т. д. На механическом заводе, куда я не имел столь свободного доступа и где мне труднее было ориентироваться, я использовал свои посещения этого завода, во время которых я мог собирать определенное количество данных о работе завода, во-первых, и, во-вторых, свое знакомство с инженерно-техническим составом завода, представители которого частью относились ко мне с доверием, а отдельные лица впоследствии оказались в числе тех, кто работал для Макдональда».

Как начальник электростанции Гусев имел в своем распоряжении официальные данные по вопросам, связанным с расширением производства всех заводов, в том числе и военного.

О порядке передачи собираемых Гусевым сведений Гусев показывает:

«Необходимое соблюдение тщательной конспирации естественно должно было отразиться на технике передачи мною Макдональду собираемых сведений, поэтому я стремился избегать всех записей и предпочитал передавать Макдональду сведения в устной форме. Однако в тех случаях, когда сведения содержали в себе цифровые данные, я отмечал их в своей записной книжке и составлял дома краткую письменную сводку, которую затем передавал Макдональду, оставаясь с ним наедине».

Гусев указывает и на то, как соблюдал конспирацию при получении сведений и Макдональд:

«Макдональд, получая от меня,—показывает Гусев,—сведения, делал отметки в своей записной книжке, и письменные сводки, как я наблюдал, если эти сводки давались ему дома, он

уничтожал путем сжигания, предварительно сделав заметки в своей записной книжке».

Показания Гусева о характере и объеме его шпионской деятельности подтвердил и Макдональд, показавший:

«Гусев имел от меня поручение собирать и собирал систематически секретные сведения по следующим вопросам:

1) о работе военных цехов механического и металлургического заводов. Сюда входили: производственная мощность рядных цехов, количество выпускаемых снарядов, их типы и прочие моменты;

2) о расширении военных цехов;

3) данные о выпуске специальных сталей, идущих на военные заводы для производства вооружений;

4) энергоснабжение заводов и вопросы, связанные с бесперебойной работой военных цехов».

Дальнейшее развертывание следствия привело к установлению и иных лиц, связанных с Макдональдом по шпионской работе, кроме Гусева. Таким лицом оказался помощник начальника электростанции Соколов Василий Андреевич.

Макдональд показывает:

«В этом мне помогли инженер электростанции Гусев и отдельные использованные им люди Соколов и др.».

Будучи допрошен, Соколов показал:

«Состоя помощником начальника силовой станции Златоустовского завода, — показывает Соколов, — и связавшись летом (июнь-июль, точно месяц не помню) 1930 года с монтажным инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» английским гражданином Макдональдом, по заданию и при содействии начальника силовой станции Гусева передал Макдональду непосредственно устно секретные сведения производственного характера о выработке на заводе высококачественных сталей...»

В апреле 1931 года Макдональд уезжает из Златоуста и после отпуска направляется на работу в качестве монтажного инженера на Зуевку. Отъезд из Златоуста не прерывает связи Макдональда с Гусевым. Связь была организована через специальных лиц.

Макдональд показывает:

«Когда я уехал из Златоуста, я условился, что Рябова переедет ко мне в Зуевку и инженер Гусев пришлет мне с Рябовой письмо, содержащее новейшую информацию».

Причем после переезда Макдональда в Зуевку он продолжал получать от Гусева такую же секретную информацию как через свою знакомую Рябову и ее сыновей, так и путем поддержания личной связи с Гусевым.

Об этом Макдональд показывает:

«Рябова приехала в Зуевку в январе 1932 года и привезла мне письмо от Гусева, содержащее информацию о положении в Златоусте, а именно о политическом положении и производстве военного снаряжения, снарядов и т. д. на механическом и металлургическом заводах. В мае 1932 года сын Рябовой Петр, приехав в Зуевку, оставался там в течение 2 дней. Он привез

с собой письмо от Гусева, содержащее дальнейшую информацию, касающуюся военного шпионажа, и возвратился в Златоуст, взяв с собой письмо Гусеву от меня, в котором я просил его продолжать эту шпионскую работу. В июне 1932 года второй сын Рябовой приехал ко мне в Зуевку, оставался там в течение месяца, он также привез письмо, содержащее шпионскую информацию от Гусева, и взял с собой при отъезде письмо, приглашающее Гусева навестить меня в Зуевке. В соответствии с этим письмом Гусев приехал ко мне в сентябре 1932 года и оставался у меня несколько дней. Он привез информацию о политическом и экономическом положении в Златоусте, а равно сведения о работе металлургического и механического заводов по производству военного снаряжения, снарядов и т. д.».

При возвращении Гусева в Зуевку у него на станции Харциск произошло свидание и с Торнтоном, которому Гусев передал секретные сведения военно-государственного значения о положении на Златоустовских заводах.

«Накануне моего отъезда,—показал Гусев,—была получена телеграмма от Торнтонна, извещающая о его приезде в Зуевку. По приезде на вокзал, пока для меня доставали билет, пришел поезд, с которым приехал Торнтон... его на вокзале ожидал инженер, приехавший из Моккеевки на автомобиле. Этот инженер и Торнтон пошли в ресторан, находящийся позади станции. Через некоторое время туда ушел Макдональд, затем и я по настоянию последнего. Там я имел разговор с Торнтоном, который интересовался положением в Златоусте с продовольствием, работой заводов и электростанции, производством снарядов и проделанной мною работой. На все эти вопросы я дал ему ответы, насколько позволило короткое время свидания».

Такие же секретные сведения военно-государственного значения Макдональду передавал через того же Гусева и обвиняемый Соколов, показавший, что он

«также передавал Макдональду секретные сведения из области производства и эксплуатации завода, в письменном виде, через инженера Гусева по заданию последнего в 1932 году. В частности в письменном виде мною были даны Макдональду через Гусева следующие сведения: а) о недельном производстве крупно-сортного стана; б) о днях прокатки снарядной заготовки; в) о затруднении на заводе с цветными металлами...»

Данные о связи Макдональда с Гусевым и о систематическом получении Макдональдом от Гусева писем после отъезда Макдональда из Златоуста в Зуевку подтверждаются и показаниями допрошенной на предварительном следствии Рябовой Марии Федоровны.

Однако основным содержанием контрреволюционной деятельности Гусева являлись организация и совершение аварий на Златоустовской электростанции и организация в целях подрыва промышленности и военной мощи СССР задержки работ по расширению этой электростанции.

«Спустя несколько месяцев после начала моей шпионской работы,—показывает Гусев по этому поводу,—в начале второй

половины 1930 году... мне в одну из встреч моих с Макдональдом было последним указано на то, что надо перейти к совершению аварий, которые могли бы задержать работу заводов в производстве снарядов и высококачественных сталей».

«Так как это предложение,—продолжает Гусев,—целиком соответствовало моим контрреволюционным настроениям... я без колебания принял предложение Макдональда об организации и совершении аварий на заводе».

«С этого времени,—показывает дальше Гусев,—т. е. примерно со второй половины 1930 года, я вступил на второй путь контрреволюционной работы, на путь совершения вредительских и диверсионных актов».

По утверждению Гусева, он получил от Макдональда два задания:

«1) сокращение выпуска снарядов и холодного оружия на механическом заводе, 2) сокращение выпуска высококачественных сталей на металлургическом заводе».

То же подтвердил обвиняемый Соколов:

«Макдональд заявил мне, что на меня совместно с Гусевым возлагается задача проведения диверсионных актов на основных агрегатах металлургического завода, о чем Гусев уже знает, и я должен с ним договориться о конкретных актах в осуществлении этой задачи...»

«...будучи со школьной скамьи другом Гусева, зная его хорошие отношения с Макдональдом, я окончательно дал свое согласие на вступление в контрреволюционную организацию и выполнение возложенных на меня задач...»

Макдональд признал правильность этих показаний.

«Уже перед отъездом из Златоуста,—показывает Макдональд,—я сказал, что надо произвести порчу оборудования, что сорвет работу заводов и вызовет простой последних. Гусев согласился...»

«...В конце 1930 года при разговоре с Соколовым я,—показывает Макдональд,—не давая ему конкретных заданий по порче оборудования, сказал, что на него и Гусева возлагается проведение работы по порче оборудования и что он, Соколов, должен по этому вопросу договориться непосредственно с Гусевым».

В свою очередь Гусев также проявил соответствующую инициативу.

«Дав согласие на совершение и организацию диверсионных актов, я,—признается Гусев,—при выработке плана и методов организации этих актов увидел еще одну возможность повлиять на расстройство работы заводов путем вредительской задержки происходившего тогда расширения электростанций. Этот план я сообщил Макдональду, который его принял».

О своем участии в дальнейшем осуществлении вредительских актов Гусев дал следующие показания:

«По заданию инженера фирмы «Метро-Виккерс» Макдональда, нами на Златоустовском металлургическом заводе проведены следующие вредительские акты: 1) выведен из строя 5 или

6 раз мотор мощностью в 1400 л. с., служащий для привода в действие крупносортового стана прокатного цеха. Аварии проделаны мною и Соколовым В. А. в мае и июне 1932 года. Кроме того в августе мотор из-за этих аварий был поставлен на перемотку на срок около 20—25 дней; 2) замораживание котла № 8, поверхность нагрева 400 кв. метров ЛМЗ на Златоустовской электростанции. Авария проведена мною в декабре 1931 года и в январе 1932 года—точно я не помню. Котел во время сильных морозов был оставлен с водой, а регистр на борове, ведущем к дымовой трубе, не был закрыт, вследствие чего были заморожены полностью перегреватель и часть труб котла; 3) выведена из строя углеподача в конце 1931 года путем неправильной установки мотора и закладывания небольших металлических предметов в цилиндрическую зубчатую передачу, благодаря чему был разбит фундамент и весь приводный механизм ленточного транспортера и ковшевого элеватора. Авария проведена мною; 4) задержаны монтаж и пуск в эксплуатацию котла № 11, поверхность нагрева 400 кв. метров ЮМТ, вследствие того, что мною были отправлены в мартен в качестве шихты под видом металлического лома детали арматуры котла в разобранном виде. Сделано это мною в апреле 1932 года».

Опрошенный более подробно о порче мотора крупносортового стана Гусев показал:

«Я получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортового стана прокатного цеха металлургического завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядные заготовки. Я это выполнил. Мотор был выведен из строя, и снарядные цехи не работали 1½ месяца. Сделано это было и выполнено мною и главным электриком металлургического завода Соколовым Василием Андреевичем».

В соответствии с этим конкретным вредительским заданием Гусев по его показанию

«при контрольном осмотре этого мотора в вентиляционный канал статора подбросил кусок листового железа небольшого размера. В дальнейшем этот кусок железа явился причиной аварии, так как, попав в междужелезное пространство, произвел сдвиг части пакетов статорного железа и ротора. Сдвинутое железо повредило гильзе, в которой заложена обмотка статора, что и явилось причиной аварии».

Достигнув таким способом вывода из строя мотора, Гусев не остановился на этой порче мотора.

«Сдвиг железа произошел в нескольких местах,—показывает Гусев. Так как этот дефект не был исправлен, то он в дальнейшем вызвал 5—6 аварий за время до августа месяца и вызвал необходимость остановки мотора и его капитального ремонта».

Допрошенный по этому поводу Макдональд показал:

«Повидимому это было у меня или у инженера Гусева на квартире. Я указал Гусеву после достаточно тесного сближения с ним, что в качестве средства борьбы с советской властью нужно использовать такое средство—совершение аварий на производстве, причем в наиболее важных его пунктах. Я просил, как крайне

важную меру для задержки производства, произвести порчу указанного выше мотора, зная, что этот акт будет иметь определенно эффективные последствия. Гусев вначале колебался, а затем согласился, причем вывод из строя мотора произвел в мае месяце, а затем повторил этот же акт несколько раз в июне-августе 1932 года после моего отъезда из Урала на Украину».

О своем участии в систематической порче мотора прокатного цеха металлургического завода названный в показаниях Гусева помощник начальника электрической станции Соколов В. А. показал следующее:

«Мотор 1 400 л. с. на металлургическом заводе вращал стан «800», являвшийся ведущим, и стан «600». С этих станов заготовка металла шла для всех остальных станков прокатного цеха...»

✓ «Вентилятор на моторе в 1 400 л. с. был установлен при моем участии в целях вызова систематических аварий. Сущность вредительства заключалась в том, что этот вентилятор засасывал в мотор грязный воздух, засоряя обмотки статора и ротора».

«При производстве капитального ремонта,—показывает далее Соколов,—комиссия, прибывшая из Москвы от Спецстали, констатировала, что устроенная нами вентиляция вредна для работы мотора, и предложила ее снять, что и было сделано».

Показание Соколова полностью подтверждается имеющимися в распоряжении следствия актами комиссии Спецстали, производившей 31 августа 1931 года осмотр мотора. Комиссия признала:

«Отсасывающую вентиляционную установку убрать как не дающую положительных результатов в смысле охлаждения и распределения одинаковых температурных расширений статора и кроме того вызывающую усиленное загрязнение мотора вследствие интенсивного притока неочищенного воздуха».

Цель, к которой стремились вредители, была таким образом достигнута: мотор был выведен из строя на длительный период времени, и прокатные цехи не работали 1½ месяца.

Следующим вредительским актом был вывод из строя углеподачи. На очной ставке между Макдональдом и Гусевым, произведенной 13 марта 1933 года, обвиняемый Гусев показал:

«Я получил от Макдональда... задание вывести из строя углеподачу».

Макдональд подтвердил показания Гусева, указав, что им действительно было дано Гусеву задание вывести из строя углеподачу электростанции. В дальнейших своих показаниях Гусев подробно указывает на тот способ, посредством которого он осуществил этот вредительский акт. Гусев показал:

«В целях вывода из строя углеподачи я произвел разрушение цилиндрической передачи путем введения в зубья шестерни куска железа. Кроме того я неправильно во время нескольких ремонтов производил установку мотора, приводящего в действие ленточный транспортер и ковшевой элеватор, вследствие чего произошло разрушение фундамента мотора».

Разрушив фундамент мотора, Гусев не ограничился этим вредительским актом, а, используя свое служебное положение начальника электро-

станции, отдал мастеру Боронникову распоряжение разобрать весь механизм углеподачи, что и было сделано.

«В результате,—показывает дальше Гусев,—углеподача примерно в декабре 1931 года или в январе 1932 года была выведена из строя и не работала до дня моего ареста...»

Допрошенный в качестве свидетеля техник-электрик Златоустовской электростанции Сапожников Андрей Григорьевич показал:

«В начале 1932 г. Гусев дал распоряжение ремонтному мастеру Боронникову разобрать углеподачу № 1, что последний и сделал. Эта разборка вызвана частым ремонтом углеподачи, но этого можно было бы избежать, закрепив фундамент углеподачи № 1 сквозными болтами, так как плита, на которой установлен был мотор, и шкив конвейера были плохо закреплены. На предложение Боронникова о закреплении фундамента болтами Гусев не обратил внимания, а решил переоборудовать передачу от мотора к конвейеру вместо шестеренной на червячную. Сейчас находится в резерве углеподача № 3, что не обеспечивает работу части котлов...»

Таким образом разборкой углеподачи была достигнута и эта цель вредителей, т. е. нарушение нормальной эксплуатации станции путем необеспечения ее работы потребным количеством угля.

Тот же свидетель Сапожников в соответствии с уже изложенными выше обстоятельствами дела подтвердил, что зимой 1932 года были заморожены котлы №№ 7 и 8, державшиеся в резерве заполненными водой.

«На требование помощника мастера цеха Бурдина к Гусеву о спуске воды ответ последнего был таков: «Не ваше дело, с котлами ничего не случится».

Однако, по показанию того же Сапожникова, при осмотре котла № 8 мастер ремонта Боронников Яков установил, что в задних трубах котла—в 2 или 3—был лед. Точно так же оказалось, что был заморожен пароперегреватель котла. На ремонт этого котла было затрачено около 5000 руб., и ремонт продлился 2 месяца.

Давая объяснения по вопросу о замораживании котла № 8, Гусев сознался, что

«замораживание котла № 8 явилось преднамеренным, продуманным мною, еще одним вредительским актом, совершенным на Златоустовской электростанции».

Порча котла № 8 была Гусевым произведена также по согласованию с Макдональдом.

На очной ставке между Гусевым и Макдональдом от 13 марта 1933 года Гусев показал, что

«ему было дано задание вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8, 11».

Макдональд на той же очной ставке подтвердил это показание, указав, что действительно давал Гусеву задание:

«произвести вывод из строя котлов №№ 1, 2, 8, 11».

Наконец в осуществление тех же задач ослабления работы котельного хозяйства Златоустовской электростанции вредители провели задержку реконструкции котлов Стерлинга №№ 1 и 2, переконструировавшихся с твердого топлива на пылевидное, и задержку монтажа котла ЮМТ № 11.

Опрошенный в качестве свидетеля главный механик Златоустовского завода Шевкун Григорий Александрович показал:

«Котлы №№ 1 и 2 Стерлинга установлены на электростанции металлургического завода примерно в 1914 году. Будучи на топках с ручной заброской, эти котлы в апреле 1930 года были остановлены для монтажа котлов и топок под пылевидное топливо. Кому принадлежит инициатива переделки этих котлов №№ 1 и 2—я не знаю. По моему личному мнению переделка топок котлов №№ 1 и 2 была сделана для увеличения производительности котлов... О сроках окончания демонтажа я не знаю, знаю, что они чрезвычайно часто менялись и давно уже прошли. Примерно в мае-июне 1931 года монтаж котлов был закончен, и они были предъявлены заводу для сдачи. При осмотре котлов начальником электростанции Гусевым эти котлы были забракованы и не приняты по случаю отсутствия экранирования топок. После забракования котлов №№ 1 и 2 Гусевым работа шла с большими перерывами и медленно. Таким образом эти котлы №№ 1 и 2 не смонтированы до настоящего времени».

По вопросу о монтаже котла № 11 ЮМТ свидетель Шевкун говорит:

«Котел № 11 ЮМТ ставился тоже в целях увеличения производительности. О сроке окончания его монтажа и пуска в эксплуатацию я не знаю, но все сроки безусловно не выполнены... Все вопросы по монтажу этого котла согласовывались с самим начальником электростанции Гусевым. Задержкой монтажа котлов №№ 1 и 2 и 11 мощность станции снижена...»

Опрошенный по этому вопросу свидетель техник-электрик Центральной электрической Златоустовской станции Сапожников Андрей Григорьевич показал:

«Котлы №№ 1 и 2 с 1930 года по сей день находятся в переоборудовании на пылевидное топливо. Срок окончания монтажа их пуска в работу неизвестен, хотя по плану должны были быть даны еще в 1931 году. Котел № 11 только с 14 марта с. г. находится на сушке, обмуровке котла... Снижение производительности получилось по вине бывш. начальника станции Гусева, который был ответственным за контроль и наблюдение за ходом реконструкции паросилового хозяйства. Его действия привели к омертвлению капиталовложения в реконструкции хозяйства и в то же время к постепенному минимальному использованию котлов...»

Задержка в монтаже котлов №№ 1, 2 и 11 подтверждается кроме показаний свидетелей Сапожникова и Шевкуна справкой заводоуправления и приведенным выше заключением Экспертной комиссии, констатировавшей, что вследствие затяжки монтажа станция развивала примерно половинную мощность. Эта задержка находилась в полном соответствии с планом контрреволюционной вредительской деятельности на Златоустовской электростанции, выработанным вредительской группой в составе Соколова, Гусева и Макдональда.

«Обсуждая с Гусевым,—показывает обвиняемый Соколов,—план нашей дальнейшей работы, мы остановились на котельной, так как последняя лимитировала работу силовой станции. Было

решено задержать пуск котлов Стерлинга №№ 1 и 2, переконструировавшихся с твердого топлива на пылевидное. Официально задержка объяснялась разными неполадками, новизной дела и другими причинами. Котлы не были пущены до моего ареста. Кроме того был задержан монтаж котла ЮМТ № 11 на срок около 2 лет».

Опрошенный по вопросу о задержке реконструкции котлов №№ 1 и 2 и монтажа котла № 11 Гусев дал следующие показания:

«Я получил от Макдональда... задания вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8 и 11. Все эти задания,—показывает дальше Гусев,—были мною выполнены».

Макдональд показывает:

«Я ставил перед собой задачей непосредственное расстройство электроснабжения указанных обоих заводов (Златоустовских металлургического и механического заводов), что должно было свернуть работу военных производств. Средством для осуществления этого я избрал снижение мощности электростанции с 12 000 киловатт до 6 000 киловатт, ровно наполовину. При таком положении малейшая авария на станции должна была привести к полному параличу и остановке заводов. В силу этих соображений я и дал задание Гусеву произвести вывод из строя котлов №№ 1, 2, 8 и 11, а также углеподачу...»

Как видно из заключения Экспертной комиссии, задача по сокращению примерно наполовину мощности работы станций вредительской группой, работавшей на Златоустовских заводах, практически была также осуществлена.

Но преступная деятельность на Златоустовской электростанции вредительской группы не ограничивалась выводом из строя тех или иных машин в целях подрыва мощи советской промышленности и ослабления Советского государства, но была направлена и на подготовку диверсионных актов на случай войны.

Обвиняемый Гусев на очной ставке с Макдональдом 13 марта 1933 года по этому поводу показал:

«Макдональд обсуждал со мной мероприятия по выводу из строя оборудования станции на случай войны. Он указал мне и дал прямые задания совершать аварии при объявлении войны в самых ответственных пунктах станции, а именно в котельном хозяйстве и углеподаче. Этим путем я должен был стремиться к тому, чтобы держать станцию постоянно на уровне, значительно меньшем, чем это предусматривалось мобилизационным планом. Таким образом если бы мне удалось сохранить уровень порядка 6 000 киловатт вместо 12 000 номинальных киловатт, предусматривавшихся мобпланом, то это означало бы срыв работы военных производств в военное время».

Опрошенный по этому же вопросу на этой же очной ставке обвиняемый Макдональд показал:

«Сказанное Гусевым по этому вопросу соответствует тем указаниям, которые я ему давал, преследуя задачи подрыва военных производств в военное время на Златоусте, я ясно отдавал себе отчет, что через инженера Гусева и связанных с ним лиц я

могу причинить крупнейший урон военным производствам. В этих целях мною совместно с инженером Гусевым был разработан план совершения аварий в военное время на электростанции. Разработанное задание включило в себя расстройство котельного хозяйства и углеподачи станции».

Обвиняемый Соколов равным образом подтвердил наличие плана действий вредительской группы на случай войны, говоря о

«подготовке путем систематического вредительства ряда крупных диверсий, которые в совокупности должны были вывести из строя электростанцию и лишить энергии потребителей в момент внешних затруднений в Союзе (интервенция)».

«В связи с этим,—показал далее обвиняемый Соколов,—нам необходимо было проработать план наших действий. Обсудив детально этот вопрос, мы (Гусев, Соколов) решили, что объектом наших диверсионных действий должна явиться силовая станция со своими агрегатами, а именно: во-первых, выводить из строя насос, во-вторых,—котельные установки, в-третьих,—воздуходувные средства для домны, в-четвертых,—турбогенераторы и в-пятых,—распределительное устройство подстанции...»

Контрреволюционная вредительская и шпионская деятельность Гусева и Соколова на Златоустовской электростанции не оставалась неоплаченной. По показаниям Гусева, данным им на очной ставке с Макдональдом 13 марта 1933 года, он, Гусев, всего получил от Макдональда в разное время и разными суммами от 2000 до 3000 рублей.

Это подтвердил и Макдональд, показывающий на очной ставке:

«...я давал деньги Гусеву за проводившуюся им шпионскую работу по моим заданиям, а также за работу по совершению аварий. Всего я ему дал примерно 2000—2500 рублей».

Не был забыт и Соколов, равным образом получивший деньги за свои вредительские акты.

«В июне месяце 1932 года Гусевым в его кабинете,—показывает Соколов,—мне были вручены деньги в сумме 1000 руб. со словами: «Вот тебе премия от Василия Васильевича». Я считаю,—продолжает Соколов,—что данная сумма мною получена главным образом за вывод из строя мотора в 1400 л. с.».

Показания Гусева и Макдональда о причастности Торнтон и Лесли Чарльза—главного монтажного инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве—к контрреволюционной группе на Златоустовской электростанции, указания их же на Торнтон как на источник оплаты контрреволюционных актов, имевших место на Златоустовской электростанции, повлекли привлечение Торнтон к настоящему делу в качестве обвиняемого.

Арестованный и допрошенный Торнтон, в частности после очной ставки с Гусевым и Макдональдом показал, что:

1) В тех местах, где Макдональд производил монтажную работу, «Макдональд действительно занимался собиранием сведений для Торнтон и по его поручению».

2) Что впервые Торнтон привлек Макдональда к шпионской деятельности в мае-июне месяце 1930 года в Лосиноостровской.

3) Что Торнтон действительно получал от Макдональда сведения по Златоустовскому и Зуевскому районам.

«По Златоусту и по Зуевке,—показывает Торнтон,—я получил подробные сведения...»

4) Признал Торнтон и то, что ему было известно, что Гусев, «является тем лицом, которое привлечено Макдональдом для собирания сведений о работе Златоустовской электростанции по его Торнтона поручению».

5) Показания Макдональда и Гусева о двукратном приезде Торнтона в Златоуст и о встречах его с Гусевым в Златоусте также подтверждены Торнтоном.

«Инженера Златоустовской электростанции Гусева,—показывает Торнтон,—я знаю и лично с ним виделся во время двукратных своих приездов в Златоуст в 1930 году».

6) Признаны правильными Торнтоном показания Гусева и Макдональда о его Торнтоне встречах с Гусевым на станции Харциск после посещения Гусевым Макдональда в Зуевке, когда Гусев приезжал по специальному вызову Макдональда для доклада о совершенных вредительских актах и о собираемых им сведениях на Златоустовской электростанции.

Торнтон также подтвердил показания Макдональда о получении от Торнтона денежной суммы для оплаты «людей», которые давали шпионскую информацию (показания Макдональда).

В области конкретизации этих актов Торнтон расходится с Макдональдом лишь по вопросу о размере выданной Макдональдом денежной суммы. На очной ставке с Макдональдом от 19 марта Торнтон указал, что передал Макдональду «полторы тысячи рублей» (показания Торнтона).

Макдональд же утверждал на этой очной ставке, что им было получено от Торнтона 4500 руб., но Торнтон отрицал: 1) получение им от Макдональда и Гусева секретных сведений, составляющих военно-государственную тайну, и 2) свое участие в организации и совершении вредительских актов по выводу из строя и порче машин и оборудования, произведенных вредительской группой на Златоустовской электростанции.

Это отрицание Торнтоном легко опровергается однако анализом следующих его собственных признаний:

а) Сведения о Златоустовском районе, в частности о работе Златоустовской электростанции, как показывает сам Торнтон, он получал от Макдональда, причем основным источником получения сведений по Златоустовскому району, по показаниям опять-таки самого же Торнтона, был Гусев. Иного источника получения сведений о Златоустовском районе Торнтон не называет.

Указания Торнтона, что он получал по Златоустовскому району исключительно безобидные сведения, «могущие быть полезными фирме», находятся также в прямом противоречии с показаниями самого Торнтона.

В своем показании, данном 28 марта 1933 года, Торнтон указывает:

«Я был мало заинтересован в получении информации из Златоуста в интересах нашей фирмы».

В самом деле, если «сведениями, могущими быть полезными фирме», являются, как показывает Торнтон, сведения—«будут ли новые заказы на оборудование»,—то по Златоустовскому району, по показанию того же Торнтона, никакие подобные заказы не предполагались».

Если же фирму мог интересовать вопрос, как «обращались с нашими машинами», то на Златоусте, как это вынужден был признать также Торнтон, «была всего одна небольшая турбина».

б) В тех же показаниях от 28 марта Торнтон, не будучи в состоянии дать удовлетворительное объяснение своему отрицанию фактов в показаниях Макдональда и Гусева, сам подтвердил получение им ряда и таких сведений, которые носят несомненно секретный характер. Торнтон признал, что получал от Макдональда сведения:

«о нагрузке электростанции и тем самым о состоянии электроснабжения Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов».

«...об общем состоянии Златоустовской электростанции, особенно о ее слабых, в смысле возможности аварий, местах».

Наконец, если Златоуст не представлял, по словам самого Торнтона, для него «фирменного» интереса, то какие же услуги оплачивал Торнтон через Макдональда. По этому вопросу Торнтон вынужден был ограничиться следующим ответом:

«Полторы тысячи я,—говорит Торнтон,—дал Макдональду по его требованию. Так как меня как представителя фирмы мало интересовал Златоуст, то я не могу объяснить, зачем Макдональду понадобилось столько денег и куда и на что он их израсходовал. Отчета у Макдональда,—продолжает Торнтон,—я не просил».

В то же время на очной ставке с Торнтоном от 15 марта 1933 года Гусев по вопросу о том, знал ли Торнтон о планах по умышленной порче оборудования и принимал ли непосредственное участие в разработке этих планов, прямо сказал:

«Когда я получил такое задание (порча оборудования) от Макдональда, я наметил способы выполнения этого задания и это сообщил Макдональду. Затем по приезде Торнтона в Златоуст Макдональд сообщил этот план Торнтону во время нашего разговора в моем кабинете. Мы утвердили этот план, и я получил задание от Торнтона проводить его в жизнь».

Макдональд равным образом показал, что при сообщении им об этом Торнтону «он был этим доволен».

И на очной ставке с Торнтоном Макдональд показал, что «в Зуевке в прошлом году в сентябре месяце я сказал Торнтону о том, что моторы были испорчены».

Уточняя свои показания о тех заданиях по совершению вредительских актов на Златоустовской электростанции, которые, по словам Гусева, были выработаны совместно и непосредственно с Торнтоном, Гусев на очной ставке с Торнтоном 16 марта 1933 года показал:

«Указанный мною план предусматривал сокращение мощности электростанции. Рабочая мощность по мобплану была намечена в 12 000 киловатт; и мы наметили снизить ее наполовину; чтобы заводы не могли работать, я наметил вывод части котлов из строя

и углеподачи. Торнтон согласился с этим планом и сказал, что его нужно провести в жизнь. Причем он сказал, что наше беспокойство о том, что этот план не будет действительным, так как Челябгрэс будет передавать ток без перебоя, неосновательно, что этот факт не должен нас беспокоить, так как Челябгрэс находится в их влиянии».

Это указание, данное Торнтоном Гусеву, что Челябинская государственная районная электростанция «находится в их влиянии», нашло свое полное подтверждение в данных, добытых следствием о деятельности контрреволюционной группы на Челябинской государственной районной электростанции, действовавшей под руководством обвиняемого Витвицкого, но связанного с Макдональдом, Гусевым и Торнтоном.

II

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Как было указано Гусевым, по словам Торнтонна, на Челябгрэсе было обеспечено его, Торнтонна, «влияние». Гусев понимал это в смысле наличия на Челябгрэсе вредительской контрреволюционной группы. И действительно, в течение всего 1931/32 года на Челябгрэсе имел место ряд умышленно произведенных аварий.

В ночь на 12 марта 1932 г. при вскрытии стопорного клапана турбины № 2 под клапаном был обнаружен кусок железа. Железо было защемлено между седлом и клапаном, в результате этого явился пропуск пара через закрытый клапан. Кроме того у сетки обнаружен ряд мелких металлических частей (гайка, шпилька и т. д.).

Экспертная комиссия по этому поводу дала следующее заключение:

«1) попадание куска железа $1150 \times 60 \times 0,7$ в паровую коробку под стопорный клапан не могло произойти случайно;

2) наличие этого куска железа под стопорным клапаном могло привести к крупнейшей аварии с турбиной...»

Кроме этого в ряде случаев имели место поломки клапанных штоков, объясняемые тем, что из 2 перегрузочных клапанов один, как оказалось при ревизии, вовсе не соответствовал по размерам—болтался и все время пропускал пар в перегрузочную камеру турбины.

Экспертная комиссия утверждает:

«несоответствия размеров клапана не мог не заметить монтажный персонал, монтировавший машину. Подобное явление говорит о явной недобросовестности или о злонамеренности».

В конце октября 1931 года, по показанию обвиняемого по настоящему делу главного инженера Челябгрэса Витвицкого, имела место серьезная авария в результате короткого замыкания на питавшемся от станции заводе «Строитель», когда вся нагрузка станции была сброшена.

Весной 1932 года произошла авария с топочным мотором котла вследствие короткого замыкания питающего моторы кабеля 220 вольт.

В связи с рядом неполадок на агрегате № 1, и в частности чрезмерным нагреванием генератора и связанным с ним истечением лака из его лобовых обмоток, станция сообщила Электроимпорту о необходимости перемотки лобовых частей генератора.

В июне 1931 года для осмотра этих неполадок на Челябгрэс прибыл Торнтон. Осмотрев генератор, Торнтон успокоил относительно его чрезмерного нагревания, а об истечении лака обещал сообщить фирме. Лично Витвицкий считал неполадки в машинах преднамеренными, равно как и дефекты поставляемого фирмой оборудования и неправильности монтажа. Разговор с Торнтоном еще более укрепил Витвицкого в его мнении.

Во время разговора, происходившего в машинном зале, Торнтон, как передает Витвицкий, заметил:

«что фирма понесла бы большой убыток в случае необходимости исправлять вскрывающиеся дефекты, так как это повлекло бы за собой присылку новых деталей, монтеров и т. п., и дал мне понять, что представляемая им фирма будет очень довольна, если я буду смотреть на дефекты сквозь пальцы».

Осведомленность о политических установках Витвицкого, полученная от Олейника, старшего монтера конторы фирмы «Метро-Виккерс», помогла Торнтону немедленно предпринять шаги, чтобы связаться с Витвицким по контрреволюционной деятельности.

В дальнейшем разговоре Торнтон прямо указал, что фирме нужно иметь постоянную и систематическую информацию о положении дел на станции в смысле хода постройки, особенности эксплуатации и т. п. При этом Торнтон указал, что фирма имеет подробную информацию от целого ряда союзных станций, в том числе Златоустовской, и хотела бы иметь от Челябгрэса.

«Я конечно прекрасно понимал,—говорит Витвицкий,—какого рода и для какой именно цели требуются фирме «Метрополитен-Виккерс» сведения, о которых говорил Торнтон, понимал, что Торнтон лишь передаточное звено к другим лицам и организациям, занимающимися собиранием таких сведений».

Торнтон обещал, что передача информации будет хорошо оплачиваться, причем указал, что Витвицкий может передавать эти сведения монтеру той же фирмы в Златоусте Макдональду через заведующего Златоустовской силовой станцией инженера Гусева во время приезда последнего в Челябинск. При этом Торнтон сообщил, что Гусев уже дает информацию по Златоустовской станции.

С Торнтоном у Витвицкого, по его словам, было всего три разговора. Первый в июле 1931 года, второй—в апреле 1932 года также на Челябгрэсе, когда Торнтон предложил Витвицкому проводить эксплуатацию машин таким образом, чтобы увеличить их срок, и третий—в Москве, в Электроимпорте, в августе 1932 года, в котором Витвицкий сообщил Торнтону о положении дела на Челябгрэсе и о том, что его задания о прекращении борьбы с чрезмерно высокой температурой перегрева пара им выполнены.

За свои вредительские действия Витвицкий неоднократно получал взятки в общей сумме 6 900 рублей.

Данные, указанные Витвицким о полученных им денежных суммах, совпадают с показаниями Гусева, подтвердившего, что в первый раз, т. е. в сентябре месяце, он передал Витвицкому по указанию Макдональда 2 000 рублей деньгами.

Далее, по показаниям того же Гусева, при получении других

двух писем он передал Витвицкому оставшиеся у него от Макдональда деньги, всего, как указывает Гусев,

«в эти три раза я передал Витвицкому около 4500 рублей».

Письма, передаваемые Витвицким Макдональду, содержали в себе следующие данные:

а) в ноябрьской сводке 1931 года сообщалось Витвицким о намечавшейся на Челябингрэсе контрреволюционной группой разработке плана вредительства;

б) в сводке от января 1932 года Витвицкий сообщал уже о вышенном контрреволюционной группой плане диверсии, заключавшемся в выведении главных турбин из строя путем подачи воды и сырого пара в турбины;

в) переданные Витвицким в феврале и марте 1932 года сводки были аналогичны по содержанию январской сводке, переданной через Гусева, но в этих сводках Витвицкий дополнительно сообщал о мерах, принятых им для подготовки указанной в январской сводке диверсии, заключавшихся в постановке на ответственные участки по наблюдению за питанием котлов малоопытных работников;

г) июльская сводка 1932 года содержала информацию о проводившейся контрреволюционной группой по заданию Торнтона вредительской работе, заключавшейся в том, что было прекращено регулирование высокой температуры перегрева пара, что должно было вредно отражаться на лопаточной системе турбины.

Согласно показанию Витвицкого, основные задачи вредительской группы на Челябингрэсе в части вредительства сводились к тому, чтобы всеми средствами задерживать дальнейшее развитие станции по линии строительства и проводить организацию и эксплуатацию станции таким образом, чтобы последняя шла с перебоями в снабжении потребителей электроэнергией и авариями, что и было осуществлено в действительности.

Это достигалось следующими способами:

а) некомплектными заявками на материалы;

б) задержкой в передаче сведений проектирующим организациям;

в) длительной проектировкой отдельных элементов оборудования;

г) сосредоточением внимания на объектах, не имеющих отношения к станции;

д) сдачей оборудования с громадным количеством недоделок, весьма затруднявших ее нормальную эксплуатацию и вызывавших большое количество аварий;

е) попустительством, заключавшимся в непринятии достаточных мер в случае, когда на каком-либо участке станции создавались условия, угрожавшие бесперебойной работе станции.

Указанные выше задачи контрреволюционной группы на Челябинской государственной районной электростанции достигались применением еще одного способа умышленной неправильной расстановки работников, когда более опытные работники назначались на менее ответственные участки и наоборот.

Об этом методе вредительства Витвицкий показывает следующее:

«Осуществлялось это следующим образом: обычно персонал для наблюдения за питанием котлов подбирался из старых испытанных

кочегаров, хорошо освоивших технику этого дела, не способных растеряться на минуту какой-либо аварии. Особенно это важно на котлах большой производительности, как и в Челябинске, когда в случае остановки питания при работе котла на полную мощность запаса воды у него хватает максимум на 6 минут.

На Челябинске же на должность водосмотров ставился малоопытный персонал, и перевод вниз на пост, в обязанности которого входило наблюдение за процессом горения, считался повышением, тогда как, наоборот, должны были быть созданы такие условия, чтобы более опытные кочегары стремились занять должность водосмотра».

Как и на Златоустовской электростанции, вредительская группа, действовавшая на Челябинске, имела разработанную программу действий и на случай войны.

Подготавливая крупную диверсию для выведения из строя всей электростанции в момент внешних затруднений в Союзе, контрреволюционная организация на Челябинске, выполняя отдельные диверсионные акты, имела целью подвести необходимую базу для вывода из строя на случай войны всей электростанции.

III

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЗУЕВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

Экспертная комиссия, проверив и дав техническую оценку документов об авариях на Зуевской электростанции, установила, что авария с генератором № 3 в июне-июле 1932 года произошла вследствие нахождения в нем посторонних предметов—болта, куска доски, камня и пр., и пришла к следующему выводу:

«Случаи нахождения в генераторе № 3 разных посторонних предметов (болт, кусок доски, камень и пр.)... не может рассматриваться иначе, как следствие преступной халатности монтажного персонала или чьего-либо прямого злого умысла».

«Всякий техник не мог не понимать,—как указывает дальше Экспертная комиссия,—что попадание посторонних предметов, в особенности болта, в междужелезное пространство генератора может привести к серьезным повреждениям статора и выходу из строя всего агрегата».

По авариям, происшедшим на турбинах №№ 1 и 3 в масляных насосах, та же Экспертная комиссия пришла к выводу, что

«помимо отказа от работы регулирования имеет место отказ от работы автоматического клапана масляного турбонасоса, благодаря чему не происходит автоматическое включение насоса при остановке машины, а также вследствие неправильности монтажа имели место аварии главного масляного насоса».

«Подобное состояние масляных насосов,—утверждает Экспертная комиссия,—ставит под прямую угрозу надежность турбины и могло иметь место лишь при явно недобросовестном отношении к делу лиц, производивших монтаж».

Ряд других аварий, происшедших на Зуевской электростанции, рав-

ным образом нашедших свою техническую оценку со стороны Экспертной комиссии, также свидетельствует об аварийном состоянии машины на Зуевской электростанции.

Создание такого состояния осуществлял переброшенный на работу на Зуевскую электростанцию из Златоуста в сентябре 1931 года тот же монтажный инженер конторы «Метро-Виккерс» Макдональд, сам признавший в своих показаниях, что он

«ставил перед собой задачу создать аварийное состояние по возможности на длительные сроки на Зугрэсе».

Эта задача, по его же утверждению, ему в значительной мере удалась.

Основным вредителем на Зуевской государственной электростанции являлся заведующий турбинным цехом инженер Котляревский. Привлеченный в качестве обвиняемого Котляревский признался в своей вредительской деятельности и показал, что он осуществлял ее также совместно с Макдональдом. Познакомившись с приехавшим на Зуевскую государственную районную электростанцию Макдональдом, он вскоре установил с ним

«тесные взаимоотношения, носившие даже дружественный характер, которые Макдональд старался все время поддерживать».

Установившиеся дружеские отношения, как показал Котляревский, послужили почвой для совместного совершения вредительских актов.

Признавая свое участие в совершении вредительских актов, Котляревский однако ограничивает их лишь заведомым сокрытием дефектов оборудования. Эти попытки Котляревского умаления вредительской деятельности опровергаются полностью, имеющимися в деле документами и показаниями Макдональда, рисующими участие Котляревского в гораздо более активном виде.

Допрошенный 3 апреля 1933 года Макдональд показал:

«В июне-июле 1932 г. была организована авария 3-го генератора.

Эта авария произошла вследствие оставления (of leaving) болта в междужелезном пространстве. Сделал это по моему заданию или Фомичев или Котляревский».

Выше указано, что это показание находит свое подтверждение в акте Экспертной комиссии.

Что же касается аварии с масляными насосами турбин №№ 1 и 3, то сам Котляревский признал, что он был предупрежден Макдональдом о том, что они будут выведены из строя на срок от нескольких дней до 2 недель, как это и было в действительности. В том же показании Макдональд признал, что на турбинах №№ 1 и 3 были аварии с масляными насосами, которые были засорены, и что это вредительство было произведено Васильевым¹ по его заданию.

Акт Экспертной комиссии о происшедших авариях на турбинах №№ 1 и 3, связанных с неправильной работой масляных насосов, подтверждает эти показания Макдональда.

Показания Котляревского об оплате его вредительской контр-революционной деятельности также подтверждены Макдональдом,

¹ Васильев умер до возникновения дела.

признавшим, что им действительно было выплачено Котляревскому около 1000 рублей.

Котляревский показывает:

«У меня нехватило решимости не взять деньги и заявить в соответствующий орган, ибо я решил, что это повлечет для меня чрезвычайно неприятные последствия. Все это привело меня к тому, что я деньги взял и этим самым отрезал себе путь на будущее в том смысле, чтобы отказаться от роли агента Макдональда».

IV

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ИВАНОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РАЙОННОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Ивановской районной электростанции в течение времени с января 1932 года, т. е. с момента пуска агрегата в работу, по день возбуждения расследования по настоящему делу имел место ряд разнообразных аварий, выводивших из строя агрегаты и причинявших государству большие убытки. Анализ аварийных актов, составленных после каждой аварии, привел Экспертную комиссию к заключению о следующих причинах этих аварий:

1) Наличие ненадежного регулирования турбин, которое с момента пуска не выдерживало гарантии и не обеспечивало нормальной эксплуатации.

«Работа агрегата при расстроенном регулировании,—заключает Экспертная комиссия,—может либо привести к серьезным авариям, либо увеличить их».

В этих условиях, по заключению Экспертной комиссии:

«Эксплоатация агрегата может быть допущена лишь при явно недобросовестном или злонамеренном отношении персонала станции и представителей фирмы».

Экспертная комиссия указывает дальше, что

«хроническое расстройство регулирования в течение полутора лет на всех турбинах должно было обратить большее внимание станционного персонала и представителей фирмы на устранение неполадок в случае добросовестного отношения к делу».

2) Вторым серьезным обстоятельством, выводившим агрегаты из строя на длительный срок, по заключению Экспертной комиссии, является явно ненадежное облопачивание. Служащим фирмы были хорошо известны аварии от ненадежного облопачивания машин в Баку и на других станциях. Однако они не сочли нужным поставить станцию об этом в известность, равно как не приняли мер к устранению этих недостатков.

Эксплоатационный персонал в свою очередь не принял мер:

а) ни к исправлению этих дефектов,
б) ни к предъявлению жестких требований представителям фирмы о приведении в порядок турбин.

3) Представленные акты о работе машин на Ивгрэсе говорят о дефектах контрольно-измерительной аппаратуры для обслуживания агрегатов.

Экспертная комиссия после анализов этих актов пришла к выводу, что

«контрольная измерительная аппаратура для обслуживания агрегатов вследствие небрежного монтажа и неряшливой эксплуатации

пришла частью в негодность, частью дает неверные показания».

На вопрос о степени серьезности этих дефектов Экспертная комиссия дала следующий ответ:

«Практическое отсутствие правильно работающей измерительной аппаратуры на станции не дает возможности надлежащего контроля за работой агрегатов, что может привести к различным авариям и выходу агрегатов из строя».

Подобное состояние явилось следствием преступного отношения к своим обязанностям как со стороны служащих фирмы, так и станционного персонала, не сумевшего добиться надлежащей настройки всей аппаратуры.

4) К явно недобросовестному отношению к своим обязанностям при монтаже турбин на Ивгрэсе служащих фирмы Экспертная комиссия относит и следующие обстоятельства:

«Во время монтажа турбины были обнаружены трещины в цилиндре низкого давления, заделанные на заводе специальными накладками, делающие отливку цилиндра дефективной».

По мнению Экспертной комиссии даже в случае, если персонал фирмы считал эти трещины неопасными для длительной работы машин, то необходимо было:

«составить акт о наличии дефектов, поставить об этом в известность заказчиков и дать специальную гарантию работы цилиндра».

Представителями фирмы, монтировавшими машины, ничего этого сделано не было, и таким образом были скрыты дефекты оборудования, и электростанция была лишена возможности проконтролировать значение этих трещин для дальнейшей работы турбины и принять соответствующие меры к предотвращению аварий.

5) Следующим слабым местом на Ивгрэсе являлся регенеративный подогреватель № 3 высокого давления, в котором предохранительная аппаратура на случай разрыва трубок была явно ненадежна. Между тем, как видно из акта Экспертной комиссии, служащие фирмы запрещали станционному персоналу произвести необходимые переделки, которые были сделаны персоналом станции лишь после их отъезда. Экспертная комиссия по этому поводу дает следующее заключение:

«Это обстоятельство позволяет утверждать, что представители фирмы пустили турбину в эксплуатацию при наличии дефектов, которые могли бы повлечь за собой серьезную аварию с турбиной вследствие попадания воды в турбину после разрыва труб подогревателя при явно ненадежной предохранительной аппаратуре».

Монтажный персонал фирмы в процессе монтажа агрегатов на Ивгрэсе допустил по мнению экспертизы

«грубые технические нарушения, которые не должны были иметь место при нормальном ведении монтажа цепи возбуждения генератора».

Результат этого грубого технического нарушения привел к тому что, как устанавливает Экспертная комиссия,

«имели место заземление ротора и блуждающие токи, которые вызвали разъедание шеек валов баббитовой заливки подшипника и

разъедание червячной пары для привода регулятора и масляного насоса».

Помимо аварий, перечисленных выше, на этой же электростанции в период времени с 1930 по 1932 год включительно сверх того имел место ряд случаев прямой порчи оборудования, подробно изложенный ниже.

Данными, добытыми предварительным следствием по расследованию причин перечисленных выше аварий и случаев порчи оборудования, устанавливается, что все они произошли отнюдь не вследствие халатности, неопытности или небрежности персонала, а в результате умышленного и обдуманного вредительства.

Как было установлено следствием все эти вредительские акты на Ивгрэсе производились контрреволюционной вредительской группой, состоявшей из отдельных представителей инженерно-технического персонала, организованной зав. Эксплоатационным отделом Ивгрэса инженером Лобановым в соучастии с служащим фирмы «Метро-Виккерс» инженером Нордволлом.

Инженер Лобанов, сын фабриканта, кончивший в 1929 году Ивановский институт и получивший звание инженера, пришел на работу на Ивгрэс с вполне сформировавшимися антисоветскими настроениями и взглядами.

Познакомившись в 1930 году с инженером Нордволлом, приехавшим на Ивгрэс производить монтаж оборудования, поставленного на Ивгрэс фирмой «Метро-Виккерс», Лобанов неоднократно высказывал Нордволлу во время своих с ним бесед недовольство существующим советским строем, говорил о переживаемых затруднениях и в частности о том, что пятилетка не будет выполнена; жаловался на якобы плохое материальное положение, указывая при этом, что до революции его отец был заводчиком и имел торговлю и что ему, Лобанову, так жить не придется.

По показаниям Лобанова его встречи с Нордволлом впоследствии участились, их разговоры стали еще более откровенными, благодаря чему Нордволл понял возможность использования Лобанова для активной антисоветской деятельности, и действительно, примерно в феврале 1932 года Нордволл, после одной из обычных бесед с Лобановым, предложил ему прямо перейти «к делу» — на организацию умышленной порчи оборудования. При этом Нордволл добавил, что как он, Лобанов, так и другие соучастники «в обиду не останутся».

По словам Лобанова, Нордволл указал, что порча оборудования должна производиться систематически, создавая перебои в снабжении промышленности энергией, и что

«при этом должно быть обращено внимание на то, чтобы портить оборудование, не входящее в поставку фирмы «Метро-Виккерс», а если будет подвержено порче оборудование фирмы «Метро-Виккерс», на которое гарантийные сроки еще не окончились, то повреждения оборудования должны быть произведены так, чтобы нельзя было ответственность за это свалить на фирму «Метро-Виккерс».

В соответствии с этой установкой и были намечены практические мероприятия по порче турбин.

Для осуществления этих вредительских актов Лобанов привлёк к участию мастера Ивгрэса Лебедева, старшего техника Угрюмова и слесаря Китаева, которые до революции работали на заводе отца Лобанова.

О совершенных Лобановым вредительских актах им даны подробные показания, в которых он указал следующие основные моменты:

1) Систематическое выведение из строя моторов, цепных решеток котлов путем перелома кабеля, питающего эти моторы, что осуществлялось мастером электроотдела Лебедевым.

2) Умышленное засорение подшипников мотора питательного насоса котлов песком, вследствие чего подшипники грелись и мотор выбывал из строя на ремонт, что также выполнялось тем же Лебедевым.

3) Неоднократное выключение вручную фидеров собственных нужд из помещения распределительного устройства Ивгрэса, якобы включающихся под действием максимальных реле.

4) Умышленное выведение из строя мотора дымососа котла № 5 путем умышленного закрытия вентиляции мотора, в результате чего сгорела обмотка мотора и котел № 5 был выведен из строя.

5) Умышленно ненадежная изоляция обмотки трансформатора и ртутника в целях выведения из строя электровозов, обслуживающих торфоподачу.

6) Оставление неотремонтированной крышки контактной коробки у мотора пожарного насоса с той целью, чтобы через оставленную трещину попало постороннее металлическое тело и создалось короткое замыкание в муфте.

7) Систематическое выведение из строя телефонной связи.

В том же показании Лобанов подробно перечисляет и ряд вредительских мероприятий, намеченных им после своего перевода в отдел рационализации и направленных на производство аварий в отношении автоматов «Ганнемана», хаусгенератора и трясунгов на котлах №№ 3 и 4 и в ряде других случаев.

Допрошенный на следствии в качестве обвиняемого мастер электроотдела Лебедев подтвердил приведенные выше показания Лобанова, объяснив, что

«ближайшей целью контрреволюционной группы являлась дезорганизация работы Ивгрэса путем сознательной порчи оборудования для вызова аварий с агрегатами и оборудованием, перебоев в работе станций, сокращения электропередачи и полного прекращения электроснабжения заводов, питавшихся энергией от Ивгрэса».

Переходя к изложению конкретных вредительских актов, совершенных им по указанию Лобанова, Лебедев показал, что по его вине произошел ряд аварий с редукторами цепных решеток вследствие плохого монтажа и небрежного отношения к кабелю, которое он умышленно допускал с целью вызова этих аварий на циркуляционном насосе хаустурбины, и что им не была исправлена крышка с трещиной на контактной коробке мотора пожарного насоса также с целью вызвать аварию. В результате вода попала на контакты и их перекрыла, и произошел взрыв, которым разорвало коробку. Взрывом были испорчены масляники мотора, в которых сгорели включающие катушки и погнулись тяги.

В результате описанных действий с агрегатами на Ивгрэсе действи-

тельно произошёл ряд аварий, повлекших за собой перебои в работе станций и сокращение электроснабжения заводов и фабрик, питающихся электроэнергией с Ивгрэса.

Действовавшая на Ивановской электростанции преступная вредительская группа также имела разработанный план действий на случай войны.

Как показал Лебедев со слов Лобанова, Нордволл ставил своей целью подготовку вывода из строя всех турбин Ивгрэса для прекращения подачи электроэнергии промышленности на случай объявления войны.

Все эти контрреволюционные вредительские действия сопровождались подкупом и дачей взяток. Так, по показаниям Лобанова, он получил 5 000 рублей.

«После того,—показывает Лобанов,—как я сообщил Нордволлу о вредительской и диверсионной работе, проделанной организованной мною группой, он в мае или июне 1931 года на электростанции после разговоров на щите передал мне во время совместного прохождения через площадку машинного зала 3 000 руб., завернутые в газету. При этом он сказал, что если работа будет энергичнее, то вознаграждение будет больше. Эти деньги я распределил таким образом: Лебедеву—1 000 руб., Угрюмову—800 руб., а остальные деньги взял себе».

В дальнейшем, после того как были неоднократно произведены ложные выключения фидеров и был выведен из строя мотор питательного насоса, Лобанов получил от Нордволла еще 2 000 рублей.

Лебедев также признал получение им денег за совершенные вредительские акты.

Привлеченный по настоящему делу к ответственности инженер фирмы «Метро-Виккерс» Чарльз Нордволл показал, что никогда никаких заданий Лобанову о совершении вредительских актов он не давал и никаких денег Лобанову не передавал.

На очной ставке, произведенной между Лобановым и Нордволлом, последний, не отрицая своих неоднократных встреч с Лобановым и антисоветских разговоров с ним, однако продолжал отрицать передачу Лобанову каких бы то ни было денежных сумм и каких-либо поручений, связанных с совершением вредительских актов.

К вредительству на Ивановской электростанции был причастен также и Торнтон.

Вредительство в области монтажа турбин, поставленных фирмой «Метро-Виккерс», производилось на Ивановской электростанции мастером трансформаторного и масляного хозяйства гр. Зивертом Юрием Ивановичем, который в этой должности работал на Ивановской электростанции с июня 1930 по июль 1931 года.

По показаниям Зиверта, он был вовлечен во вредительскую деятельность старшим монтажным инженером фирмы «Метро-Виккерс» Торнтоном.

Впервые Зиверт познакомился с Торнтоном в 1925 году на Горьковской электростанции (тогда Нигрэс), где Зиверт работал по монтажу трансформаторов фирмы «Метро-Виккерс» в качестве старшего мастера.

Первое задание по вредительству от Торнтонна Зиверт получил

в июне 1930 года, причем тогда же получил от Торнтона и 500 руб., сопровождавшиеся предложением

«...тормозить монтаж трансформаторов следующих групп, главным образом трансформаторов первой группы, для передачи электроэнергии на торфоразработки, а также не наблюдать за качеством монтажа так, как я это делал на Нигрэсе.

...Поддавшись на обещания Торнтона вознаградить меня, я согласился на предложение Торнтона тормозить монтаж агрегатов, находившихся в моем ведении, и не следить за качеством монтажа, зная хорошо, что это предложение является вредительским и продиктовано контрреволюционными целями задержать и ухудшить строительство электростанций».

Согласившись на предложение Торнтона тормозить монтаж агрегатов и умышленно небрежно производить монтаж электрооборудования по трансформаторному и масляному хозяйству, Зиверт, как это явствует из его дальнейших показаний, выполнил задания Торнтона, причем:

1) умышленно не принимал мер к изоляции от пыли коллектора при его обточке, в результате чего были пробиты секции на коллекторе и умформер был выведен из строя, что задержало пуск электровозов, служивших для подачи торфа;

2) умышленно небрежно и неправильно производил монтаж масляников и трансформаторов.

В результате такого рода деятельности Зиверта в дальнейшем, в 1931 и 1932 годах имел место целый ряд аварий с электрической частью оборудования Ивановской государственной районной электростанции.

В течение 10 месяцев произошло 15 аварий с приводами масляников. После монтажа в течение 2 месяцев произошло пять отказов масляников от правильной работы.

Сверх 500 руб. за совершенные вредительские акты Зиверт получил еще 300 рублей.

V

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯХ, ВХОДЯЩИХ В СИСТЕМУ МОСЭНЕРГО

На протяжении 1927—1932 годов на электростанциях, входящих в систему Мосэнерго, произошел ряд аварий, приведших к остановке на длительный срок ряд турбин, к понижению работоспособности их и к повышению расходов по эксплуатации электрооборудования.

1) Исследуя вопрос об авариях на 1-й Московской городской электростанции с турбинами №№ 27 и 28, имевших место 9 марта, 10 мая, 16 июня и 28 ноября 1931 года, вызвавших остановку циркуляционных насосов турбин, Экспертная комиссия, останавливаясь на том факте, что при всех авариях станционным персоналом причины аварии не были обнаружены и что «причинами аварий могли явиться недостатки конструкции масляников «Метро-Виккерс», которые могли время от времени выключаться вне зависимости от посторонних причин», и исходя из того, что

«несмотря на повторение аварий персонал станции не предъявил соответствующих претензий фирме»

и что

«специальных испытаний масляников не производилось»,
приходит к выводу, что

«не исключена возможность того, что выключение масляников производилось умышленно...»

2) 1 октября 1932 года была испытана после ее монтажа трансформаторная группа № 2 105 000 вольт 45 000 киловольт-ампер. Своевременный пуск этой группы представлял особо важное значение для Мосэнерго, так как существовавшая трансформаторная установка была перегружена и не могла пропустить требуемой для Мосэнерго мощности. Монтаж производился вначале под руководством представителя фирмы «Метро-Виккерс» монтера Райзина, который однако до окончания монтажа был отозван фирмой, послан на другую работу, а монтаж был передоверен фирмой мастеру 1-й Московской городской электростанции Марину. Испытание происходило в присутствии фирменного инженера Монкгауза и окончилось аварией. Вот что сообщает об этой аварии Экспертная комиссия:

«При переводе регулятора напряжения из одного положения в другое на щите управления был отмечен толчок, после чего генератор немедленно же был включен от руки... После вскрытия баков обнаружено подгорание контактов и втулок. Оба бака переключателя оказались незаполненными маслом, что и явилось причиной аварии».

Экспертная комиссия добавляет:

«Является совершенно непонятным, как мог опытный персонал, монтировавший трансформатор, позабыть залить маслом баки регуляторов и дать агрегату напряжение без проверки наличия масла».

Между тем

«представитель фирмы Монкгауз,—продолжает Экспертная комиссия,—допустил производить испытания трансформатора без предварительной проверки его исправного состояния, качества монтажа и степени его законченности».

Необходимо подчеркнуть, что

«трансформатор мощностью в 45 000 киловольт-ампер является очень крупным агрегатом, и при его испытании должны быть приняты все обычные меры предосторожности, каковые в подобных случаях предписываются».

Экспертная комиссия в заключение приходит к выводу, что

«подобное небрежное и крайне легкомысленное отношение как представителя фирмы, так и персонала станции, производившего монтаж, по отношению к столь крупной и важной для электроснабжения Московской области установке может быть определено по меньшей мере как преступная небрежность».

3) Указание на аналогичное преступное отношение персонала электростанции к эксплуатации машин мы имеем в выводах Экспертной комиссии и по аварии 4 декабря 1931 года на Шатурской государственной электростанции, где

«во время перехода с одного маслоохладителя на другой персоналом было допущено неправильное переключение вентилей, благодаря чему сократилась подача смазки к подшипникам турбо-

генератора. Неправильные действия персонала повлекли за собой различные степени оплавления всех подшипников, срабатывание лабиринтной крышки генератора, срыв с рабочего колеса со стороны генератора балансировочных грузов и т. д.».

Анализируя эту аварию, Экспертная комиссия приходит к выводу, что «причиной аварии могли быть или полная неопытность и растерянность персонала при условии отсутствия правильной организации дела в машинном зале или же сознательные действия персонала с целью вывести машину из строя».

4) По авариям на Орехово-Зуевской теплоэлектростанции 22 мая 1931 года, 18 ноября 1931 года и 19 мая 1932 г. Экспертная комиссия установила следующее:

«По аварии 22 мая 1931 года. Вследствие закрытия водосточного циркуляционного канала уровень в канале поднялся, и вода проникла в распределительное устройство, благодаря чему пришлось выключить генератор № 1 и мощность снизилась на 3 000 киловатт. После понижения уровня воды генератор был вновь включен в сеть. Причина аварии—после бетонировки канала строительной организацией была оставлена опалубка, а эксплуатационный персонал станции пустил воду, не удалив опалубку, каковая была смыта водой и закрыла выходное отверстие. В данном случае налицо либо злой умысел, либо небрежность строительной организации и эксплуатационного персонала, граничащая с преступлением».

Расследованием было установлено, что, кроме указанных выше аварий, имел место еще ряд аварий на 1-й Московской городской электростанции и на станциях Мосэнерго.

В отношении их не представилось возможным провести полную техническую экспертизу за отсутствием некоторых необходимых документов. Технические причины их устанавливаются однако прямыми показаниями обвиняемых.

К этим авариям относятся следующие:

1) Аварии с турбинами №№ 26 и 27 на 1-й МГЭС, явившиеся результатом организационных дефектов лопаток турбин, приведших к остановке этих турбин на срок 7 дней и больше и к понижению рабочей мощности их в дальнейшем после ремонта на 20—25%. Эти аварии происходили систематически вплоть до марта 1933 года.

2) Органический дефект штока 2-го регулирующего клапана турбины № 26 на 1-й Московской городской электростанции, заключающийся в том, что была сделана слишком глубокая нарезка штока, 29 апреля 1932 года привел к обрыву этого штока и к понижению вследствие этого нагрузки на турбине № 26 на 5 000 киловатт. 9 декабря 1931 года на 1-й Московской городской электростанции произошел разрыв трубки маслопровода вследствие дефекта пайки его, что привело к остановке турбины и могло бы быть причиной пожара на станции.

3) На протяжении того же периода времени турбины систематически останавливались из-за того, что масло проникало через маслозащитные щиты на переднем подшипнике генератора по валу его в возбуждатель.

4) Плохая изоляция в выводах ротора генераторов систематически приводила к остановке генераторов.

5) 22 ноября 1932 года произошла авария, которая привела к остановке части машин 1-й Московской городской электростанции вследствие выхода из работы турбины собственных нужд и отсутствия достаточного химического контроля.

6) В конце 1931 года на одном из генераторов 1-й Московской городской электростанции были соединены свинцовая оболочка однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, что могло привести к полному выбытию из строя одного из генераторов и не привело к этим результатам лишь из-за бдительности рабочих.

7) 11 декабря 1932 года произошла авария с турбиной № 2 на Ореховской теплоэлектрической централи вследствие гидравлического удара в самой турбине. 31 августа 1932 года произошла авария с турбиной № 1 на Ореховской теплоэлектрической централи по причине резких колебаний нагрузки, недостаточной мощности упорного подшипника и отсутствия разгрузочных отверстий: в результате этой аварии турбина была выведена из строя на 8—9 месяцев. Аналогичная авария произошла с турбиной № 2 в начале февраля 1933 года.

Как было выяснено следствием, в дальнейшем эти аварии вызывались вредительскими действиями на электростанциях инженеров Сухоручкина, Крашенинникова и Зорина, действовавших в соучастии со служащими фирмы «Метро-Виккерс».

Сын торговца, Сухоручкин начал работать в 1925 году на 1-й Московской городской электростанции в должности инженера электроцеха, потом заведующим электротехническим отделением и начальника эксплуатационного отдела.

По его признанию, еще в 1927 году он вступил в связь с Торнтоном, которому систематически передавал экономические сведения. В 1929 году Сухоручкин перешел к вредительской работе. О своей контрреволюционной деятельности Сухоручкин показал следующее:

«С середины 1929 года я уже, помимо доставки разного рода сведений... умалчивал о ряде дефектов в поставляемом фирмой оборудовании... В 1931 году по директивам Торнтонна сам лично перешел к прямой диверсионной работе».

В целях вредительства Сухоручкин тщательно скрывал все органические дефекты в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс», обнаруживаемые им в процессе своей работы, и сознательно держал это оборудование в постоянно аварийном состоянии. Таким образом им были скрыты дефекты маслозащитных щитов на переднем подшипнике генератора, дефекты в выводах ротора генераторов, дефекты регуляторов, трансформаторов и т. п.

Помимо этого Сухоручкин осуществлял и прямые диверсионные действия. Как он сам об этом показывает в качестве заведующего электроотделом, он в конце 1931 года

«по прямому заданию Торнтонна с целью вызвать аварию на одном из генераторов 1-й МГЭС лично соединил свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, что могло привести к полному выбытию из строя одного

из генераторов и не привело к этому результату лишь из-за бдительности рабочих».

Одновременно Сухоручкин и Торнтон обсуждали ряд диверсионных актов, которые они намерены были осуществить на случай войны в более широких размерах.

«Таких разговоров с Торнтоном было четыре: 1) В феврале 1930 года, когда я с ним осматривал распределительное устройство, он указал мне на легкую выполнимость диверсионного акта как в шинном отделении 5-го щита, так и в кабельном туннеле станции. 2) В октябре и декабре 1930 года на центральной подстанции он мне указал на возможность разрушения в 3-м этаже 4-го щита, которое могло нарушить энергоснабжение центра Москвы, и на возможность разрушения отдельной трансформаторной группы центральной подстанции. 3) В октябре 1931 года на центральной подстанции Торнтон подробно разъяснил мне способы разрушения 5-го щита или через устройство пожара в 6-м и 7-м этажах над распределительным устройством, или путем взрыва шинного отделения».

За приведенную вредительскую и диверсионную работу Сухоручкин разновременно суммами в 200—300 руб. получил от Торнтона около 2000 руб., а кроме того 350 руб. торгсиновскими бонами.

Одновременно с Сухоручкиным вредительскую работу при 1-й МГЭС проводил и Крашенинников—начальник ремонтно-монтажного отдела этой станции.

Крашенинников также начал с сокрытия дефектов оборудования, что в ряде случаев приводило к авариям, повреждению машин и их простою, а в конце 1929 и в начале 1930 года вступил в связь с приехавшим на 1-ю МГЭС для монтажа турбины № 28 старшим монтером фирмы «Метро-Виккерс» Олейником, который и передал ему от имени Торнтона 500 руб. за его действия с указанием, что Торнтон в дальнейшем ждет от него продолжения этой деятельности.

В результате такого вредительского отношения Крашенинникова к своим обязанностям и были скрыты дефекты рабочих лопаток, роторов турбин №№ 26 и 27, что привело к неоднократным остановкам этих турбин и к уменьшению их рабочей мощности на 20—25%, как показывают о том сами обвиняемые. Именно в силу такого отношения Крашенинникова к своим обязанностям не были проверены вновь прибывшие из Англии лопатки; в феврале и марте 1933 года эти лопатки начали ломаться, и это снова вызвало остановку турбин на продолжительный срок. Крашенинников скрыл также дефект регулирующих клапанов турбин вследствие их термической необработки, что также привело к остановке турбины и к необходимости пускать старые турбины, что вызывало пережоги топлива—мазута. Им же были скрыты и дефекты конструкции уплотнения циркуляционного насоса турбины № 27, что привело 10 мая 1931 года к остановке этой турбины; дефекты нарезки штока 2-го регулирующего клапана, что 29 апреля 1932 года привело к обрыву этого штока и к понижению нагрузки на турбине № 26 на 5000 киловатт; дефектная пайка трубки маслопровода, что 9 декабря привело к разрыву трубки и остановке турбины.

Старший инженер тепловой группы по турбинному хозяйству Мос-

энерго Зорин, выполнявший специальные поручения по расследованию причин аварий турбин и защите в Электроимпорте интересов Мосэнерго по рекламациям к иностранным фирмам по турбинам, под влиянием своих антисоветских убеждений энергично развивал контрреволюционную вредительскую деятельность.

Начав в 1931 году с передачи Торнтону сведений о регулировке турбин других иностранных фирм, конкурирующих с «Метро-Виккерс» в СССР, и об авариях с этими турбинами, он постепенно перешел на передачу сведений о перспективном плане развития станций Мосэнерго, а вслед за этим принял на себя обязанность скрывать дефекты оборудования, поставляемого этой фирмой в СССР.

О преступной деятельности Сухоручкина и Крашенинникова Торнтон предусмотрительно предупредил Зорина с тем, чтобы Зорин не вскрыл их вредительства.

Зорин так же, как и Крашенинников, знал о дефектах рабочих лопаток роторов турбин №№ 26 и 27 и так же, как и Крашенинников, скрыл эти дефекты, приведшие к ряду аварий.

Такого же образа действия держался Зорин и по отношению к Ореховской ТЭЦ. В своем показании от 26 марта с. г. Зорин говорит следующее:

«11 декабря 1931 года произошла авария с турбиной № 2 на Ореховской ТЭЦ вследствие гидравлического удара в самой турбине. Произошло повреждение ротора; так как ротор был открыт, то я его осмотрел и убедился, что упорный подшипник ротора недостаточно мощен для ротора, не имеющего разгрузочных отверстий, и это может впоследствии привести к аварии подшипника без гидравлического удара, при резких перегрузках, всегда возможных в эксплуатации при толчках сети. Этот органический дефект подшипников я умышленно скрыл, и 31 августа 1932 года произошла авария с турбиной № 1 Ореховской ТЭЦ, имевшей аналогичный с турбиной № 2 упорный подшипник, по причине резких колебаний нагрузки, недостаточной мощности упорного подшипника, при отсутствии разгрузочных отверстий. В результате этой аварии турбина выбыла из строя на 8—10 месяцев... Аналогичная авария произошла с турбиной № 2 в начале февраля 1933 года, однако с гораздо меньшими результатами, так как были подплавлены только сегменты подшипников и турбина была остановлена всего на одни сутки».

За совершенные вредительские акты Зорин одновременно получил от Торнтона, по его словам, 1 000 рублей.

Особую роль во всей этой контрреволюционной вредительской группе играл старший монтер фирмы «Метро-Виккерс» Олейник, по его собственным словам прослуживший в этой фирме в течение почти 20 лет с небольшими перерывами и проживший ряд лет в Америке и Англии.

«Мое всегдашнее благополучие,—говорит Олейник в своих показаниях,—было связано с английской фирмой «Метро-Виккерс», и дальнейшее мое благополучие я всегда строил в расчете на эту фирму...».

Олейник выполнял вредительскую работу, но взял на себя и организацию агентуры для вредительской работы, одновременно выполняя

роль связующего звена между некоторыми служащими фирмы «Метро-Виккерс» и их агентурой на местах.

Поставив себе задачей способствовать созданию аварийного режима с целью выведения из строя работающих агрегатов и машин, Олейник, работая по монтажу и ремонту оборудования на многих электростанциях Союза, систематически скрывал дефекты этого оборудования, тем самым не давая возможности принять меры к предотвращению аварий.

Наряду с этим Олейник, согласно полученным инструкциям, умышленно сдавал дефектное оборудование электростанциям СССР, оттягивая всеми возможными способами производство испытаний сдаваемого оборудования.

О шпионской работе Олейника по заданию привлеченного в качестве обвиняемого Монкгауза будет сказано ниже.

VI

ВРЕДИТЕЛЬСТВО НА БАКИНСКОЙ ЭЛЕКТРОСТАНЦИИ

На Бакинской электростанции также имел место ряд аварий с турбогенераторами, поставленными фирмой «Метро-Виккерс».

Анализ актов аварий, имевших место на Бакинской электростанции с турбогенераторами №№ 11 и 12, поставленными фирмой «Метро-Виккерс», приводит Экспертную комиссию к необходимости прежде всего отметить аналогичность всех аварий с лопатками рабочих колес, приуроченных к определенным ступеням турбин.

«Характер аварий,—говорится в заключении Экспертной комиссии,—позволяет утверждать о наличии органических пороков в конструкции лопаток в ряде аварийных ступеней обеих турбин. Лопатки разрушаются по причине преждевременной усталости металла лопаток, вызванной резонансовыми вибрациями».

Экспертная комиссия утверждает, что

«однотипичность аварий должна была обратить внимание персонала станции и представителей фирмы на необходимость радикального изменения конструкции аварийных ступеней турбины. Недостаточно полная техническая оценка аварии, зафиксированная в первых актах об авариях на Бакинской ГРЭС, не вскрыла их основных причин во время обследования аварии и тем самым не обеспечила своевременного и правильного их устранения. В результате этого аварии продолжались уже через 3 дня после ремонта машин».

Особое внимание с точки зрения оценки поведения персонала станции и представителей фирмы «Метро-Виккерс» обращает на себя следующий вывод Экспертной комиссии:

«Первые аварии, зарегистрированные от 11 марта 1930 года, от 15 февраля 1931 года, от 21 февраля 1931 года и 22 марта 1931 года, обнаружены только при вскрытии турбины № 11 для ревизии перед производством испытания машины согласно договору, хотя, учитывая размеры происшедших аварий, нужно признать, что они (аварии) должны были сопровождаться внешними признаками—стук в цилиндре машины, усиление ее вибрации, нарушение плавности

хода, которые обязывали персонал фирмы и станции, работающий у турбины, к немедленной остановке машины».

По поводу аварии на Бакинской электростанции Олейник показал, что

«в конце 1928 года произошла авария с турбиной вследствие того, что при этом произошел бросок воды в турбину».

Когда в 1932 году Торнтон говорил с Олейником о диверсионной работе, он в виде примера, по словам Олейника, привел именно этот случай в Баку, указав, что эта авария была организована инженером Кушни. Это же Олейник подтвердил на очной ставке 13 марта 1933 года с Кушни.

В свою очередь, подтверждая факт этой аварии, Кушни отрицал, что давал какие-либо указания монтерам по проведению этой аварии и что эта авария произошла умышленно под его руководством.

Необходимо однако подчеркнуть, что причиной аварии, имевшей место в Баку в 1927 году, сам Кушни признает заброс в турбину воды, что могло иметь место, по данным Экспертной комиссии, при наличии злого умысла.

По поводу ряда таких аварий, и в частности аварии от 11 марта 1930 года, Экспертная комиссия обратила внимание на то, что эта авария была обнаружена лишь впоследствии, при вскрытии турбины № 1 для ревизии перед производством испытания машины, и следовательно своевременно не была замечена, несмотря на то, что размеры этой аварии должны были сопровождаться такими внешними признаками, при которых персонал обязан был немедленно остановить машину и подвергнуть ее ревизии.

По показаниям свидетеля Емельянова И. С. явствует, что Кушни говорил о необходимости портить оборудование и в особенности электростанции «Красная звезда», чтобы приостановить работу электростанции и рост нефтепромыслов.

Для характеристики положения, наблюдавшегося на Бакинской ГРЭС в 1930 году, можно сослаться на акт № 006110, составленный по поводу повреждения ротора и его дефектов, в котором между прочим было указано, что

«самый характер имевшегося повреждения дает повод усматривать не только небрежность в выполнении, но и злой умысел».

Но роль Кушни не ограничивалась вредительской деятельностью на Бакинской ГРЭС, так как Кушни, как и другие, привлеченные по настоящему делу инженеры фирмы «Метро-Виккерс», систематически занимался шпионажем.

По этому поводу Макдональд в показании от 12 марта говорил:

«Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метрополитен-Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтон. Разъездным помощником Торнтон и участником шпионской работы являлся инженер Кушни, офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это — основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

На очной ставке Торнтон с Кушни 22 марта оба признали соби́рание Кушни и передачу по назначению сведений не только таких, которые непосредственно в деловом смысле могли интересовать фирму, но и таких, которые могли быть использованы в определенных политических целях. Характер же сведений, собираемых по поручению Торнтон, в достаточной степени был выяснен выше в связи с вопросом о Златоустовской электростанции.

К изложенному нужно добавить, что, как это выяснилось из очной ставки Емельянова с Кушни 23 марта 1933 года, Кушни за полученные сведения давал ряду бакинских рабочих мелкие суммы денег, а также устраивал на свои деньги угощения для рабочих с выпивкой.

При предъявлении Кушни данных, изобличающих его в шпионской деятельности, Кушни отказался отвечать на поставленные ему вопросы, отказавшись также назвать и мотивы своего отказа, как отказался назвать и имена лиц из граждан СССР, собиравших для него шпионские сведения.

С 1927 года секретарем представительства фирмы «Метро-Виккерс» в СССР являлась гр. Кутузова Анна Сергеевна. Как это установлено обстоятельствами дела и показаниями самой Кутузовой, она, состоя на службе в конторе «Метро-Виккерс», считалась там своим человеком и была в курсе всей контрреволюционной работы, проводившейся инженерами названной фирмы.

По показаниям Кутузовой, ее пригласил на службу в контору «Метро-Виккерс» уполномоченный фирмы Монкгауз, с которым она познакомилась в начале 1927 года на Волховстрое, где в тот период времени она служила. В апреле 1927 года она была зачислена в штат представительства фирмы.

В 1929 году контора фирмы «Метро-Виккерс», ранее находившаяся в Ленинграде, переехала в Москву в помещение Электроимпорта. Кутузова также переехала из Ленинграда в Москву, причем поселилась в Перловке на даче, в которой жили все англичане—служащие фирмы «Метро-Виккерс». Впоследствии от нее перестали скрывать шпионскую и диверсионную деятельность.

Обвиняемая Кутузова показывает:

«Еще в 1930 году я стала замечать, что Торнтон, Кушни, Макдональд, Монкгауз и другие сотрудники представительства, помимо дел, связанных с интересами и заданиями фирмы, занимаются еще какой-то нелегальной работой. У них происходили секретные беседы с какими-то советскими гражданами, они часто запирались в кабинетах, вели секретные записи и т. п.»

В результате нескольких лет своей работы в представительстве фирмы «Метро-Виккерс», Кутузова, по ее показаниям, еще в 1930 году

«пришла к заключению, что все эти лица занимаются экономическим и политическим шпионажем и собираемые сведения пересылают в Англию».

Пользуясь своим положением, Кутузова решила выяснить у Торнтон характер и цели этой нелегальной деятельности:

«Я стала расспрашивать Торнтон, —показывает Кутузова, —и он сначала в общей форме мне сказал, что, помимо службы «Метро-Виккерс», имеет и другие задания секретного порядка.

Я после этого продолжала его расспрашивать. В конце концов Торнтон мне рассказал, что он и другие английские инженеры собирают секретные сведения политического и экономического порядка через завербованных ими русских инженеров и техников, которым платят за это деньги».

Как это установлено обстоятельствами дела, Кутузова принимала и непосредственное участие в оплате инженеров и техников, которые занимались шпионской и диверсионной деятельностью. Так например она, по указанию Макдональда, направила посылку в Златоуст Гусеву, причем сделала на посылке выдуманный адрес отправителя, написав вымышленную фамилию Ивановой.

На очной ставке с Торнтоном Кутузова подтвердила, что она была в курсе целого ряда моментов шпионской и диверсионной деятельности английских и русских инженеров, указав, что расходы по оплате русских инженеров и техников, доставлявших секретные сведения, Торнтон фиксировал не в бухгалтерии конторы, а в своих записных книжках, которые увез в Англию в декабре 1932 года.

«По бухгалтерии конторы,—показывает Кутузова,—была проведена только одна такая выплата в сумме 3000 руб., которые Торнтон передал Долгову. Эта сумма была проведена по счету «переходящих сумм».

Это показание Кутузовой полностью подтвердилось при осмотре счета «переходящих сумм» бухгалтерии Московской конторы «Метро-Виккерс», а также при допросе Монкгауза, который подтвердил такого рода бухгалтерское проведение взятки.

Вызванный в качестве свидетеля Долгов А. Н., заведующий конторой отдела Электроимпорта, подтвердил факт получения им денег, которые немедленно были им переданы ОГПУ.

В дальнейших своих показаниях Кутузова назвала целый ряд лиц, работавших по заданиям Торнтона, и в частности указала на Витвицкого, Гусева, Зорина, Сухоручкина и других обвиняемых по настоящему делу.

По вопросу об участии английских инженеров в совершении диверсионных актов Кутузова показывает:

«Я несколько раз слышала, как Торнтон и Монкгауз намечали планы порчи турбин на Нигрэсе, Зугрэсе, ленинградских и бакинских электростанциях, при этом говорилось, что надо портить турбины через посредство нанятых людей путем подбрасывания в части турбин разных посторонних предметов».

Переходя к вопросу о том, под чьим руководством действовали в своей шпионской и диверсионной работе Торнтон и другие служащие фирмы, Кутузова показывает:

«Я предполагаю, что Торнтон и другие работники представительства передавали сведения Ричардсу и подчинялись ему в своей шпионской работе. Это я заключаю из того, что когда приезжал Ричардс, то с ним велись секретные переговоры и кроме того фамилию Ричардса упоминали Торнтон и Монкгауз в своих секретных разговорах».

Названный Кутузовой Ричардс, как установлено следствием,

является директором-распорядителем экспортного отдела фирмы «Метро-Виккерс» в Англии.

В СССР, по показаниям Кутузовой, руководителями шпионской и диверсионной деятельностью являлись Торнтон, преступная деятельность которого охарактеризована выше, и Монкгауз.

При выяснении этих последних обстоятельств путем допроса Монкгауза и других установлено: Монкгауз при допросе в прокуратуре республики 25 марта 1933 года подтвердил:

1) «получение сведений, относящихся как к работе нашей фирмы, так и характеристике общего положения в Советском союзе, и о состоянии больших строителъств, производившихся в СССР».

Эти сведения, как указал Монкгауз, ожидал от него Ричардс. В качестве мотива собирания этих сведений Монкгауз приводит указание на то, что «эти сведения могли быть интересны фирме».

2) Подтвердил Монкгауз, что

«эти сведения он считал возможным получать как от служащих фирмы «Метро-Виккерс», так и от русских инженеров и при разговорах с ними».

3) Признал Монкгауз, что

«из служащих представительства, доставлявших ему сведения, были главным образом Торнтон и Кушни, часто ездившие на строительство».

4) Подтвердил Монкгауз свое соучастие в даче взятки Торнтоном заведующему контрольным отделом Электроимпорта Долгову:

«Я... участвовал,—показывает Монкгауз,—в списании сумм, т. е. 3 000 руб. денег, данных в качестве взятки Торнтоном Долгову».

Списание 3 000 руб., данных Торнтоном Долгову в качестве взятки, по показаниям Монкгауза, было в дальнейшем произведено как коммерческий расход по приказанию упомянутого выше Ричардса, приезжавшего в Москву и информированного об этой взятке.

5) Признал Монкгауз наличие серьезных дефектов, вызвавших серьезные аварии машин, смонтированных персоналом конторы «Метро-Виккерс» на ряде электростанций СССР—Могэс, Ивгрэс, Челябгрэс, Зугрэс, Бакгрэс, т. е. именно на тех электростанциях, где действовали вредительские и шпионские группы, связанные с отдельными служащими конторы «Метро-Виккерс» — Торнтон, Кушни, Нордволл, Олейник, Макдональд.

Монкгауз отрицает лишь:

1) свое участие в собирании сведений, носящих характер государственной или военной тайны;

2) соучастие в даче взяток за сокрытие дефектов оборудования, смонтированного служащими конторы «Метро-Виккерс» в Москве, и

3) соучастие в организации порчи оборудования и организации аварий на электростанциях СССР.

Ничего однако кроме голого отрицания Монкгауз не мог противопоставить фактам, добытым следствием.

О характере собираемых сведений и об их назначении достаточное представление дает обвиняемый Торнтон, который показал:

«Согласно предложению Р и ч а р д с а, посредством служащих фирмы «Метро-Виккерс», проживающих в различных частях страны, собиралась информация касательно политического положения внутри страны и которая передавалась устно ему, Р и ч а р д с у, М о н к г а у з о м или мною. Обычно Р и ч а р д с просил информацию о политическом положении в определенных районах и советовал, что информация может быть получена через персонал фирмы. Мы в свою очередь,—продолжает Т о р н т о н,—предлагали нашему персоналу собирать информации елико возможно больше...»

«...Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и М о н к г а у з о м...»

Отрицание же М о н к г а у з о м своего участия в даче им взятки русским инженерам и техникам за сокрытие дефектов поставленного оборудования опровергается самим М о н к г а у з о м, признавшим свое соучастие в даче взятки Долгову как лицу, могущему действовать в интересах фирмы при даче заказов на оборудование и при предъявлении фирме рекламаций и претензий, связанных с обнаруженными дефектами оборудования.

Из остальных служащих конторы «Метро-Виккерс», по указаниям Т о р н т о н а, занимался дачей взяток также инженер Г р е г о р и А л ь б е р т В и л ь я м.

В связи с добытыми следствием этого рода данными следствие занялось более подробным выявлением личности М о н к г а у з а, Т о р н т о н а и установило, что:

1) М о н к г а у з до революции долго жил в царской России, прибывши туда в 1911 году в качестве монтажного инженера по поручению фирмы «Дик-Кер и компания».

После Октябрьской революции М о н к г а у з поехал во Владивосток и оттуда в Лондон.

Летом 1918 года, во время первой интервенции при второй английской экспедиции, был направлен в отряд, отправленный в Архангельск для борьбы с большевиками, причем в интервенционистской армии исполнял обязанности капитана инженерных войск.

При этом же экспедиционном отряде состоял Р и ч а р д с в чине капитана отряда секретной полиции (Интеллидженс-Сервис).

Вместе с английскими войсками М о н к г а у з эвакуировался из Архангельска в Лондон.

О своих взаимоотношениях с Р и ч а р д с о м он показал:

«С ним я знаком и состою в дружеских отношениях с 1913 года. Мы с ним часто встречались, и он часто бывал у меня. С Р и ч а р д с о м я встретился в 1917 году в Москве и позднее в Архангельске, где он, как я утверждаю, служил в качестве капитана Интеллидженс-Сервис.

Мне известно, что в апреле или мае 1918 года Р и ч а р д с был в Москве,—зачем он приезжал, я не знаю,—но зато мне известно из его рассказа, что он тогда тайно перешел границу Финляндии.

С 1923 года он (Р и ч а р д с) получил назначение директором экспортного общества «Метро-Виккерс», и после этого он в том же году выехал в Москву для переговоров о поставках для переоборудования».

Монкгауз в фирме «Метро-Виккерс» работает с 1919 года.

Осенью 1924 года как служащий «Метро-Виккерс» прибыл вновь в СССР уже в качестве уполномоченного фирмы «Метро-Виккерс», непосредственно подчиненного по службе тому же Ричардсу.

2) Торнтон оказался сыном крупного суконного фабриканта, собственника крупнейших текстильных мануфактур, родившийся в России, получивший образование за границей.

В 1911 году Торнтон вернулся в Москву, где работал от той же фирмы «Дик-Кер и компания», что и Монкгауз.

В 1918 году вместе с Монкгаузом эвакуировался через Владивосток в Англию.

В 1924 году был принят Ричардсом на работу в фирму «Метро-Виккерс» специально для работы в СССР, куда и прибыл в ноябре 1924 года.

* * *

В процессе предварительного следствия прокуратурой РСФСР были привлечены в качестве обвиняемых по ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР:

1. Витвицкий Николай Петрович.
2. Гусев Василий Алексеевич.
3. Грегори Альберт Вильям.
4. Зиверт Юрий Иванович.
5. Зорин Николай Григорьевич.
6. Крашенинников Михаил Дмитриевич.
7. Котляревский Моисей Львович.
8. Кутузова Анна Сергеевна.
9. Кушни Джон.
10. Лебедев Вячеслав Петрович.
11. Лобанов Александр Тимофеевич.
12. Макдональд Вильям Лионель.
13. Монкгауз Аллан.
14. Нордволл Чарльз.
15. Олейник Петр Еремеевич.
16. Сухоручкин Леонид Алексеевич.
17. Торнтон Лесли Чарльз.
18. Соколов Василий Андреевич.

В отношении остальных членов вредительской контрреволюционной группы, указанных в обвинительном заключении и привлеченных по настоящему делу, в соответствии со ст. 221, п. «б» УПК РСФСР, производится следствие.

На основании изложенного и в силу постановления президиума ЦИК СССР предаются суду Специального присутствия Верховного суда Союза ССР по обвинению:

1. Витвицкий Николай Петрович, 35 лет, уроженец г. Одессы, инженер-механик, окончил Кронштадтское инженерное училище, женат, в 1921 году за участие в белогвардейском Кронштадтском восстании приговорен к 5 годам, по амнистии освобожден, государственный служащий — в том, что он, Витвицкий, вступил в 1927 году в г. Златоусте во вредительскую контрреволюционную группу, действовавшую на Златоустов-

ском заводе и в дальнейшем, в 1931 году, в г. Челябинске, став руководителем контрреволюционной группы, действовавшей на Чгрэсе и поставившей себе целью подрыв мощи советской промышленности и ослабления Советского государства путем дезорганизации электросилового хозяйства методами вредительства, совершения диверсионных актов и подготовки к широкой диверсии на случай войны, в осуществление поставленных группой целей, совершил следующее:

1) в период с сентября 1931 года по июль 1932 года в г. Челябинске, состоя главным инженером Челябинской электростанции и войдя в связь в июле 1932 года с представителем английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» английским гражданином Торнтоном и по его заданию участвовал лично и привлекал к участию других инженеров к разработке диверсионных планов и в частности плана крупной диверсии на Чгрэсе, имевшей задачей вывод из строя главных турбин в момент предполагаемой войны против СССР;

2) там же, в тот же период времени, принимал участие в осуществлении диверсионных актов, заключающихся в преднамеренном вызове аварий, имевших последствием дезорганизацию нормальной работы станции и перебои в снабжении заводов электроэнергией, и в частности принимал участие в осуществлении следующих диверсий:

а) серьезной аварии в конце 1931 года вследствие короткого замыкания на присоединенном к электростанции заводе «Строитель», распространившейся на распределительное устройство станции, в результате чего сгорели трансформаторы тока фидера, дуга перебросилась на распределительное устройство собственных нужд и вся нагрузка станции была сброшена;

б) аварии топочных моторов весной 1932 года вследствие короткого замыкания кабеля 220 вольт для питания моторов, в результате которого временно была сброшена вся нагрузка станции;

в) там же, в тот же период времени, руководил вредительской деятельностью на Чгрэсе, имевшей целью задержать строительство станции и организовать ее эксплуатацию таким образом, чтобы последняя протекала болезненно и с перебоями в снабжении заводов электроэнергией, получив за эти действия взятки в сумме 6 900 руб., в том числе через Гусева от Торнтонна 4 900 руб.,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

II. Гусев Василий Алексеевич, 35 лет, уроженец г. Пензы, холостой, с высшим техническим образованием, несудившийся, государственный служащий—в том, что в 1930—1932 годах, являясь начальником Златоустовской электростанции и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе целью подрыв мощи государственной промышленности и ослабление Советского государства:

1) по заданию инженера английской фирмы «Метро-Виккерс» Макдональда организовал и возглавил в Златоусте контрреволюционную вредительскую группу, поставившую себе целью дезорганизацию работы Златоустовской электростанции и срыв энергоснабжения местных заводов путем вредительства;

2) систематически собирал и передавал Макдональду ряд секретных сведений военно-государственного значения;

3) как лично, так и через посредство членов организованной им

контрреволюционной группы—Соколова и других—совершил ряд диверсионных и вредительских актов по порче оборудования и созданию аварий на Златоустовской электростанции;

4) за свою шпионскую, вредительскую и диверсионную работу систематически получал от Макдональда взятки, часть которых передавал членам возглавляемой им контрреволюционной группы;

5) по поручению того же Макдональда передавал инженеру Челябгрэса Витвицкому разновременно денежные суммы за проводимую последним на Челябгрэсе вредительскую и диверсионную работу,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

III. Грегори Альберт Вильям, 52 лет, уроженец Англии, женатый, с высшим техническим образованием, английский подданный—в том, что работая с 1932 г. в СССР в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс», состоя во вредительской контрреволюционной группе, занимался систематическим собиранием секретных сведений военно-государственного значения и передачей их Торнтону,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

IV. Зиверт Юрий Иванович, 50 лет, уроженец бывш. Курляндской губ., слесарь, с низшим образованием, несудившийся, государственный служащий—в том, что в период времени с июня 1930 по июль 1931 года, работая на Ивгрэсе в качестве мастера по монтажу трансформаторов и масляников, систематически передавал английскому инженеру Торнтону ряд секретных сведений, относящихся к новым заказам на электрооборудование и состоянию Ивгрэса, а кроме того по заданию того же Торнтона умышленно вредительски производил монтажную работу, что в дальнейшем повлекло за собой ряд аварий на Ивгрэсе, кроме того, что тогда же в диверсионных целях допустил проникновение пыли в коллектор при его обточке, в результате чего были пробиты секции на коллекторе и умформер был выведен из строя, причем за свою вредительскую и диверсионную работу получил в виде взятки от Торнтона 500 рублей,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

V. Зорин Николай Григорьевич, 59 лет, с высшим образованием, по специальности инженер-механик, женат, несудившийся, государственный служащий—в том, что, занимая должность старшего инженера тепловой группы по турбинному хозяйству Мосэнерго, выполняя наряду с этим отдельные поручения по вопросам, связанным с ремонтом турбин, расследованием причин и защитой интересов Мосэнерго по рекламациям иностранным фирмам, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданию инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве Торнтона, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций Московской области, на протяжении 1931—1932 годов:

1) провел на 1-й МГЭС и на Ореховской теплоэлектроцентрали ряд вредительских мероприятий, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, что приводило к систематическим авариям на этих станциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) единовременно получил в начале ноября 1932 года от Торнтона за свою вредительскую работу 1 000 рублей,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VI. Крашенинников Михаил Дмитриевич, 35 лет, уроженец села Новое, бывш. Владимирской губернии, инженер-электрик, женат, несудившийся, государственный служащий—в том, что занимая последовательно должности: мастера машинного цеха, заведующего машинным отделом и начальника ремонтно-монтажного отдела 1-й Московской городской электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям Олейника и Торнтона, на протяжении 1928—1932 годов провел на 1-й МГРЭС ряд вредительских актов, скрывая органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефективность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм, за что получил в начале 1930 года от Торнтона через Олейника 500 руб.,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VII. Котляревский Моисей Львович, 29 лет, из бывших мещан Одесской области, по специальности инженер-механик, женат, несудившийся, государственный служащий—в том, что, занимая должность заведующего турбинным цехом Зуевской государственной электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям Макдональда, на протяжении 1931—1932 года:

1) умышленно скрывал органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» для Зуевской электростанции оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) разновременно за свою вредительскую работу получил от Макдональда взятку в сумме 1 000 рублей,—т. е. в преступлении, предусмотренном ст.ст. 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

VIII. Кутузова Анна Сергеевна, 37 лет, дочь ремесленника, со средним образованием, несудившаяся—в том, что в период времени с 1927 по 1933 год, состоя на службе в конторе фирмы «Метро-Виккерс» в качестве секретаря, состояла в контрреволюционной группе, проводившей вредительскую, шпионскую и диверсионную работу в электросиловом хозяйстве СССР, причем, действуя по заданиям Торнтона и других английских инженеров, систематически передавала денежные вознаграждения Гусеву и другим русским инженерам и техникам за их шпионскую и вредительскую работу,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

IX. Кушни Джон, 35 лет, уроженец г. Йоганиенсбурга в Африке, акционер английской фирмы «Метро-Виккерс», английский подданный, с высшим техническим образованием, бывший офицер британской армии—в том, что в период времени с 1929 по 1933 год, работая на ряде электростанций СССР в качестве монтажного инженера и состоя в контрреволюционной вредительской группе:

1) систематически занимался экономическим и военным шпионажем,

собирая через посредство группы советских инженеров и техников ряд секретных сведений военно-государственного значения;

2) организовал на Бакинской электростанции диверсионные и вредительские акты, направленные к порче оборудования и созданию аварий, давая соответствующие задания отдельным русским инженерам и техникам;

3) умышленно производил неправильный и недобросовестный монтаж электрооборудования, поставленного фирмой «Метро-Виккерс», что в дальнейшем влекло за собою ряд аварий на указанной станции;

4) шпионскую, вредительскую и диверсионную работу отдельных русских инженеров и техников систематически оплачивал разными суммами денег,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

Х. Лебедев Вячеслав Петрович, 52 лет, уроженец г. Иваново-Вознесенска, со средним образованием, бывш. старший унтер-офицер, женатый, государственный служащий—в том, что в период с марта по октябрь 1931 года, являясь мастером Ивгрэса, он:

1) состоял членом контрреволюционной группы на Ивгрэсе, действовавшей под руководством инженера Лобанова и ставившей себе указанные выше контрреволюционные цели;

2) систематически производил умышленную порчу оборудования, вызывая тем самым аварии на ряде агрегатов Ивгрэса;

3) за свою вредительскую и диверсионную работу получил от Макдональда через Лобанова взятку около 900 рублей,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

ХІ. Лобанов Александр Тимофеевич, 35 лет, уроженец бывш. Владимирской губ., сын заводчика, с высшим техническим образованием, женатый, несудившийся, государственный служащий—в том, что в 1931—1932 годах, являясь начальником эксплуатационного отдела Ивгрэса, он, действуя по заданию английского инженера Нордволла, на протяжении указанного периода времени:

1) организовал и возглавил на Ивгрэсе контрреволюционную вредительскую группу в составе Лебедева, Угрюмова и других и вместе с ними систематически совершал ряд вредительских и диверсионных актов, направленных к порче электрооборудования станций и созданию аварий, уменьшающих работоспособность таковой;

2) одновременно за свою вредительскую и диверсионную деятельность получил от Нордволла взятку, а в общей сложности получил 5000 руб. и шубу,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

ХІІ. Макдональд Вильям Лионель, 29 лет, уроженец г. Лондона, сын инженера, с высшим техническим образованием, английский подданный—в том, что в 1930—1932—1933 годах, работая на электростанции в Златоусте и на Зугрэсе в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс», принял участие в контрреволюционной группе:

1) действуя по заданиям старшего монтажного инженера той же фирмы Торнтона, собирая через посредство группы советских инженеров и техников—Гусева, Соколова, Васильева и других—ряд секрет-

ных сведений военно-государственного значения в Златоусте, на Зугрэсе и Челябинске, а также о производстве военных заводов в указанных пунктах;

2) давая прямые задания отдельным советским инженерам и техникам—Гусеву, Соколову, Васильеву и другим—о совершении ими диверсионных и вредительских актов, направленных к порче оборудования и созданию аварий, каковые его задания были в дальнейшем выполнены и повлекли за собой ряд аварий в Златоусте, на Челябинске и Зугрэсе;

3) за проводимую отдельными советскими инженерами и техниками шпионскую диверсионную вредительскую работу, а также за сокрытие ими дефектов, имевшихся в оборудовании, поставленном фирмой «Метро-Виккерс», систематически выдавал им взятки разными суммами, в общей сложности около 10 000 руб.,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XIII. Монкгауз Аллан, 46 лет, уроженец г. Статфорд в Новой Зеландии, сын фермера, бывш. капитан инженерных войск британской армии, с высшим техническим образованием, женатый, английский подданный—в том, что в период времени с 1927 по 1932 год, работая в СССР в качестве уполномоченного английской фирмы «Метро-Виккерс» и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели:

1) собирал через посредство ряда своих подчиненных английских инженеров, а также и ряда русских инженеров и техников секретные сведения военно-государственного значения;

2) принял участие во вредительской и диверсионной деятельности указанной контрреволюционной группы;

3) за проводимую рядом советских инженеров и техников шпионскую, диверсионную и вредительскую работу систематически выдавал для их оплаты разные денежные суммы;

4) систематически давал взятки ряду русских инженеров за сокрытие ими дефектов, имеющихся в оборудовании, поставленном фирмой «Метро-Виккерс»,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9, и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XIV. Нордволл Чарльз, уроженец г. Берлина, сын инженера, с высшим техническим образованием, женатый, английский подданный—в том, что в 1931—1932 году, работая на Ивгрэсе в качестве монтажного инженера английской фирмы «Метро-Виккерс» и состоя в контрреволюционной вредительской группе:

1) давал задания группе инженеров и техников Ивгрэса—Лобанову и другим—совершать вредительские, диверсионные акты на Ивгрэсе, направленные к порче оборудования и созданию аварий, каковые задания и были выполнены;

2) за диверсионную и вредительскую работу Лобанова, Лебедева и других работников Ивгрэса, а также за сокрытие ими дефектов, имевшихся в поставленном фирмой «Метро-Виккерс» электрооборудовании, систематически выдавал им через Лобанова взятки, причем в общей сложности выдал 5 000 руб.,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XV. Олейник Петр Еремеевич, 52 лет, уроженец хутора Перекрестовщица, бывш. Полтавской губернии, со средним образованием, спе-

циальность—монтер по турбинам, женат, несудившийся—в том, что, работая в должности старшего монтера фирмы «Метро-Виккерс» в Москве, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям инженеров этой фирмы Торнтона и Монкгауза, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций СССР на протяжении 1928—1932 годов:

1) систематически собирал ряд секретных сведений военно-государственного значения, передавая их обвиняемому Торнтону;

2) провел на ряде электростанций СССР вредительские мероприятия, скрыл органические дефекты поставляемого фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефектность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на электростанциях, уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

3) развернул организационную деятельность по вербовке вредительской агентуры для упомянутой выше контрреволюционной организации;

4) за свою шпионскую, вредительскую работу получил возможность открыть себе текущий счет в одном из английских банков в Лондоне, куда тайным образом перевел 2000 руб., на каковой счет за свою работу получал 10 фунтов стерлингов ежемесячно,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVI. Сухоручкин Леонид Алексеевич, 39 лет, уроженец станицы Новопавловской, Северокавказского края, сын торговца, по специальности инженер-электрик, женат, государственный служащий—в том, что, занимая последовательно должности заведующего электротехнического отдела и начальника эксплуатационного отдела 1-й Московской городской электростанции, являясь участником контрреволюционной группы, действуя по заданиям инженера конторы «Метро-Виккерс» в Москве Торнтона, с целью подрыва нормальной деятельности электростанций Московской области на протяжении 1928—1932 годов:

1) провел на 1-й МГЭС ряд вредительских мероприятий, скрывая дефекты поставленного фирмой «Метро-Виккерс» оборудования, а также дефектность монтажа этого оборудования, что приводило к систематическим авариям на станции и уменьшало работоспособность оборудования, повышало стоимость эксплуатации его и приводило к потере рекламационных сумм;

2) в конце 1931 года с целью вызвать аварию на одном из генераторов 1-й МГЭС учинил диверсионный акт, соединив умышленно свинцовую оболочку однофазных кабелей генераторов №№ 26 и 27 железной палкой, результатом чего должен был быть вывод из строя одного из генераторов, предотвращенный лишь в силу бдительности рабочих;

3) разновременно за свою вредительскую и диверсионную работу получил от того же Торнтона взятки в сумме 2500 руб. в советской валюте и 350 руб. торгсиновскими бонами,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVII. Торнтон Лесли Чарльз, 1887 года рождения, сын крупного фабриканта, уроженец г. Ленинграда, женатый, английский подданный—в том, что в период времени с 1927 по 1933 год, работая в СССР в качестве старшего монтажного инженера английской фирмы «Метро-

Виккерс» и состоя в контрреволюционной группе, поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели:

1) занимался собиранием через посредство ряда русских инженеров и техников секретных сведений военно-государственного значения;

2) как лично, так и через посредство подчиненных ему английских инженеров—Макдональда, Кушни и других—систематически давал задания ряду советских инженеров и техников совершать вредительские и диверсионные акты, направленные к порче оборудования и созданию аварий, каковые вредительские и диверсионные акты и были в дальнейшем совершены на ряде электростанций СССР;

3) систематически подкупал ряд инженеров и техников—Гусева, Зорина, Соколова и других,—оплачивая их шпионскую, диверсионную и вредительскую работу, а также сокрытия ими дефектов, имевшихся в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс»,—т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-6, 58-7, 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

XVIII. Соколов Василий Андреевич, 33 лет, уроженец села Аскино, Бирского района, БАССР, сын кустика, окончивший Златоустовское техническое училище и военную школу по классу электромеханики, техник-электромеханик, женат, государственный служащий—в том, что он, Соколов, вступив летом 1930 года в г. Златоусте в члены контрреволюционной группы, действовавшей на Златоустовском заводе под руководством начальника электростанции инженера Гусева и поставившей себе указанные выше контрреволюционные цели, путем дезорганизации электростанции методами вредительства, шпионажа, совершения диверсионных актов и подготовки к широкой диверсии на случай войны против СССР в осуществление поставленных целей:

1) состоя помощником начальника электростанции Златоустовского завода и связавшись летом 1930 года с монтажным инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» Макдональдом, по заданию и при содействии инженера Гусева передавал Макдональду секретные сведения военно-государственного значения;

2) там же в Златоусте, в период с лета 1930 по осень 1932 года, по заданию и под непосредственным руководством Гусева принимал участие и лично проводил диверсионные акты, повлекшие за собой ряд аварий на заводе, и в частности:

а) с мая по август 1932 года вызвал пять аварий на крупнейшем моторе завода в 1400 л. с. путем неправильного устройства вентиляции в моторе;

б) совместно с инженером Гусевым содействовал аварии масляника и разъединителей на силовой станции;

3) путем систематического вредительства по заданиям Гусева и совместно с ним подготовлял ряд диверсий, которые должны были вывести из строя электростанцию и лишить заводы электроснабжения в момент предполагаемых контрреволюционной группой внешнеполитических затруднений в Союзе, и в частности следующих диверсий:

а) повреждение электрического устройства—главных вводов трансформаторов масляных выключателей;

б) по машинному залу—повреждение и вывод из строя турбогенераторов;

в) по котельной—вывод из строя питательных агрегатов, котлов и задержку углеподачи;

4) там же, в Златоусте, с лета 1930 года и до момента ареста по заданию Гусева и совместно с ним проводил систематическое вредительство в электрической части завода, за что и получил взятку в 1 000 руб.,— т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-6, 58-7 58-9 и 58-11 Угол. кодекса РСФСР.

Настоящее обвинительное заключение утвердил:

8 апреля 1933 года.

(подписал) Вышинский

Прокурор Российской социалистической федеративной советской республики

Согласен: Красиков

Прокурор Верховного Суда СССР

* * *

Председатель. Подсудимый Гусев, вы признаете себя виновным в предъявленном обвинении?

Гусев. Да, признаю.

Председатель. Садитесь, пожалуйста.

Подсудимый Соколов, признаете себя виновным?

Соколов. Признаю.

Председатель. Подсудимый Макдональд, признаете себя виновным?

Макдональд. Признаю.

Председатель. Подсудимый Котляревский, признаете себя виновным?

Котляревский. Признаю.

Председатель. Подсудимый Лобанов, вы признаете себя виновным полностью?

Лобанов. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Грегори, вы признаете себя виновным?

Грегори. Не виновен.

Председатель. Подсудимый Зиверт, признаете себя виновным?

Зиверт. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Крашенинников, вы признаете себя виновным?

Крашенинников. Признаю полностью.

Председатель. Подсудимый Торнтон, вы признаете себя виновным?

Торнтон. Не признаю.

Председатель. Ни в одном пункте?

Торнтон. Нет.

Председатель. Подсудимый Сухоручкин, признаете себя виновным?

Сухоручкин. Признаю.

Председатель. Подсудимый Зорин, признаете себя виновным?

Зорин. Признаю.

Председатель. Подсудимый Монкгауз, признаете себя виновным?

Монкгауз. По всем пунктам не признаю.

Председатель. Подсудимый Олейник, признаете себя виновным?

Олейник. Признаю.

Председатель. Подсудимый Нордволл, признаете себя виновным?

Нордволл. Не признаю.

Председатель. Подсудимая Кутузова, признаете себя виновной?

Кутузова. Признаю.

Председатель. Подсудимый Кушни, признаете себя виновным?

Кушни. Категорически не признаю ни в одном пункте.

Председатель. Подсудимый Лебедев, признаете себя виновным?

Лебедев. Признаю.

Председатель. У меня вопрос к прокуратуре о порядке ведения судебного следствия. У вас есть конкретные предложения?

Вышинский. Предлагаю держаться следующего порядка. Во-первых, обследовать те факты, которые изложены в обвинительном заключении по Златоустовской электростанции, далее Челябинская электростанция, затем по Зуевской электростанции, потом по Ивановской, затем Мосэнерго, Бакинская электростанция и под конец обследование деятельности сотрудников Московской конторы «Метро-Виккерс», обвиняемых, которые привлечены по настоящему делу,—Кутузова, Монкгауз и Торнтон. В таком порядке я предлагаю опрашивать следующих обвиняемых по Златоустовской станции: Гусев, Соколов, Макдональд, Торнтон; по Челябинской электростанции: Гусев, Витвицкий, Олейник, Торнтон; по Зуевской электростанции: Котляревский, Макдональд; по по Ивановской электростанции: Лобанов, Нордволл, Лебедев, Зиверт; по Мосэнерго: Сухоручкин, Крашенинников, Зорин, Торнтон; по Бакинской электростанции: Олейник, Макдональд, Кушни.

Затем предлагаю такой порядок: Кутузова, Монкгауз и Торнтон.

Председатель. Защита не возражает?

Защита. Не возражает.

Председатель. Судебное присутствие утверждает порядок ведения судебного следствия, предложенный прокуратурой.

(В 15 час. 30 мин. объявляется перерыв до 18 часов.)

(подписал) В. У л ь р и х

Председатель Специального
присутствия Верховного
Суда СССР

А. К о с т ю ш к о
Секретарь

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 12 апреля 1933 г. 18 час. 15 мин.

Комендант. Прошу встать, суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется. Подсудимый Гусев. (Гусев подходит к месту дачи показаний.) У Суда к Гусеву вопросов пока нет.

У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Разрешите? Гр. Гусев, будьте добры сообщить нам самые краткие ваши биографические данные.

Гусев. Я родился в 1898 году в г. Пензе, в семье железнодорожного мастера. Вскоре после моего рождения, через 2—3 года, отец вместе с семьей переехал в г. Златоуст. Здесь в Златоусте прошла вся моя жизнь, за исключением кратких перерывов.

До 1918 года я учился—сначала в начальной школе, потом в городском училище, потом в среднем техническом училище.

Вышинский. Какое учебное заведение окончили?

Гусев. Я кончил в 1922 году практический Златоустовский институт.

Вышинский. По какой специальности?

Гусев. Этот институт давал звание инженера по силовым установкам.

Вышинский. И с 1922 года вы были на практической работе?

Гусев. Да.

Вышинский. На какой должности и где?

Гусев. Окончил я институт в 1922 году и поступил на электростанцию Златоустовского завода, сначала в должности дежурного мастера, которую занимал в течение года.

Вышинский. Кто был тогда начальником станции?

Гусев. Инженер Морганов. Затем я был старшим мастером в течение 2 лет, сколько точно—не помню. После этого был помощником начальника станции также в течение 2—2½ лет, и с марта месяца 1929 года я работал уже в качестве начальника станции до момента ареста, т. е. до 24 января 1933 года.

Вышинский. Вы в качестве начальника электростанции чем заведывали? Всеми отделами или специальным отделом?

Гусев. Электростанция объединяла все силовое хозяйство завода. В моем ведении была электростанция, воздухоудная станция, которая питала воздухом доменные печи, затем водоносная станция и понижительная трансформаторная подстанция для приема тока от Челябинской электростанции.

Вышинский. Следовательно, все силовое хозяйство Златоустовской электростанции было под вашим ведением?

Гусев. Все силовое хозяйство металлургического Златоустовского завода было в моем ведении.

Вышинский. Электростанция с Златоустовским металлургическим заводом находилась в органической связи с точки зрения хозяйства и техники?

Гусев. Это заводская электростанция, территориально она была размещена в центре завода.

Вышинский. Кроме этой станции металлургический завод обслуживался какой-нибудь станцией?

Гусев. С октября-ноября месяца 1930 года Златоустовский механический завод перешел на питание энергией от Челябинской электростанции, а до этого момента все три завода в Златоусте питались от Златоустовской электростанции.

Вышинский. Полностью?

Гусев. Да.

Вышинский. Скажите, где вы оказались в 1918 году после Октябрьской революции?

Гусев. В 1918 году? В это время я, не окончив среднетехнической школы, ушел в белую армию.

Вышинский. Куда в белую армию?

Гусев. Я поступил в добровольческую учебную команду 22-го Златоустовского полка.

Вышинский. Вы поступили добровольцем в учебную команду, или поступили в добровольческую учебную команду?

Гусев. Я поступил в добровольческую учебную команду добровольцем.

Вышинский. Вас не мобилизовали?

Гусев. Нет.

Вышинский. Чем это объяснялось? Почему поступили в колчаковскую армию в это время? Сколько вам лет было тогда?

Гусев. Мне было 20 лет.

Вышинский. Чем это объяснялось? Почему вы сделали такой шаг?

Гусев. Это вытекало из моих убеждений и настроений, которые тогда были.

Вышинский. В двух словах, как эти убеждения можно характеризовать?

Гусев. Как враждебные Октябрьской революции.

Вышинский. Что вы скажете о своей службе в рядах белой армии?

Гусев. В этот период времени я прослужил в белой армии около 5 месяцев. Ушел из армии по слабому зрению. За этот период времени я принимал участие в боевых походах.

Вышинский. Против?

Гусев. Против Красной армии при наступлении в Уфимской губернии, в Златоустовском уезде, в Бирском. Потом по причине слабого зрения я был освобожден из армии и использовал это освобождение для того, чтобы окончить курс средней школы.

Вышинский. Где?

Гусев. В Златоусте. После этого я поступил на Златоустовский механический завод в машиностроительный цех в качестве конструктора.

Здесь прослужил несколько месяцев, так как вследствие наступления Красной армии Златоустовский завод был эвакуирован в г. Томск.

Вышинский. А вы?

Гусев. Я эвакуировался вместе с белыми тоже в Томск.

Вышинский. Это было в каком году?

Гусев. В 1919 году.

Вышинский. Таким образом в период 1918—1919 годов вы были частью в белой армии, частью вне ее, но во всяком случае на территории, занятой Колчаком?

Гусев. Да.

Вышинский. В Томске вы продолжали работать на этом заводе?

Гусев. В Томске работать почти не пришлось, потому что после приезда в Томск завод не мог развернуть своей работы.

Вышинский. Что же вы делали?

Гусев. Я и несколько моих товарищей были уволены с завода в виду отсутствия работы.

Вышинский. Дальше?

Гусев. Потом я был мобилизован опять в белую армию.

Вышинский. Значит с завода опять попали в белую армию. Уже по мобилизации или добровольно?

Гусев. По мобилизации. В первой учебной автоброневой дивизии. Здесь прослужил с августа месяца до начала декабря 1919 года.

Вышинский. Какую должность занимали в этом автоброневом дивизионе?

Гусев. Был рядовым шоферского взвода. Там были курсы, которые выпускали шоферов.

Вышинский. А вы курсы прошли?

Гусев. Я почти кончил, но не прошел практической школы езды. В то время я имел звание техника-механика.

Вышинский. Но техник-механик это еще не шофер. Вы очевидно прошли еще шоферские курсы?

Гусев. Я прошел шоферские курсы броневой части. Они были при первом учебном автоброневом дивизионе.

Вышинский. Значит вы прошли еще и специальные военные курсы?

Гусев. Эти курсы были при этом автодивизионе.

Вышинский. Окончили курсы и что же дальше?

Гусев. В это время пал Омск. Фронт передвинулся на восток и подходил к Томску. Томск уже начали эвакуировать.

Вышинский. А ваша часть?

Гусев. Я вместе со своей частью стал отступать дальше на восток.

Вышинский. Шли бои? Ваша часть бывала в это время в боях?

Гусев. Нет.

Вышинский. Что же, она только отступала?

Гусев. Да.

Вышинский. До каких же пор вы отступали?

Гусев. От станции Тайга на восток, километров 200—250.

Вышинский. Дальше?

Гусев. Затем я и два моих товарища бежали из эшелона.

Вышинский. Куда?

Гусев. В лес.

Вышинский. Почему? Может быть вы предварительно скажете, из кого состоял этот эшелон?

Гусев. Там было офицерство.

Вышинский. Офицерство повсюду было, но какое?

Гусев. Белое офицерство.

Вышинский. А может быть иностранные части?

Гусев. Нет, наш эшелон не включал в себя иностранцев. Иностранцы отступали по другому пути.

Вышинский. По каким мотивам, в силу каких обстоятельств вы дезертировали?

Гусев. Положение белой армии было совершенно безнадежное.

Вышинский. Положение было безнадежное, и поэтому вы бежали?

Гусев. Да.

Вышинский. Если бы положение было надежное, вы, пожалуй, бы остались?

Гусев. Я не могу сказать сейчас, как бы я сделал.

Вышинский. Во всяком случае вы бежали потому, что видели, что дело безнадежное?

Гусев. Это я могу сказать.

Вышинский. А каковы были ваши идейные побуждения? Может быть они колебались? Может быть ваши белые убеждения начали окрашиваться в другие цвета?

Гусев. Говоря правду, я не могу сказать, что мои убеждения резко изменились. Правда, те явления, те сцены, которые я наблюдал при отступлении, они до некоторой степени...

Вышинский. Какие сцены?

Гусев. Я видел порку крестьян.

Вышинский. Кем?

Гусев. Польскими легионерами. Я видел расстрелы мирных жителей.

Вышинский. Кем?

Гусев. Ими же. Видел издевательство над мирными жителями.

Вышинский. С чьей стороны?

Гусев. Тоже со стороны польских легионов.

Вышинский. Это повлияло на ваши убеждения?

Гусев. Мои антисоветские настроения, моя враждебность потеряла некоторую остроту. Хотя, конечно, я не могу сейчас сказать, что эта враждебность пропала совсем.

Вышинский. Острота враждебности сгладилась, и вы бежали? Куда же вы бежали?

Гусев. Сначала мы пошли, чтобы не попасть к своим и не быть расстрелянными, снова на восток из эшелона. Пройдя некоторое время, повернули просто в лес и здесь вдали от дорог в течение двух недель мы жили в лесной избушке вплоть до прихода Красной армии. Когда фронт перешел в то место, которое мы занимали, мы явились к комиссару одного из полков Красной армии, были допрошены там и после допроса отпущены.

Вышинский. В каком году это было?

Гусев. В декабре 1919 года.

Вышинский. Куда вы пошли дальше?

Гусев. Я вернулся в Златоуст, который в это время был в руках Красной армии.

Вышинский. Чем занимались?

Гусев. Поступил в Практический институт.

Вышинский. Опять учиться?

Гусев. Да, опять учиться.

Вышинский. В третий раз вы поступаете учиться в промежуток между своими боевыми действиями?

Гусев. Да—это третий период.

Вышинский. Сколько же время вы учились?

Гусев. Два с половиной года. Осенью 1922 года я окончил Практический институт с званием кандидата на инженера.

Вышинский. Куда поступили?

Гусев. Поступил на Златоустовский металлургический завод, на электростанцию.

Вышинский. В качестве кого?

Гусев. Сначала в качестве дежурного мастера.

Вышинский. В это время каковы были ваши политические взгляды? После того как вы 2½ года проучились, и острота прежних переживаний несколько смягчилась—в этот период времени каковы были ваши политические взгляды и ваше отношение к советской действительности, к революции?

Гусев. Мои взгляды и убеждения в основном остались теми же, что и были.

Вышинский. То есть?

Гусев. То есть—антисоветскими и контрреволюционными.

Вышинский. Значит уже за эти 2½ года та среда, в которой вы находились, обстановка, в которой жили, все, что вы видели во время гражданской войны, не закрепили перелом, который у вас известным образом наметился, когда вы от белых уходили к красным, а, наоборот, окрепли ваши антисоветские взгляды, вы даже их называете контрреволюционными. Под влиянием чего это было, какие были причины?

Гусев. Очевидно не было причин, которые заставили бы совершенно изменить мои прежние убеждения.

Вышинский. Ну значит, можно сказать, что, в сущности говоря, впечатления, которые вас заставили уйти от белых к красным, были совершенно мимолетными и случайными, наносными, не затронули ваших убеждений в корне?

Гусев. В основном я не могу сказать, что мои убеждения диаметрально изменились. В основном эти убеждения остались.

Вышинский. Таким образом в основном за весь этот период времени, с 1918 года до последнего времени, чуть ли не по день вашего ареста ваша линия политических убеждений была одной и той же?

Гусев. В основном—да.

Вышинский. Значит в основном убеждения те же, с небольшими отклонениями в зависимости от разных обстоятельств—когда дело у белых безнадежно, вы бежите, когда остаетесь в прежней среде, настроения прежние. Так я вас понимаю?

Гусев. Это почти так.

Вышинский. В период времени, когда вы уже становились помощ-

ником начальника этой Златоустовской станции, т. е. с 1925 по 1929 год, и затем, когда с 1929 года по день ареста вы становитесь начальником Златоустовской станции, влияет ли на вас круг людей, с которыми вы встречаетесь, на ваше отношение к советской действительности и как, или вы остаетесь вне политики, совершенно нейтральным, безучастным к вопросам политического значения?

Гусев. В это время я вращался тоже, в основном, в кругу людей с антисоветскими настроениями.

Вышинский. Например—конкретно?

Гусев. Часть их этих людей в дальнейшем была осуждена за вредительство.

Вышинский. Кто это?

Гусев. Например Шалаев, Богословский и др.

Вышинский. Вы вращаетесь в этом кругу. Оказало ли это какое-нибудь влияние на ваше отношение к советской власти и социалистическому строительству?

Гусев. Это не изменило конечно моих антисоветских убеждений, они продолжали оставаться такими же, как и были.

Вышинский. Продолжали оставаться такими же, как были? Крепче они стали или остались такими же, как были?

Гусев. В этот момент я должен сказать, что они укрепились.

Вышинский. Укрепились именно под влиянием этой обстановки?

Гусев. Под влиянием этой среды.

Вышинский. Как же вы перешли к более активной контрреволюционной работе? Что вас подтолкнуло, в связи с чем вы активизировались и в какой форме произошла эта ваша активизация вашей контрреволюционной деятельности?

Гусев. Начало моей активной контрреволюционной деятельности я должен отнести к моменту, когда я стал заниматься шпионской работой.

Вышинский. В каком году?

Гусев. В начале 1930 года.

Вышинский. Может быть немножко раньше? Точнее.

Гусев. Нет. Это было в 1930 году.

Вышинский. В начале 1930 года. Под влиянием каких же обстоятельств вы занялись такого рода «почтенным» делом—шпионажем?

Гусев. В это время я познакомился с инженером английской фирмы «Метрополитен-Виккерс» Макдональдом, в декабре 1929 года.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Гусев. Инженер Макдональд приехал в Златоуст для монтажа турбогенератора фирмы «Метрополитен-Виккерс» на электростанцию, которой я заведывал. Первоначальное наше знакомство произошло на деловой почве, так как монтаж этот находился в моем ведении.

Вышинский. Как начальника станции?

Гусев. Как начальника станции. Знакомство произошло, как я сказал, на деловой почве. Потом я получил приглашение от инженера Макдональда притти к нему в гости. Знакомство перешло на личную почву. Те разговоры, которые мы вели в это время, не были только делового порядка, но касались общих политических вопросов.

Вышинский. В частности, какие же это вопросы были?

Гусев. В частности вопрос о бытовых условиях технической интеллигенции, вообще о правовом положении технической интеллигенции. Затем вопросы промышленности.

Вышинский. Что значит—вопросы промышленности?

Гусев. Точнее вопросы индустриализации.

Вышинский. Что значит—вопросы индустриализации, если еще точнее сказать?

Гусев. Вопрос о развитии в Советском союзе тяжелого машиностроения, вообще собственной индустрии, крупной промышленности.

Вышинский. Эта тема совершенно понятна. Но в чем же был антисоветский характер этих разговоров?

Гусев. Антисоветский характер разговоров заключался в том, что, касаясь бытовых условий технической интеллигенции, мы говорили, что ей плохо живется при советской власти.

Вышинский. Это понятно. Ну, а по поводу индустриализации? Здесь в чем заключались антисоветские разговоры?

Гусев. Мы говорили, что развитие собственного машиностроения для Советского союза не нужно.

Вышинский. Не нужно. И вы так думали?

Гусев. Я разделял эти взгляды.

Вышинский. Прекрасно, а дальше на этом дело остановилось, или ваше знакомство с Макдональдом крепло, или, наоборот, оставалось в пределах этих разговорчиков?

Гусев. Знакомство с течением времени укрепилось и в дальнейшем перешло и приняло оттенок дружбы.

Вышинский. Значит вы сейчас констатируете, что с Макдональдом у вас установились дружественные отношения, но сколько понадобилось времени, чтобы ваши отношения стали дружественными?

Гусев. Это порядка 2—2½ месяцев.

Вышинский. Эти дружественные отношения к чему дальше повели?

Гусев. Они повели к тому, что я получил от инженера Макнальда предложение, давать ему сведения о производствах Златоустовских заводов.

Вышинский. Какие предложения сделал вам Макдональд?

Гусев. Они им были формулированы как предложения давать сведения о работе Златоустовских заводов.

Вышинский. Какие конкретные сведения?

Гусев. В дальнейшем я давал...

Вышинский. Меня интересует не то, что вы давали, а какие сведения вам предложено было давать. Скажите сначала, что вам было предложено?

Гусев. Давать сведения об электроснабжении всех заводов.

Вышинский. В том числе и механического завода?

Гусев. В том числе и механического Златоустовского завода, который вырабатывает военное снаряжение.

Вышинский. Значит заводы военного значения?

Гусев. Военного значения. Затем о работе металлургического завода, который выпускает автотракторные рессоры, авиационную сталь, шарикоподшипниковые стали, т. е. высококачественные стали.

Вышинский. Идущие на какие цели?

Гусев. Идущие на военные заводы.

Вышинский. То есть и в первом и во втором случае шло дело о сведениях, касающихся военного снаряжения?

Гусев. Да. Вот круг вопросов, по которым я получил предложение давать сведения.

Вышинский. В материалах предварительного следствия говорится, что вы получили предложение давать сведения относительно количества вырабатываемых снарядов.

Гусев. Я уже сказал о производстве механического завода, что я под этим и подразумеваю.

Вышинский. Вы под производством механического завода подразумеваете все, в том числе и выработку снарядов?

Гусев. Да.

Вышинский. Макдональд просил и эти сведения давать?

Гусев. Он говорил, что ему нужно иметь сведения о количестве выпускаемых снарядов, типах этих снарядов и о расширении снарядного производства.

Вышинский. Эти вопросы военного порядка вам Макдональд поставил в самом начале вашего знакомства или уже в процессе укрепившихся с ним дружественных отношений?

Гусев. Вначале я давал сведения по энергоснабжению и затем я перешел к сведениям, о которых я сейчас говорил.

Вышинский. Я так и понимаю: сначала были сведения общие, а потом сведения военные?

Гусев. Если говорить правильно, то когда я давал сведения об энергоснабжении, я давал сведения об энергоснабжении цехов, производящих военное снаряжение, следовательно тогда я давал сведения военного характера.

Вышинский. Я понимаю. Разрешите прервать вопросы к Гусеву и предложить один вопрос Макдональду.

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, вы слышали показания Гусева? Вы подтверждаете то, что он говорил о вашем с ним знакомстве в 1929 году?

Макдональд. О моем знакомстве—да.

Вышинский. Вы подтверждаете, что в течение этого времени с 1929 года отношения с Гусевым были приятельскими, дружественными?

Макдональд. С 1930 года.

Вышинский. Вы действительно просили Гусева вам представлять такие сведения, о которых он сейчас говорил?

Макдональд. Да, в моих собственных интересах.

Вышинский. Может быть вы уточните этот собственный интерес. Сведения по электроснабжению вы спрашивали у Гусева или нет?

Макдональд. Спрашивал.

Вышинский. Военные сведения?

Макдональд. Спрашивал.

Вышинский. Больше мне ничего не нужно.

Председатель. Садитесь.

Вышинский. Позвольте дальше перейти к Гусеву. Значит первоначально ваша контрреволюционная активность, начиная с 1930 года,

стала выражаться в собирании сведений, которые вы сейчас квалифицировали как шпионские сведения. Правильно?

Гусев. Да.

Вышинский. Ограничивалась ли ваша контрреволюционная деятельность только собиранием этих и им подобных сведений, или же вы избрали еще иные формы контрреволюционной деятельности и в таком случае—какие именно?

Гусев. Я, вступив на этот путь, пошел дальше и в дальнейшем получал задания и выполнял задания по устройству аварий с оборудованием на Златоустовском заводе.

Вышинский. Задания по устройству аварий? Что же вы эти задания рассчитывали осуществить единолично или в компании с другими лицами?

Председатель. Подсудимый не сказал, чьи задания.

Вышинский. Я этот вопрос пока не ставлю, я хочу сейчас знать—задания по организации аварий Гусев рассчитывал осуществить единолично или в соучастии с другими лицами?

Гусев. Эти аварии были проводимы с участием других лиц. В выполнении аварий принимал участие сначала мой помощник, а затем инженер-электрик Соколов Василий Андреевич, подсудимый по данному делу. Затем производитель работ Патрин, затем принимал участие в сокрытии следов, вернее истинных причин аварий, Россман Николай Матвеевич...

Вышинский. Каким образом оказались эти лица, в частности Соколов, в этой группе, в вашей компании?

Гусев. Соколов, как и я, принял участие в этой работе под влиянием или вернее по предложению инженера Макдональда.

Вышинский. Откуда это вам известно?

Гусев. Когда я с инженером Макдональдом обсуждал план аварий, который я составил, и когда возник вопрос о способах выполнения, то в числе людей, которые могут быть использованы, этот Соколов был мне назван Макдональдом. Потом Соколов принимал участие в разработке этого плана, в обсуждении этого плана.

Вышинский. С кем?

Гусев. Со мною.

Вышинский. Вы предложили ему, или он предложил вам?

Гусев. Я предложил ему.

Вышинский. Почему вы ему предложили обсуждать план?

Гусев. Я сказал, что, с одной стороны, я получил извещение или сообщение от Макдональда, что Соколов может быть использован для этой работы. Это было уже достаточным для того, чтобы я мог привлечь его к участию в разработке этого плана.

Вышинский. И вы начали обсуждать этот план?

Гусев. Да.

Вышинский. В чем заключался этот план?

Гусев. Когда я дал согласие на совершение аварий, это задание в дальнейшем было конкретизировано следующим образом: я должен был вызвать такие аварии, в результате которых можно было бы сократить или совсем прекратить производство снарядов и холодного оружия на Златоустовских заводах. Для выполнения такого задания я наметил

путь расстроя энергоснабжения и, с другой стороны, вывод из строя мотора крупносортового стана в прокатном цехе. Этот мотор приводил в действие...

Вышинский. Это мотор в 1 400 л. с.?

Гусев. Да.

Вышинский. Почему вы остановились на этом моторе?

Гусев. Я остановился на нем потому, что мартеновский цех дает крупные слитки. Этот слиток обжимается на крупносортовом стане, а затем в виде передельной заготовки поступает на другие станы.

Вышинский. Мы здесь далеко не все техники. Скажите, какую роль играл этот стан в деле военного производства?

Гусев. Если этот стан не работает, то все остальные станы, дающие готовую продукцию, в том числе и снарядные заготовки и автотракторные рессоры, также не работают.

Вышинский. От чего зависела работа этого стана?

Гусев. Стан приводился в движение мотором мощностью в 1 400 л. с.

Вышинский. Следовательно в вашем плане нужно было ударить по этому мотору?

Гусев. По этому мотору. Да.

Вышинский. Ударивши по мотору, вы били и по стану и по военному производству?

Гусев. Да, и по военному производству.

Вышинский. Это ясно. Как же вы решили осуществить эту историю?

Гусев. В период, когда обсуждался вопрос о выводе стана, план окончательно намечен не был. Было намечено, что мотор должен быть выведен из строя. Впоследствии этот вопрос решился в зависимости от обстановки. Сейчас я могу сказать только, каким образом этот мотор был выведен из строя.

Вышинский. Пожалуйста.

Гусев. В 1932 году в апреле месяце, во время контрольного осмотра этого мотора, я в вентиляционном канале этого мотора оставил небольшой кусочек листового железа, затем ушел. В дальнейшем, при пуске мотора, этот кусочек был затянут в межжелезное пространство, в результате чего получилось смещение части железа статора и ротора. Это сместившееся железо прошло в механические гильзы, в которых заложена обмотка статора, что послужило причиной пробоя изоляции обмотки статора. Мотор был выведен из строя в первый раз благодаря неправильному ведению ремонта, вернее благодаря тому обстоятельству, что смещение железа получилось по длине окружности статора в нескольких местах и не было устранено. Таких аварий было несколько.

Вышинский. Выходит так: вы начали с того, что оставили в этом моторе какой-то железный предмет. В результате произошло смещение железа статора, т. е. статорного железа. Вслед за этим...?

Гусев. Вслед за этим пробой изоляции обмотки статора.

Вышинский. Какие это имело последствия?

Гусев. Выход из строя мотора на срок (я сейчас точно не помню) в 6, 7, 8 дней.

Вышинский. В результате оказалось, что мотор выбыл из строя на некоторое количество дней?

Гусев. Да.

Вышинский. Этот акт был первым актом вредительства, произведенного вами в этот период времени?

Гусев. Нет. По времени это не первый акт.

Вышинский. Значит ему предшествовали еще какие-то?

Гусев. Да.

Вышинский. Почему же вы начали с него?

Гусев. Я думал, что вы поставили вопрос так, чтобы я сказал об этой аварии, произведенной мною именно с крупносортовым станом.

Вышинский. А ей предшествовал еще ряд аварий?

Гусев. Да, ряд аварий на электростанции.

Вышинский. Какого характера?

Гусев. В период зимы 1931—1932 года—замораживание котла № 8 на электростанции, вывод из строя углеподачи, то же на электростанции и наконец (это нельзя отнести к определенному времени—это длительное время) задержка монтажа котла № 11 и задержка переделки котлов Стерлинга №№ 1 и 2.

Вышинский. Значит мы можем сосчитать сейчас уже целый ряд этих вредительских актов. Если я начну с конца, то это котел Стерлинга №№ 1, 2—раз, затем сознательная задержка монтажа № 11 ЮМТ—два, вредительская сознательная умышленная разборка углеподачи—три. Дальше?

Гусев. Котел № 8.

Вышинский. Замораживание котла № 8 через незакрытие шиберов. Затем мотор 1 400 л. с. И еще после этого ряд других аварий, связанных с неправильным устройством вентиляции.

Гусев. Да, были еще аварии, которые вызваны и мной и Соколовым.

Вышинский. Это уже больше специальность Соколова?

Гусев. Да, я поэтому и не остановился на этом.

Вышинский. Значит в этот период времени добрый десяток умышленных аварий и порч был произведен на электростанции—правильно?

Гусев. Да, мною было произведено несколько аварий за этот период времени на электростанции и в прокатном цехе.

Вышинский. Так. Теперь скажите пожалуйста—эти аварии вы осуществляли не только единолично, как вы сказали, но еще и Соколов—правильно?

Гусев. Да.

Вышинский (к председателю). Может быть мне будет разрешено задать один вопрос Соколову?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Соколов, вы это подтверждаете или нет?

Соколов. Да, подтверждаю.

Председатель. В части аварий?

Соколов. Да.

Вышинский. Теперь у меня вопрос Макдональду. Вы подтверждаете показания Гусева в этой части?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский (Гусеву). Подсудимый Гусев, вы это делали как враг советской власти, как враг социалистического строительства, или

же вы это делали из материальных побуждений, или и тех и других вместе?

Гусев. Так как я получал деньги за совершенные аварии, то из этого следует, что я не делал это из чисто идейных побуждений. Но я должен признаться, что основное—это мои убеждения.

Вышинский. А не основное?

Гусев. Это материальная сторона.

Вышинский. Это в виде платного приложения к вашим убеждениям или как?

Гусев. Эта формулировка не меняет существа дела.

Вышинский. Мне важно знать—деньги тут играли роль или нет, участвовали в этом деле деньги или нет, взятки вам платили за это или нет?

Гусев. Платили.

Вышинский. От кого вы получали деньги?

Гусев. От инженера Макдональда.

Вышинский. Сколько вы получали?

Гусев. За весь период времени, который я был связан с ним, я получил в разное время вознаграждение около 3 000 рублей.

Вышинский. В разное время?

Гусев. Да.

Вышинский. Соколов получал через вас или непосредственно, получал ли он вообще?

Гусев. Я не знаю, получал ли он деньги кроме полученных от меня. Я могу только сказать о том, что он получил один раз деньги через меня.

Вышинский. Из суммы, которую вы получили от кого?

Гусев. От инженера Макдональда.

Вышинский. Передавая вам эти деньги, Макдональд чем объяснял эту передачу?

Гусев. С самого начала, когда я получил предложение заняться этой работой, мне было сказано о том, что эта работа будет и оплачиваться. И потом эти деньги я получал именно как оплату лично меня и тех людей, которые участвовали в этой работе.

Вышинский. Сколько вы получали по должности начальника станции?

Гусев. В какое время?

Вышинский. В этот период.

Гусев. Я затрудняюсь вспомнить.

Вышинский. Меня интересует, имела ли значение для вас материальная выгода или это было между прочим?

Гусев. В момент ареста я получал 800 руб., а в то время 500—600 рублей. Я человек не семейный, поэтому материальная сторона особой роли не играла для меня.

Вышинский. Макдональд, передавая эти деньги, что говорил?

Гусев. Он говорил, что это деньги для меня и для оплаты тех людей, которые участвуют в проведении работы.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, в этой части подтверждаете вы показания Гусева или нет?

Макдональд. Я ему дал деньги.

Вышинский. Сколько?

Макдональд. Около двух с половиной тысяч рублей.

Вышинский. Откуда получили?

Макдональд. От фирмы. От московской конторы.

Вышинский. От кого персонально?

Макдональд. Через главного инженера Торнтона.

Вышинский. Пойдем дальше. Расскажите, как произошла у вас авария с углеподачей?

Гусев. Вывод из строя углеподачи был намечен планом по срыву энергоснабжения. Проведен он следующим образом. Первоначально мною несколько раз производилась неправильная установка мотора, приводящего в действие ковшевой элеватор и транспортер ленточный. В результате этой неправильной установки фундамент был разбит. Потом я положил металлический предмет в зубчатую цилиндрическую передачу. Благодаря этому фундамент был разрушен.

Вышинский. Фундамент или передача?

Гусев. И фундамент и передача.

Вышинский. Для чего это нужно было вам сделать?

Гусев. Я уже сказал, что вывод углеподачи из строя не обеспечивал питание котельной углем, следовательно влек за собой срыв энерго-снабжения Златоустовских заводов. Это наиболее удобный способ в смысле быстроты действия.

Вышинский. И простоты?

Гусев. И простоты.

Вышинский. И быстроты и простоты. Скажите, когда вы остановились на этом, у вас не было опасений, что вам удастся так просто и гладко провести разрушение углеподачи?

Гусев. Конечно были и опасения, были и колебания.

Вышинский. Чем вызванные?

Гусев. Вызванные тем, что вся эта деятельность могла быть обнаружена.

Вышинский. Сравнительно легко?

Мартенс. Опишите, как вы это проделали?

Гусев. Установка находится сверху на бункерах. Моторист, который обслуживает—он обслуживает два мотора—вверху и внизу, внизу на дробилке и вверху тот мотор, который я вывел из строя. Когда у этого мотора не было никого, когда он спустился вниз, в этот момент я заложил в него кусок металла, отрезок круглого железа.

Вышинский. Что же дальше, вы испортили фундамент и передачу, а затем?

Гусев. Затем я дал распоряжение разобрать механизм углеподачи, а сам заводу управлению доложил, что эта углеподача работать не может и что нужна капитальная переделка всего механизма. Я доказал это заводу управлению и получил разрешение на переделку.

Вышинский. Чем вызвано это действие—обращаться к заводу управлению, получать разрешение и прочее?

Гусев. Это вызвано теми же мотивами, т. е. я хотел, чтобы эта углеподача была выведена на достаточно длительный срок.

Вышинский. Хорошо, но ведь вы же начальник электростанции, у кого же вы испрашивали разрешение?

Гусев. Я не имел самостоятельного права на разбор углеподачи

и на переконструирование, так как это связано с расходом средств для переделки.

Вышинский. Что же в конце концов случилось с этой углеподачей?

Гусев. Она была разобрана. Я заказал проект переделки и сейчас не могу сказать о ней точно, потому что до моего ареста углеподача была разобрана.

Вышинский. Первая разборка когда произошла?

Гусев. Это было в декабре 1931 года.

Вышинский. Когда вас арестовали?

Гусев. В ночь на 25 января 1933 года.

Вышинский. То есть с декабря 1931 года по январь 1933 года эта углеподача находилась в разобранном виде?

Гусев. В разобранном виде.

Вышинский. Что же вам не удавалось собрать ее по непреодолимым техническим трудностям или по другим обстоятельствам?

Гусев. Я уже сказал, это был вредительский акт, совершенный мною.

Вышинский. Я понял так, что сначала вы разрушили фундамент, затем подачу, прицепились к этому и начали перестраивать углеподачу и всю ее разобрали, но ее не перестроили и затянули это на 2 года. Значит у вас не один вредительский акт, а целая серия. Сначала разрушение фундамента, затем сознательно вредительское предложение переделать углеподачу, затем разбор углеподачи и наконец оставление ее в разобранном виде в течение 2 лет. Так я понимаю?

Гусев. Да, я сказал, что я вывел углеподачу из строя и все остальное было моими сознательными действиями, направленными на то, чтобы разрушить.

Вышинский. Какое имела значение эта углеподача для вашего силового хозяйства?

Гусев. Без нормального питания углем, без достаточного питания невозможна нормальная работа электростанции.

Вышинский. Кроме этой углеподачи была на станции другая углеподача?

Гусев. Были две углеподачи.

Вышинский. Одна работала?

Гусев. Одна работала.

Вышинский. Другая разобрана?

Гусев. Да.

Вышинский. Какое же значение имел вывод одной углеподачи?

Гусев. Одной было недостаточно.

Вышинский. При разборе второй углеподачи у вас получалось недопитание электростанции. Так я понял?

Гусев. Котельная электростанции получала недостаточное количество угля.

Вышинский. Следовательно станция питалась слабее, чем нужно. До чего—до полной нагрузки или до нормальной?

Гусев. До нормальной.

Вышинский. А станция работала с полной нагрузкой?

Гусев. Не с полной.

Вышинский. Следовательно тем, что вывели вторую углеподачу, вы сразу снизили работу этой станции?

Гусев. Работала с неполной мощностью.

Вышинский. Таким образом, какое активное значение имела для судьбы этой вашей электростанции разборка второй углеподачи?

Гусев. Вторая часть совершенного мною вредительства заключалась в том, что по мобилизационному плану Златоустовский завод переходил полностью на питание энергией от электростанции, на которой я работал, и вот тогда электростанция не смогла бы давать то количество энергии, которое нужно.

Вышинский. Следовательно опять мы упираемся в тот же военный вопрос. Так я понимаю?

Гусев. Да.

Вышинский. Следовательно вы, разрушая вторую углеподачу, действовали в том направлении, чтобы ослабить производственные возможности для военных целей?

Гусев. Да.

Вышинский. И вы этим достигли цели?

Гусев. Достиг.

Вышинский. В этом заключался план?

Гусев. Да.

Вышинский. Вы этот план продумывали с Соколовым, или кто-нибудь еще участвовал в продумывании этого плана?

Гусев. Соколов участвовал в деталях выработки этого плана и некоторых частей этого плана. Затем план полностью я сообщил...

Вышинский. Кому?

Гусев. Инженеру Макдональду.

Вышинский. Инженер Макдональд обсуждал этот план?

Гусев. Обсуждал.

Вышинский. Следовательно этот план был выработан и обсужден вами с Соколовым и Макдональдом?

Гусев. Первоначально этими тремя лицами.

Вышинский. Один вопрос к Макдональду. Обвиняемый Макдональд, вы подтверждаете или нет показания Гусева о том, что план разборки углеподачи вам был известен?

Макдональд. Это не было известно.

Вышинский. С вами обсуждал Гусев?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А вам сообщил об этом?

Макдональд. Я потом слышал об этом.

Вышинский. Потом вы об этом слышали?

Макдональд. Да.

Вышинский. Когда?

Макдональд. Когда его встретил.

Вышинский. И вы были в курсе этого вопроса?

Макдональд. Это было для меня новостью.

Вышинский. Когда вы его встретили и он сообщил, то с этого времени вы были в курсе вопроса?

Макдональд. Да.

Вышинский. А до этого вы не знали?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А Гусев утверждает, что вы знали. (К Гусеву.)

Может быть вы припомните, где вы это обсуждали, при каких обстоятельствах?

Гусев. Этот план обсуждался несколько раз на квартире у Василия Васильевича Макдональда, затем у меня на квартире, и в дальнейшем этот план еще раз был обсужден при приезде инженера Торнтона в Златоуст. Так что весь этот план инженер Макдональд знал.

Вышинский. Весь этот план касался только углеподачи или еще чего-нибудь?

Гусев. Под планом я подразумеваю все планы аварий, т. е. углеподачу, котлы №№ 1 и 2, котел № 8, котел № 11 и мотор 1 400 л. с. в прокатном цехе, а в дальнейшем еще целый ряд отдельного оборудования.

Вышинский. Вы утверждаете, что весь этот план во всем объеме был известен Макдональду?

Гусев. Да, я это утверждаю.

Вышинский. В отношении мотора в 1 400 л. с. Макдональд подтвердил, но в отношении углеподачи Макдональд говорит, что он об этом узнал лишь после того, как это было ему сообщено.

Гусев. Нет, он знал раньше.

Вышинский. Ну, хорошо, перейдем к другим авариям.

Гусев. Авария с котлом № 8 была произведена зимой 1931—1932 года, месяца я точно не помню—январь или декабрь. Котел был в очень холодное время оставлен с водой, и дымовой регистр на борове не был закрыт. Холодный воздух попал внутрь котла. В результате были заморожены перегреватель и часть труб котла.

Вышинский. Что получилось в результате?

Гусев. В результате получился вывод котла из строя и длительный ремонт. Срок ремонта я точно не помню, но более 11½ месяцев.

Вышинский. Это тоже входило в ваш план?

Гусев. Да, я уже сказал.

Вышинский. Котлы Стерлинга №№ 1 и 2 и котел № 11—что с ними было?

Гусев. Котлы №№ 1 и 2 переделывались на пылевидное топливо. Велась установка фирмой «Рема». Вот эта установка, благодаря тем мерам, которые я принимал, была затянута до 2—2½ лет.

Вышинский. На сколько затянулась?

Гусев. Весь процесс этой работы происходил около 2 лет.

Вышинский. Углеподачу восстанавливали и не восстановили—два года прошло. Котел Стерлинга не могли отремонтировать в течение 2 лет и котел № 11...?

Гусев. Это новый котел, монтаж его затянулся сроком до 2 лет.

Вышинский. Выходит, что все, за что вы ни возьметесь, затягивается на 2 года. Почему у вас был такой порядок или, вернее, беспорядок порядка 2 лет?

Гусев. На этот вопрос я затрудняюсь что-нибудь ответить, потому что я могу сказать, что это вызвано мною, но почему именно 2 года...

Вышинский. Может быть 2 года потому, что не удалось 3 года, и может быть удастся и 3 года, если там на месте остались ваши заместители? Вы затягивали умышленно, сознательно или это затягивалось по обстоятельствам, от вас не зависящим?

Гусев. Я уже сказал, что задержка монтажа котлов №№ 1 и 2, а

также № 11 была предусмотрена в плане аварий так же, как котла № 8. Все это было вызвано мною.

Вышинский. Все это вы производили сознательно и планомерно по вашему плану, который вы тогда выработали?

Гусев. Да.

Вышинский. А другие аварии, вроде вывода из строя масляных выключателей? Это к вам имеет отношение? Это не ваша специальность?

Гусев. Я знаю, что такие аварии были. Знал о проведении этих аварий, но непосредственного участия в выполнении не принимал.

Вышинский. В план они входили?

Гусев. В план входили.

Вышинский. Кто их должен по плану выполнять?

Гусев. Должен был выполнять Соколов.

Вышинский. А перевыполнения этого плана не было у вас?

Гусев. Нужно спросить Соколова.

Вышинский. Спросим Соколова в свое время. Следовательно и масляные выключатели выводились из строя по вашему плану. Так?

Гусев. Да.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У тов. Рогинского есть вопросы?

Рогинский. Да. Вы отметили три линии вашей контрреволюционной вредительской работы. Во-первых, собирание сведений секретного характера. Так?

Гусев. Да.

Рогинский. Затем организация и совершение порчи машин?

Гусев. Да.

Рогинский. И наконец третья линия—это задержка монтажа различного оборудования с целью затянуть расширение Златоустовской электростанции?

Гусев. Да.

Рогинский. Помимо этих линий, какие еще функции были возложены на вас, как на члена контрреволюционной вредительской группы на Златоустовской электростанции?

Гусев. Помимо этого я еще служил передаточным звеном между отдельными лицами, которые были связаны с Макдональдом.

Рогинский. Следовательно четвертая линия—это связь между отдельными членами контрреволюционной группы и, как вы утверждаете, Макдональдом?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы можете назвать тех лиц, которые через вас сносились с Макдональдом?

Гусев. Инженер Витвицкий Николай Петрович.

Рогинский. Где работал этот инженер Витвицкий?

Гусев. Главный инженер Челябинской районной электростанции.

Рогинский. Еще кто?

Гусев. Соколов.

Рогинский. И Патрин. Вы помните такого?

Гусев. Да и Патрин.

Рогинский. Вот определенные лица, которые через вас имели связь с Макдональдом?

Гусев. Да.

Рогинский. Эта связь осуществлялась вами в тот период времени, когда Макдональд был еще в Златоусте, или же после отъезда Макдональда из Златоуста?

Гусев. Я служил связью после отъезда инженера Макдональда из Златоуста.

Рогинский. А до этого? С Патриным например?

Гусев. До этого я имел сношение с Соколовым.

Рогинский. А с Патриным?

Гусев. И с Патриным.

Рогинский. Из ваших ответов мы можем установить следующее: и в момент пребывания Макдональда в Златоусте и после отъезда Макдональда из Златоуста вы осуществляли еще и связь определенных лиц с Макдональдом по передаче ему писем от этих лиц.

Гусев. Да.

Рогинский. От Макдональда этим лицам вы что-нибудь передавали?

Гусев. От Макдональда я передавал Соколову деньги.

Рогинский. Соколову передавали деньги, а затем?

Гусев. Передавал деньги Витвицкому.

Рогинский. Передавали деньги Витвицкому. Этим ограничивались ваши взаимоотношения с Макдональдом по части связи?

Гусев. Потом я передавал и пересылал письма от инженера Витвицкого инженеру Макдональду.

Рогинский. Хорошо. Теперь скажите, в момент пребывания Макдональда в Златоусте кто-либо еще из инженеров конторы «Метро-Виккерс» в Златоуст приезжал?

Гусев. Приезжал инженер Торнтон.

Рогинский. Инженер Торнтон. Когда он приезжал?

Гусев. Он приезжал два раза.

Рогинский. Когда?

Гусев. Первый раз летом 1930 года в июне-июле, месяце, точно не помню, а затем зимой в 1930—1931 году.

Рогинский. Летом 1930 года и зимой 1931 года. К моменту его первого приезда в Златоуст вы уже начали практически осуществлять свою контрреволюционную деятельность?

Гусев. В это время я собирал сведения по Златоустовским заводам.

Рогинский. Значит к моменту этого приезда Торнтон вы практически осуществляли шпионаж?

Гусев. Да.

Рогинский. А какого характера те сведения, которые вы к этому времени доставляли Макдональду?

Гусев. В этот период времени сведения касались и энергоснабжения и военных производств.

Рогинский. Значит к этому времени сведения были явно секретного характера, так?

Гусев. Да.

Рогинский. Они касались работы военных производств Златоустовских заводов?

Гусев. Да, правильно.

Рогинский. Имели ли вы беседы с приезжавшим Торнтоном?

Гусев. Да, я с ним разговаривал.

Рогинский. Зачем он приезжал в Златоуст?

Гусев. Он приезжал для контроля монтажных работ.

Рогинский. Для контроля кого?

Гусев. Инженера Макдональда.

Рогинский. Ваши встречи с Торнтоном происходили в служебной обстановке или вне служебной обстановки?

Гусев. Они происходили только в служебной обстановке.

Рогинский. А ваши беседы с ним носили чисто служебный характер, или же они носили иной характер?

Гусев. Поскольку у нас были деловые взаимоотношения, то мы говорили и о деле.

Рогинский. О каком деле?

Гусев. О деле монтажа. Но уже в первый раз я был ему рекомендован инженером Макдональдом как их человек по шпионской работе.

Рогинский. Вы были рекомендованы инженером Макдональдом Торнтону как их человек по шпионажу, так?

Гусев. Да.

Рогинский. В какой обстановке эта рекомендация была произведена, где?

Гусев. Это было в моем служебном кабинете.

Рогинский. Кто там был в это время?

Гусев. Инженер Макдональд, Торнтон и я.

Рогинский. Значит вы были втроем?

Гусев. Да.

Рогинский. О чем сообщил Макдональд Торнтону?

Гусев. Он сказал, что это наш парень.

Рогинский. А затем?

Гусев. Мне перед этим он сказал, что сказал Торнтону, что я для него даю шпионские сведения.

Рогинский. Значит, когда мы имели эту беседу с Торнтоном, то к тому моменту Макдональд уже сообщил Торнтону о том, что вы являетесь «нашим парнем»?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы лично Торнтону передавали в этот его приезд какие-нибудь сведения, помимо Макдональда?

Гусев. Не передавал.

Рогинский. Следовательно беседа ваша с Торнтоном в присутствии Макдональда ограничилась только тем, что вы были рекомендованы как человек, который действует в их интересах?

Гусев. Да.

Рогинский. А о характере вашей работы, о характере того, что делает «наш парень», был информирован Торнтон? Имели ли беседу с ним по этому поводу?

Гусев. Я сказал уже, что о моей работе по шпионажу ему сообщил Макдональд и я подробного разговора в этот раз не имел с мистером Торнтоном. Подробный разговор имел в дальнейшем.

Рогинский. В этот приезд были только рекомендованы. Вторичная встреча с Торнтоном где произошла?

Гусев. Вторичная встреча произошла зимой 1930—1931 года.

Рогинский. Если первая была в июле 1930 года, то вторая?

Гусев. В январе или в феврале 1931 года.

Рогинский. Макдональд был к этому времени в Златоусте?

Гусев. Был.

Рогинский. Ваша практическая контрреволюционная деятельность к этому моменту в чем заключалась?

Гусев. В этот момент нами был выработан план аварий по Златоусту.

Рогинский. Значит к этому моменту вы уже от шпионажа начали переходить к непосредственной организации вредительских актов?

Гусев. Да.

Рогинский. Был намечен план этих вредительских актов и как раз к этому моменту приехал Торнтон?

Гусев. Да.

Рогинский. Торнтон уже знал к этому времени, что вы свой человек?

Гусев. Да, он знал.

Рогинский. Была у вас беседа с Торнтоном по поводу вашей работы, как своего человека?

Гусев. Да, во второй раз этот план был обсужден уже нами троими, т. е. мною, Торнтоном и Макдональдом.

Рогинский. Значит план этих актов был обсужден вами тремя: вы, Макдональд и Торнтон?

Гусев. Да.

Рогинский. Где происходило?

Гусев. На электростанции, в моем служебном кабинете.

Рогинский. Правильно ли будет, что вообще все встречи во время приезда Торнтон происходили только в вашем служебном кабинете, вне служебного кабинета вы не встречались с ним?

Гусев. Я был предупрежден инженером Макдональдом, что мои встречи с Торнтоном вне служебной обстановки неудобны.

Рогинский. При просмотре плана перехода к диверсионным актам Торнтон сделал какие-либо замечания к этому плану? Указал ли какое-либо направление диверсионных актов или одобрил те мероприятия, какие были вами выработаны?

Гусев. В основном мистер Торнтон обдумал этот план и сделал свое замечание, касающееся работы Челябинской электростанции, так как, я уже сказал, Златоустовский металлургический завод частично перешел на питание энергией от Челябинской станции, и этот момент нас смущал.

Рогинский. В смысле действия?

Гусев. В смысле действия. Мистер Торнтон сказал, что план должен быть проведен, что этот момент работы Челябинского завода не должен смущать, так как Челябинский завод находится под их влиянием.

Рогинский. Под их влиянием? Значит помимо обсуждения самого плана и тех диверсионных актов, которые были вами переданы, Торнтон дал вам понять, что на Челябинском заводе находятся люди, находящиеся под их влиянием?

Гусев. Я не могу сказать, что он думал, но я понял так, что там что-то есть, что работа на Челябингрэсе ненадежна.

Рогинский. А впоследствии вы, как человек, практически осуществляющий условленный план, практически связались с теми лицами, которые на Челябинской электростанции осуществляли те же задания, какие вы осуществляли на Златоустовской электростанции?

Гусев. Я был связан с Витвицким по передаче сведений, а конкретных данных о вредительстве я не знал.

Рогинский. А во время беседы с Витвицким он указывал на то, с кем он связан, как он вступил или организовал контрреволюционную группу?

Гусев. В одной из встреч с Витвицким он сказал, что по предложению мистера Торнтон он обещал давать ему сведения в части работы Челябингрэса.

Рогинский. Помимо плана совершения диверсионных актов, были ли у вас еще задания от Торнтон в его этот приезд в Златоуст?

Гусев. В этот приезд был утвержден этот план. Затем на его вопрос о роли Златоустовской электростанции во время войны я ему сообщил то, что я знал в части мобилизационного плана по энергоснабжению Златоустовских заводов.

Рогинский. Значит вы давали сведения и относительно мобилизационного плана по энергоснабжению Златоустовской станции на случай войны?

Гусев. Да.

Рогинский. Значит план диверсионных актов, мобилизационный план металлургического Златоустовского завода на случай войны и вообще вопрос, как построить вашу контрреволюционную деятельность на случай войны, занимал известное место в выработке этого плана или программы в то время, или этот вопрос был поднят впоследствии?

Гусев. Этот вопрос был поднят уже тогда.

Рогинский. К чему сводился план?

Гусев. Сводился к тому, что по мобилизационному плану мощность, необходимая для нормальной работы Златоустовских заводов, была 12 000 киловатт, а по этому плану мощность электростанции должна была быть сниженной до 6—6½, максимум 7 000 киловатт. Таким образом этот план уже предусматривал срыв энергоснабжения металлургического завода во время войны.

Рогинский. Диверсионные акты, о которых вы уже сообщали на вопросы тов. Вышинского, следовательно были направлены к тому, чтобы держать в таком пониженном состоянии мощность электростанции, о которой вы говорите?

Гусев. В результате всех аварий, которые были проведены по электростанции фактически при установленной мощности турбогенератора в 12 000 киловатт, мощность была сведена до максимальной мощности в 7 000 киловатт, это было в тот момент, когда я был арестован.

Рогинский. Значит вы своими вредительскими актами достигли того положения вещей, когда мощность электростанции была снижена почти наполовину?

Гусев. Это так.

Рогинский. Когда Макдональд уехал из Златоуста?

Гусев. Он уехал во второй половине апреля 1931 года.

Рогинский. Отъезд Макдональда из Златоуста прервал ваши с ним взаимоотношения, или связь была закреплена?

Гусев. Моя связь с инженером Макдональдом по отъезде его из Златоуста не прекратилась.

Рогинский. Как она поддерживалась?

Гусев. Она поддерживалась несколькими способами: через некую Рябову, затем я посылал письма почтой в адрес этой же Рябовой, затем мною были использованы поездки сыновей Рябовых и затем моей личной поездкой на Зуевскую электростанцию.

Рогинский. Значит после отъезда Макдональда связь поддерживалась следующими путями: Рябовой, сыновьями Рябовыми и вашим личным посещением Макдональда в Зуевке?

Гусев. Да.

Рогинский. До выезда Макдональда в Зуевку вы с ним связь поддерживали, или она была прервана и восстановлена после приезда Макдональда на Зуевку?

Гусев. В сентябре 1931 года я получил от него письмо.

Рогинский. Откуда?

Гусев. Я сейчас не помню—откуда.

Рогинский. Он в это время находился в пределах СССР или вне пределов?

Гусев. В пределах Союза.

Рогинский. Помимо этого письма были какие-нибудь извещения от Макдональда потом?

Гусев. Затем примерно в августе месяце 1931 года я получил посылку.

Рогинский. От кого?

Гусев. На посылке была помечена отправителем Иванова, но посылка содержала письмо от инженера Макдональда.

Рогинский. Значит отправителем была помечена некая Иванова, а письмо в посылке было от Макдональда?

Гусев. Да.

Рогинский. Перед отъездом из Златоуста у вас с Макдональдом было обусловлено о том, что до своего приезда на Зуевку он так или иначе будет поддерживать с вами связь или это шло случайно?

Гусев. Когда он уезжал из Златоуста, основной способ передачи был обусловлен через Рябову. Затем он говорил, что если я хочу его найти, я могу обратиться в контору.

Рогинский. В Москве?

Гусев. Да. Затем он мне давал один адрес, но сейчас этот адрес я не помню, и раньше, когда я хотел им воспользоваться, я его не нашел.

Рогинский. Значит дал адрес, который вы не помните, и второй адрес—контору. Указал он конкретно, к кому вы можете обратиться в конторе?

Гусев. Он сказал, что я могу обратиться к секретарю Кутузовой или к инженеру Монкгаузу.

Рогинский. Торнтона он не называл?

Гусев. Сейчас я не помню.

Рогинский. Вы получили посылку от Ивановой. Эта Иванова фактически существовала, или такой Ивановой не существовало?

Гусев. Я не могу этого сказать. Я получил от Ивановой, но ни того, ни другого адреса я сейчас не помню.

Рогинский. Еще один вопрос к подсудимой Кутузовой (к Кутузовой). Может быть вы нам разъясните, откуда появилась эта Иванова и что это за посылка, которую получил обвиняемый Гусев?

Кутузова. Осенью 1931 года инженер Макдональд просил меня послать посылку в Златоуст Гусеву и просил не указывать ни фамилии, ни фирмы, ни адреса фирмы—просил поставить Иванову, просил указать адрес—я хорошо не помню—не то Неглинный, не то Петровка, вымышленный адрес.

Рогинский. Вы так и сделали?

Кутузова. Да.

Рогинский. Это было сделано по просьбе инженера Макдональда?

Кутузова. Да.

Вышинский (к Гусеву). Подсудимый Гусев, сейчас, когда вы давали объяснение на вопрос тов. Рогинского, вы указали, что была послана посылка, которая, как оказалось, была отправлена от имени фиктивного лица. Это был единственный случай практики употребления фиктивных имен, или таких случаев в вашей практике было несколько?

Гусев. К такому способу я лично прибегал при посылке писем.

Вышинский. В чем он выражался?

Гусев. Я писал письма, предназначенные инженеру Макдональду,—я писал их в адрес Рябовой и отправителем называл фамилию Мочалова. Я писал на имя Рябовой от Мочалова.

Вышинский. А Уткиным вы не подписывались, это фамилия не фигурировала?

Гусев. Так я подписывал письма.

Вышинский. Значит вы подписывались и Уткиным?

Гусев. Да.

Вышинский. Значит вы практиковали применение фиктивных имен—Мочалов, Уткин, Иванова и адрес несуществующий—Неглинный проезд?

Гусев. Да.

Вышинский. А в сведениях вы так и называли—снаряды, или может быть иначе. Вот выработано столько-то снарядов, такая-то недельная выработка.

Гусев. Конечно слово «снаряды» не употреблялось.

Вышинский. А какое слово?

Гусев. В одной из сводок было слово «консервы».

Вышинский. Значит вы писали—вырабатывают столько-то консервов?

Гусев. Да.

Вышинский. Члены вашей группы носили только свои собственные имена, или были конспиративные клички?

Гусев. Часть лиц носила клички.

Вышинский. Например?

Гусев. Котельников носил кличку «Федор».

Вышинский. А его имя?

Гусев. Федор.

Вышинский. Значит это его имя, а не кличка. Федор Федором так и остается. Вот если бы Федот, то получилось бы «Федот, да не тот». А Рябинин как назывался?

Гусев. «Дерево».

Вышинский. А еще?

Гусев. Ряд кличек был.

Вышинский. Значит можно сказать, что в практике ваших сношений как с Макдональдом, так и Макдональда с вами, как с Кутузовой, так и обратно, и с прочими у вас фигурировали повсюду конспиративные клички, вымышленные адреса, имена и прозвища. Правильно я говорю?

Гусев. Да, это правильно.

Рогинский. Когда вы приехали в Зуевку, к Макдональду?

Гусев. В половине сентября 1932 года.

Рогинский. К этому времени какие вредительские акты вами уже были совершены?

Гусев. Те, о которых я говорил, т. е. котлы Стерлинга №№ 1 и 2.

Рогинский. Задержка монтажа котлов №№ 1 и 2. А потом?

Гусев. Задержка монтажа котла № 11, вывод из строя котла № 8, вывод из строя углеподачи.

Рогинский. И авария с мотором 1 400 л. с.?

Гусев. Да.

Рогинский. Все эти акты к этому времени практически были уже проведены?

Гусев. Да. Они были проведены.

Рогинский. Почему вы поехали в Зуевку? Какая цель была этой поездки?

Гусев. Я получил приглашение от инженера Макдональда, чтобы я приехал к нему для разговоров по делам.

Рогинский. О каких делах могла идти речь в том вызове?

Гусев. Тогда между нами было только одно дело.

Рогинский. Какое?

Гусев. Дело по проведению аварий на Златоустовских заводах.

Рогинский. Дело о вашей работе как членов контрреволюционной вредительской группы. Так?

Гусев. Да.

Рогинский. До своей поездки в сентябре 1932 года использовалась та связь, которая была у вас через Рябову, сыновей Рябовой для того, чтобы сообщать Макдональду о вредительских актах. Или же Макдональд этого не знал?

Гусев. Он не знал точно и детально. Я опасался писать в письмах об этом. Но не прямо я говорил, что работа идет.

Рогинский. В завуалированной форме вы сообщали ему. Но о том, что, когда и конкретно какие машины выведены из строя—об этом Макдональд не знал?

Гусев. Не знал.

Рогинский. До вашего приезда?

Гусев. Да.

Рогинский. Вы в Зуевку поехали через Москву или другой путь избрали?

Гусев. Я ехал через Москву.

Рогинский. Сколько дней вы пробыли в Зуевке?

Гусев. В Зуевке я пробыл 4 дня, может быть 5—точно не помню.

Рогинский. Информировали Макдональда?

Гусев. Да. Я сделал подробное сообщение о всех авариях, которые я провел и которые провела наша группа. Сообщил также о положении, которое создалось в результате этих аварий.

Рогинский. Значит в этот ваш приезд в Зуевку вы Макдональду сделали подробную информацию о результатах действия той вредительской группы, которая была организована на Златоустовской электростанции. Сообщили об углеподаче, о моторах и котлах?

Гусев. Да.

Рогинский. Вопрос Макдональду. Вы подтверждаете эти показания Гусева о его приезде к вам в Зуевку и о подробной информации вас о той вредительской работе, которую он проделал на Златоустовской электростанции?

Макдональд. Да, он сказал, что были такие аварии.

Рогинский. Он сообщил вам, что были аварии с углеподачей, что была задержка в монтаже котлов?

Макдональд. Только насчет аварий.

Рогинский. А вы подтверждаете, что вы сами специальным письмом вызвали его в Зуевку?

Макдональд. Не по этому делу.

Рогинский. По какому делу?

Макдональд. Я хотел его видеть.

Рогинский. Для чего, по какому вопросу?

Макдональд. Ни по какому определенному вопросу.

Рогинский. А вы слышали, что Гусев показал, что он поехал для того, чтобы информировать о контрреволюционной работе, которую он проделал в Златоусте? Правильно он показывает?

Макдональд. Нет, он не получал такого приглашения от меня.

Рогинский. Но когда он приехал, вас об этом информировал?

Макдональд. Да.

Рогинский. Больше вопросов к Макдональду нет.

Председатель. Объявляю перерыв на 20 минут.

*
* * *

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь, пожалуйста. У прокуратуры еще есть вопросы. Подсудимый Гусев, пожалуйста сюда.

Рогинский. При вашем отъезде из Зуевки вы встретились с кем-либо еще из представителей конторы «Метрополитен-Виккерс», помимо Макдональда?

Гусев. Да, в момент отъезда из Зуевки я встретился с мистером Торнтоном на вокзале станции Харциск.

Рогинский. Эта встреча была в момент вашего отъезда, или после того вы оставались в Зуевке?

Гусев. В момент отъезда. В тот момент, когда я сехал на вокзал к поезду.

Рогинский. Вы имели беседу с Торнтоном?

Гусев. Да, я разговаривал с мистером Торнтоном в этот раз в ресторане при вокзале.

Рогинский. Длительная беседа была?

Гусев. Нет, краткая, минут 20—30.

Рогинский. В чем заключалась эта беседа?

Гусев. Я кратко сообщил мистеру Торнтону о положении в Златоусте, т. е. о тех авариях, которые были, и потом ответил на его вопросы в отношении работы, которая была проделана на Златоустовских заводах.

Рогинский. Более конкретно, что вы сообщили Торнтону об авариях, которые были произведены на Златоустовской электростанции?

Гусев. Я сказал о всех авариях и о моторе 1 400 л. с., о порче и переделке котлов.

Рогинский. Кто присутствовал при этой беседе с Торнтоном?

Гусев. Мистер Макдональд.

Рогинский. Еще кто?

Гусев. В это же время в ресторане, но только за другим столом сидел инженер, не знаю его фамилии, тоже фирмы «Метрополитен-Виккерс», который приехал из Макеевки, но его не было при этой беседе.

Рогинский. Были вы трое: вы, Торнтон и Макдональд?

Гусев. Да.

Рогинский. Куда вы уехали после этого?

Гусев. В Златоуст.

Рогинский. Через Москву?

Гусев. Да.

Рогинский. Какие-либо поручения в Москву от Макдональда имели?

Гусев. Я получил от него записку к мистеру Монкгаузу, с которой я должен был пойти в их представительство в Москве.

Рогинский. Что это за записка была? Вы ее читали?

Гусев. Нет, не читал. Записка была написана на английском языке, а я английского языка не знаю.

Рогинский. А на словах не было вам сообщено Макдональдом, зачем вы должны зайти в контору и по какому вопросу повидаться с Монкгаузом?

Гусев. Нет, я не знал этого.

Рогинский. Можно мне задать один вопрос Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, вы подтверждаете показания Гусева о его встрече с вами на станции Харциск?

Торнтон. Подтверждаю.

Рогинский. Эта встреча имела место?

Торнтон. Имела место.

Рогинский. Вы подтверждаете о двукратной встрече с вами в Златоусте?

Торнтон. Подтверждаю.

Рогинский. Значит ваши показания в этой части, в части встречи с Гусевым правильны?

Торнтон. Правильны.

Рогинский. У меня больше вопросов к Торнтону нет. Подсудимый Гусев, ваш отъезд из Харциска в Златоуст был связан с какими-нибудь новыми заданиями или поручениями по вопросу о вашей вредительской работе?

Гусев. Я должен был принять меры, чтобы мощность электростанции оставалась той, которая была достигнута в результате нашей вредительской деятельности, т. е. половинная мощность нормальной, а затем в случае военных осложнений, войны, вызывать аварии в части электростанций и в части заводского оборудования, которое бы вело к срыву производства Златоустовских заводов в части выпуска высококачественных сталей, а также выпуска снарядов.

Рогинский. Значит задание было такое—держат мощность станции в половинном размере ее действительной мощности и подготовить целый ряд серьезнейших диверсионных актов на случай войны, так?

Гусев. Так.

Рогинский. У меня нет больше вопросов.

Вышинский. У меня есть вопрос к подсудимому Гусеву.

Обвиняемый Гусев, меня интересует следующий вопрос. Во-первых, вы указали на то, что сведения, доставляемые вами о Златоустовском заводе, передавались Макдональду. Так ли это?

Гусев. Да, я говорил.

Вышинский. Было ли известно Торнтону, что вы передаете сведения Макдональду?

Гусев. Я уже сказал, что в первый приезд мистер Торнтон знал о том, что я занимался шпионажем по поручению мистера Макдональда.

Вышинский. Так что Торнтон знал об этом в первый приезд?

Гусев. Знал.

Вышинский. Разрешите задать вопрос Торнтону. Подсудимый Торнтон, вы подтверждаете показания Гусева в этой части?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Следовательно вам не было известно, что Гусев передавал сведения Макдональду?

Торнтон. Разрешите спросить: эти сведения об авариях?

Вышинский. Нет, шпионские сведения.

Торнтон. Шпионские сведения—нет, а сведения по общему состоянию станции—да, насколько это интересует фирму.

Вышинский. Мы не говорим, насколько это интересовало фирму, мы говорим, насколько это интересовало вас. Ведь вы и фирма—не одно и то же. Я спрашиваю—известно ли вам было, что Гусев находился в такой связи с Макдональдом, вследствие которой, он, Гусев, передавал сведения того характера, о котором он говорил, называя их шпионскими, Макдональду. Вы мой вопрос понимаете?

Торнтон. Я слово «шпионские» не подтверждаю.

Вышинский. Исключим пока это слово. Обвиняемый Торнтон, правильно ли показание Гусева о том, что вам, Торнтону, было известно, что Гусев передавал Макдональду сведения по Златоусту?

Торнтон. Да.

Вышинский. Следовательно правильны или нет были ваши показания на очной ставке с Гусевым 15 марта? Вы помните эту очную ставку, или может быть вам ее напомнить?

Торнтон. Прошу напомнить.

Вышинский. Напомню: «Лист дела 71, том 18, вопрос к Торнтону: в ваших показаниях от 12 марта вы указали, что инженер Гусев с электростанции Златоустовского завода был связан с Макдональдом, который передавал для вас регулярно в течение ряда лет подробную информацию о состоянии Златоустовского района, о техническом состоянии электростанции и силовой установки. Подтверждаете ли это? Ответ—да. Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».

Это вы подтверждаете?

Торнтон. Это подтверждаю.

Вышинский. Значит можно сказать, что в этой части протокол от 15 марта очной ставки с Гусевым вы подтверждаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Второй вопрос: вам известно, что Гусев был не в случайной связи с Макдональдом, а что он был в постоянной связи, постоянно и систематически снабжал его различными сведениями?

Торнтон. Я этого не знал.

Вышинский. Тогда может быть вам напомнить то, что вы говорили на очной ставке?

Торнтон. Пожалуйста.

Председатель. Той же очной ставки?

Вышинский. Да. «Лист 71, том 18. Признаете ли вы, что инженер Гусев в Златоустовском районе был агентом и вашим и Макдональда, как вы это указывали в ваших показаниях. Ваш ответ: «Да, полагаю, что это так».

Это вы подтверждаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему вы это говорили?

Торнтон. Я не говорю, что меня заставили говорить.

Вышинский. Позвольте тогда так спросить: это вы говорили?

Торнтон. Говорил.

Вышинский. Значит то, что записано в протоколе, есть то, что вы говорили?

Торнтон. Да, я так говорил.

Вышинский. Вы говорили правду или неправду?

Торнтон. В данном случае неправду.

Вышинский. Вы вообще говорите правду или неправду?

Торнтон. В данном случае говорил неправду—я был взволнован.

Вышинский. Значит, когда вы взволнованы, вы говорите неправду?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сейчас вы не взволнованы?

Торнтон. Не взволнован.

Вышинский. Значит вы сейчас говорите правду?

Торнтон. Сейчас говорю правду.

Вышинский. Почему вы однако написали так, а не иначе. Вы сказали: «полагаю, что это так». Вы не утверждали, а полагали. Я спрашиваю, почему вы, будучи взволнованы, полагали именно это, а не что-нибудь другое? Вас заставляли?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы добровольно это сказали?

Торнтон. Добровольно.

Вышинский. Может быть к вам применяли особые методы?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Мучили вас?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Третья степень?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Есть ли у прокуратуры еще вопросы к подсудимому Гусеву?

Прокуратура. Нет.

Председатель. Есть ли к подсудимому Гусеву вопросы у защиты?

Казначеев (к Гусеву). Вы рассказывали о вашей контрреволюционной деятельности на протяжении довольно долгого промежутка времени. Скажите пожалуйста, были ли такие моменты, когда вы хотели отойти от этой контрреволюционной работы, прекратить ее, или таких моментов не было?

Гусев. Такой момент был в 1932 году, в то время, когда я был в Зуевке, делал сообщения об авариях и получил задание от Макдональда, подтвержденное мистером Торнтоном, продолжать работу дальше. Когда я увидел, что на этом пути я захожу все дальше и дальше, тогда у меня было желание выйти из этого дела. Поэтому с той запиской, которая мне была дана, я не поехал в представительство «Виккерс» в Москве и не передал этой записки Монкгаузу, а поехал прямо в Златоуст.

Казначеев. Почему у вас появилось желание выйти—под влиянием страха провала или других моментов и если других моментов, то каких?

Гусев. Основной момент был в том, что я видел, что тот путь, на который я вступил, тот путь, на котором я работал, что он неправилен.

Казначеев. Вам все же не удалось отойти от работы?

Гусев. Я не нашел выхода из того положения, в котором я был, так как моя связь настолько далеко зашла, что, на мой взгляд, мне казалось, что у меня нет никакого выхода.

Казначеев. У вас не было ли каких-либо разговоров с Макдональдом или с кем-нибудь другим о вашем желании от этой работы отойти, не замечал ли кто-нибудь из них каких-либо колебаний с вашей стороны? Вы этого не припоминаете?

Гусев. Такой момент был в Зуевке.

Казначеев. Что там было?

Гусев. В Зуевке был разговор об опасности этой работы. В частности был разговор в Зуевке о том, что меня весной 1932 года вызывали в Златоустовское отделение ГПУ по поводу одной аварии. Этот случай был передан мистеру Макдональду Рябовым в его приезд. Когда я приехал, Макдональд спросил, так ли это было. Я сказал, что это имело место. Тут он стал говорить о том, что это очень опасно, что надо быть чрезвычайно осторожным, что в случае провала надо отрицать всякую связь с ним, и в этот же раз он говорил о том, что он может устроить, в случае нужды, мой побег за границу.

Председатель. Вообще за границу или в определенную страну?

Гусев. Вообще за границу.

Казначеев. Не было ли когда-нибудь таких случаев, чтобы Макдональд или кто-нибудь другой угрожали вам тем, что вас нарочно провалят.

Гусев. Такой случай также имел место.

Казначеев. Расскажите о нем.

Гусев. Это было в тот момент, когда мне было предложено перейти к совершению аварий. Я колебался некоторое время. Это не была прямая угроза провала, но в виде примера было рассказано, как это может быть. Так как я занимался шпионажем для них, то они как иностранные подданные в случае провала не подлежали, по их мнению, ответственности, а я как советский гражданин подлежал строгой ответственности.

Казначеев. Приведение такого примера, если нельзя было расценивать как прямую угрозу, нельзя ли было расценивать это как желание оказать психологическое давление?

Гусев. Я так и квалифицировал этот разговор.

Казначеев. Вы расценивали это именно таким образом?

Гусев. Да.

Казначеев. А иначе нельзя было расценивать?

Гусев. Да.

Казначеев. Некоторое время тому назад вы рассказывали о своих политических убеждениях и взглядах, о своих враждебных настроениях советской власти. Что в данный момент, на сегодняшний день, ваши убеждения и взгляды изменились или остались теми же?

Вышинский. Что значит на сегодняшний день—на 12 апреля?

Казначеев. Нет, не на 12 апреля, а на последний промежуток времени.

Гусев. Да, мои взгляды изменились.

Казначеев. Как бы вы охарактеризовали эту перемену? Что вы по поводу этой перемены могли бы сказать?

Гусев. Я сейчас прекрасно представляю всю величину тех преступлений, которые мною сделаны, признаю, что это были действия неправильные.

Председатель. Только неправильные?

Гусев. Преступные.

Казначеев. Мне хотелось бы услышать из ваших уст более исчерпывающую оценку всего того, что вами совершено. Как субъективно вы это оцениваете. Вы могли бы это сформулировать?

Гусев. То есть то, что я сделал?

Казначеев. Да. Вы могли бы сказать, как лично вы расцениваете перемену в своих убеждениях?

Гусев. Я могу сформулировать это таким образом: я человек, который получил образование при советской власти. Вместо того чтобы употребить все свои знания на полезное общее дело, я занимался шпионажем, занимался вредительством, подрывая государственную промышленность. Путем тех аварий, которые я проводил, я подрывал военную мощь Советского союза. Все это конечно преступления колс-

сальной величины, преступления, которые безусловно для гражданина СССР являются недопустимыми. Сейчас я признаю свою вину. Говорю здесь обо всем, что я сделал, не скрывая.

Казначеев. Вы считаете ваше признание, как вы формулируете—раскаяние, искренним?

Гусев. У меня сейчас такое состояние, что я уже сказал, что этот перелом начался раньше. В момент, когда я был арестован и когда мне были предъявлены уличающие меня обстоятельства, я не стал скрывать свои преступления и на следствии рассказал все, как было дело. В дальнейшем я могу только сказать, что если мне будет сохранена жизнь, если это возможно, то вся остальная жизнь будет употреблена на то, чтобы загладить свою вину, исправить все преступления, которые я сделал.

Казначеев. Разрешите попросить вас уточнить один момент из области вашей биографии. Отвечая на вопрос прокурора, вы сказали, что ваш отец был железнодорожным служащим. Каково было его имущественное положение?

Гусев. Отец был совершенно неимущий.

Казначеев. Почему вы, исходя из неимущей семьи, пришли к этому, под влиянием каких фактов сложились ваши контрреволюционные воззрения и убеждения?

Гусев. Я объясняю это влиянием среды, в которой я вращался в период 1916—1917 года и все остальное время.

Казначеев. То есть вы объясняете это влиянием среды за все годы вашей сознательной жизни. А какова была среда, в которой вы вращались?

Гусев. Первоначально, когда я поступил добровольцем в белую армию, это была среда, состоящая из сыновей купцов, заводчиков, а в дальнейшем после окончания института, когда я работал на электростанции, я, как уже говорил, вращался в кругу антисоветской части инженеров и техников. Часть этих инженеров впоследствии была осуждена за вредительство. Вообще я вращался в среде антисоветской части инженеров.

Казначеев. Я понимаю. Но к моменту, когда вы пошли добровольно в белую армию, у вас очевидно какие-то убеждения уже сложились? В какой же среде вам приходилось находиться до этого добровольного ухода в белую армию?

Гусев. Когда я учился и ушел добровольцем, я находился в среде сыновей купцов и заводчиков.

Казначеев. Последний вопрос—вы сказали, что кончили высший Практический институт. Это высшее учебное заведение?

Гусев. Да.

Председатель. Имеются ли вопросы у других защитников?

Смирнов. Скажите мне вот что, обвиняемый. Макдональд уехал из Златоуста в апреле 1931 года—чем был вызван его отъезд из Златоуста? Вы не знаете?

Гусев. Окончанием его работы.

Смирнов. Скажите, остались ли после отъезда Макдональда какие-нибудь английские монтеры на Златоусте?

Гусев. Нет.

Смирнов. Никто не остался. Значит после отъезда Макдональда в Златоусте не осталось ни одного английского инженера?

Гусев. Нет.

Смирнов. Скажите пожалуйста, когда была первая авария, хотя бы с мотором в 1400 лош. сил?

Гусев. В апреле 1932 года.

Смирнов. Это была первая авария хронологически?

Гусев. Да.

Смирнов. Вторая в мае, третья в июне 1932 года?

Гусев. Совершенно верно.

Смирнов. Затем авария с котлом № 8 произошла зимой 1932 года, т. е. еще позднее?

Гусев. Да.

Смирнов. И наконец разбор резервной углеподачи, когда имел место?

Гусев. В декабре 1932 года.

Смирнов. Следовательно все эти аварии имели место после отъезда Макдональда из Златоуста и приблизительно спустя около года?

Гусев. Да.

Смирнов. Скажите, чем вы объясняете то, что все эти вредительства совершались тогда, когда Макдональд не находился на заводе?

Гусев. Это совершенно понятно. Я получил указания от мистера Торнтона и от Макдональда о том, что все аварии, которые намечены, должны быть проведены безусловно в их отсутствие.

Смирнов. Значит вы получили от мистера Торнтона и Макдональда указания, что все аварии должны быть проведены в их отсутствие? Скажите, этот мотор в 1400 лош. сил какой фирмы?

Гусев. Насколько я помню, русского общества «Сименс Шукерт».

Смирнов. Это общество действовало в дореволюционную эпоху?

Гусев. Да.

Смирнов. Следовательно этот мотор был поставлен на завод до 1917 года?

Гусев. Он был пущен в работу, если мне память не изменяет, в 1923 году.

Смирнов. Значит с 1917 до 1923 года он просто стоял?

Гусев. Не могу этого сказать. Я в то время не работал на заводе. Я поступил на завод в 1922 году и ничего не могу сказать относительно этого.

Смирнов. Какой приблизительно изношенности был этот мотор к 1931 году.

Гусев. Я боюсь сказать. Этот вопрос надо задать Экспертной комиссии.

Смирнов. Ведь вы инженер? Какое ваше личное мнение?

Гусев. Во всяком случае я должен сказать, что мотор был работоспособный, что эти аварии, которые произошли, они были вызваны мною.

Смирнов. Я это понимаю, но может быть он был старой конструкции, устаревший и в достаточной степени изношенный, или нет?

Гусев. Мотор не новый, но мотор вполне работоспособный. Если вы хотите уточнить, я не берусь этого делать. Могу примерно сказать.

Если мотор этот был пущен в работу в 1923 году, работал он до 1932 года—8 лет, если считать срок службы работы 25 лет, то третью часть он проработал. Износ его определялся 30%.

Смирнов. Скажите, кто был старший инженер Златоустовского завода в то время, когда приехал Макдональд?

Гусев. Я вам сейчас боюсь точно сказать и вот по какому обстоятельству, что в тот период времени у нас очень часто менялись главные инженеры. За время пребывания Макдональда был Попов, одно время был Титоровский.

Смирнов. Меня эта фамилия интересует. Не знаете ли вы, не имел ли Макдональд вскоре после приезда на завод разговора с Титоровским, с старшим инженером о том, что следовало бы переменить этот мотор и следовательно сделать заказ на мотор фирмы «Метро-Виккерс»?

Гусев. Об этом разговоре мне неизвестно.

Смирнов. Позвольте спросить вот о чем: когда, приблизительно в какой период времени, а может быть вспомните точно, когда, сколько раз вам передавал Макдональд деньги и приблизительно какими суммами. Эти 2 000—2 500 руб. во сколько раз он давал и в какой период времени?

Гусев. Я сейчас сказать не могу, так как весь этот период моей связи тянулся с декабря 1929 года по день ареста, это 3 года, в течение которых через меня проходило достаточное количество денег, и упомянуть даты я не могу.

Смирнов. Позвольте тогда иначе поставить вопрос. Значит в течение всех этих 3 лет Макдональд передавал деньги, или может быть он вам передавал в последний раз, если так, то когда?

Гусев. Последний раз передал перед отъездом за несколько дней 5 000.

Смирнов. Перед отъездом куда?

Гусев. Из Златоуста.

Смирнов. Вы говорите оставил 5 000, а какие же это 21½ тысячи?

Гусев. Я говорил о 21½ тысячах, которые я получил для себя.

Смирнов. Значит он вам дал 21½ тысячи до своего отъезда из Златоуста и 5 000 передал, уезжая из Златоуста?

Гусев. Да.

Смирнов. Вы не знаете, куда он уехал из Златоуста?

Гусев. В Англию.

Смирнов. А вернулся в Зуево в августе 1931 года?

Гусев. Я не знаю, об этом нужно спросить мистера Макдональда.

Смирнов. Когда вы ездили в Зуево?

Гусев. В сентябре 1932 года.

Смирнов. Значит он вам передал эти еще новые 5 000, о которых вы на предварительном следствии не говорили, передал вам деньги до своего отъезда из Златоуста?

Гусев. Перед отъездом из Златоуста.

Смирнов. Иными словами, после своего отъезда из Златоуста, т. е. когда он находился в Зуевке, он вам деньги не передавал?

Гусев. Передавал.

Смирнов. Сколько вы получили?

Гусев. 11½ тысячи.

Смирнов. Значит 1½ тысячи, затем 2½, плюс 5, и в Зуеве 1½ тысячи рублей, так?

Гусев. Так.

Смирнов. Скажите пожалуйста, вы с Макдональдом были связаны, как говорите, приятельскими дружескими отношениями, вы бывали у него в гостях? Первоначально он жил в гостинице, так?

Гусев. Спросите лучше его, 3 года прошло. Я знаю, он жил в заводской квартире и я там бывал у него.

Смирнов. Только в заводской квартире. Можете ли вы сказать, что он вел широкий образ жизни, или нет?

Гусев. На мой взгляд достаточно широкий.

Смирнов. Что у него было—вино?

Гусев. Было вино.

Смирнов. Была какая-нибудь особая пища?

Гусев. Что значит особая пища? Что вы подразумеваете под особой пищей? Уточните вопрос, что вы под этим подразумеваете?

Смирнов. Если мои вопросы вас задевают, хотя я не вижу в них ничего особенно задевающего, вы можете не отвечать.

Гусев. Я с удовольствием буду отвечать, что могу. Вы спрашиваете о вине—я сказал. Вы спрашиваете—была ли особая пища, я прошу уточнить, что вы подразумеваете под особой пищей.

Смирнов. Тогда скажите, что вы понимаете под широким образом жизни?

Гусев. Широкий образ жизни я понимаю, когда вино, всякие деликатесы в части продуктов питания—фрукты и т. д.

Смирнов. Значит широкий образ жизни выражается в вине и деликатесах. Мне важно установить, какой образ жизни вел в Златоусте Макдональд? Для меня это существенно как для защитника Макдональда. Вел ли он в своей личной жизни широкий образ жизни? Можно ли было в Златоусте в заводской обстановке, в заводской квартире вести широкий образ жизни?

Гусев. Основное—это может быть разница в том, что вы вкладываете в широкий образ жизни и что я. На мой взгляд, это был широкий образ жизни. Я не мог так жить и никто из наших инженеров не мог так жить, как мистер Макдональд. Я беру средний определенный уровень всех условий, в каких мы живем, и сопоставляю с уровнем жизни мистера Макдональда и ряда других иностранных монтеров, которых я знал. Отсюда я делаю вывод, что он вел более широкий образ жизни.

Смирнов. Чем не только вы, но и другие иностранные монтеры?

Гусев. Да.

Смирнов. Значит это выражалось в том, что у Макдональда было вино и деликатесы?

Гусев. Да.

Смирнов. Скажите пожалуйста, этот широкий образ жизни мог ли давать основание предполагать, что Макдональд свободно располагает такими суммами, как 2½ тысячи, 5 000, 1½ тысячи и т. д., что у него имеются в его распоряжении такие личные средства, я подчеркиваю личные, а не полученные им откуда-то, что он мог вести такой широкий образ жизни?

Гусев. Вопрос требует уточнения. Вы хотите говорить о личных

средствах. Я не знаю точно, сколько он имел денег, поэтому давал ли эти деньги из личных средств или из других источников, по-моему нужно его спросить. Я могу только сказать, что я получил деньги, какие суммы—я называл.

Смирнов. Скажите пожалуйста, вам неизвестно, Макдональд лично бывал в Челябинске?

Гусев. О его пребывании в Челябинске мне неизвестно.

Смирнов. В то время, когда он работал в Златоусте, за исключением тех моментов, когда он уезжал в Иркутск, он не отлучался?

Гусев. Насколько я припоминаю, не отлучался.

Смирнов. С Витвицким лично он был знаком?

Гусев. Насколько мне известно—нет.

Смирнов. Вы сказали на суде, что Витвицкий, по вашему мнению, видел Торнтон и с ним сговорился лично насчет того, что он будет давать сведения?

Гусев. Я это говорил.

Смирнов. Тогда зачем понадобился Макдональд в части передачи сведений Торнтону? Вы указали, что Торнтон виделся с Витвицким и сговорился с ним относительно передачи ему сведений?

Гусев. Я утверждаю, что Витвицкий мне говорил о том, что он имел свидание с Торнтоном.

Смирнов. Вы утверждаете, что здесь был в качестве посредника еще и Макдональд?

Гусев. Вы что-нибудь путаете.

Смирнов. Я как будто бы записал ваше показание.

Гусев. Я говорил, что Витвицкий мне сказал, что Торнтон во время пребывания на Чегрэсе предложил Витвицкому давать сведения в части работы Челябинской электростанции, что Витвицкий согласился на это.

Смирнов. А Макдональд здесь не причем? Вы ничего не знаете, чтобы Макдональд здесь играл роль?

Гусев. Это другой момент. Я передал Витвицкому деньги в сумме около 41½ тысяч из тех 5000, которые доставил Макдональд.

Смирнов. Почему же, если Торнтон сговорился с Витвицким, Витвицкий вам сообщал, что Торнтон с ним сговорился—а деньги почему-то Макдональд передавал вам для передачи Витвицкому. Почему не непосредственно, а через кого-то другого?

Гусев. Я могу сказать то, что мне известно, но основные разъяснения, по-моему, вы можете получить у Торнтон и Макдональда. Когда уезжал Макдональд, я получил 5000, причем мне было сказано, что небольшую часть денег я могу израсходовать для себя и для дела, а большую половину я должен израсходовать по указанию, которое получу в дальнейшем. Я это указание и получил от Макдональда в сентябре 1931 года, чтобы передать эти деньги, что я и сделал.

Смирнов. Выходит так, что Торнтон сговорился с Витвицким непосредственно, чтобы Витвицкий передавал ему сведения, а затем Макдональд передал вам деньги и сказал—когда я вам дам указания, каким образом передавать, вы передадите,—а вы получили указания передать деньги Витвицкому?

Гусев. Да, и разрешите добавить—Витвицкий мне сказал, что

Торнтоу ему говорил, что те сведения, которые я ему дам, они могут быть переданы через меня мистеру Макдональду.

Смирнов. Скажите пожалуйста, цех механического завода, на котором вырабатываются снаряды и высокосортная сталь, несомненно засекречен?

Гусев. Здесь нужно разделять: производство высококачественных сталей, в том числе автотракторных рессор, снарядных заготовок и авиационных сталей—на металлургическом заводе. Чисто снарядные же заготовки—на механическом заводе. Все эти производства в части механического завода засекречены. В части металлургического—тоже засекречены.

Смирнов. Вы являетесь начальником электростанции. Какое, собственно говоря, отношение вы как начальник электростанции имеете к этим цехам? Не является ли то, что там делается, секретом и для вас? Не должно ли являться?

Гусев. Я уже говорил, что я объединял не только электростанцию, но и насосную станцию, паровую станцию, воздухоудвную станцию, т. е. всю энергетику этого завода. Таким образом при составлении контрольных цифр, при определении производственной месячной программы, для того чтобы составить баланс энергетики и пара, я должен был знать размеры производства.

Смирнов. Размеры—я допускаю. Но разве для этого нужно знать типы снарядов?

Гусев. Для производственной программы?

Смирнов. Да.

Гусев. Нет, не нужно.

Смирнов. Не нужно. А между тем, вы получали сведения и о типах снарядов?

Гусев. Да, получал.

Смирнов. Иными словами, начальник цеха выдавал вам секрет, который он не имел права вам выдавать.

Гусев. Я был засекреченным сотрудником.

Смирнов. Разве всякий засекреченный сотрудник имеет право знать все секреты, даже те, которые никакого отношения к его функциям не имеют?

Гусев. Я получал такие сведения.

Смирнов. Что значит—получал. Как получали: при соучастии начальника цеха или путем обмана, или каким-нибудь другим путем?

Гусев. Без соучастия.

Смирнов. Каким же образом?

Гусев. Я в некоторых случаях использовал просто доверие начальников цехов, а в некоторых случаях использовал права того, что давало мне засекречивание.

Смирнов. Для того чтобы детально понять тип снаряда, не нужно самому быть специалистом? Что значит тип снаряда? Чертежи и т. д.—вы все это понимаете?

Гусев. Я не могу назвать себя специалистом этого дела.

Смирнов. Вы себя специалистом не считаете. Какие же все-таки сведения вы передавали при таких условиях. В чем они заключались? Что это было: чертежи, наименования?

Гусев. Чертежей там не было. Были наименования.

Смирнов. Только наименования?

Гусев. Наименования и количество выпуска.

Председатель. Наименования и количество вы здесь не оглашайте.

Смирнов. Я больше вопросов не имею.

Председатель. Я обращаю внимание защитника Смирнова на то, что им допущена следующая неверность. Подсудимый Гусев на один из вопросов защитника Смирнова сказал, что Макдональд перед отъездом передал ему 5 000 рублей. Защитник удивленно заметил, что он слышит это впервые и что на предварительном следствии подсудимый Гусев якобы этого не говорил. Я обращаю внимание на то, что в показаниях Гусева от 23 марта, том 3, стр. 73, сказано: «Перед отъездом Макдональд передал мне деньги в сумме 5 000 рублей, сказав при этом, что небольшую сумму из них я могу взять для себя и израсходовать по личному усмотрению для нашего дела. Больше же половины денег я должен сохранить и израсходовать по его указанию, которые получил в дальнейшем».

Смирнов. Я прошу меня извинить. Я понял первоначально так, что эти 5 000 были переданы также для самого Гусева.

Председатель. Есть еще какие-нибудь вопросы у защитников?

Брауде. Скажите, обвиняемый, когда вы слышали от Витвицкого, что он виделся с Торнтоном?

Гусев. Если память мне не изменяет, это был конец июля месяца 1931 года.

Брауде. Конец июля месяца 1931 года, вы к нему приезжали или он к вам?

Гусев. Я приезжал в Чгрэс.

Брауде. По какому вопросу?

Гусев. Сейчас не помню.

Брауде. Вы имели все же служебную командировку или сами уехали по своим делам. Если это была командировка, то кто вас послал?

Гусев. Я затрудняюсь на это ответить.

Брауде. При каких обстоятельствах Витвицкий рассказывал о свидании с Торнтоном, почему он стал об этом рассказывать, имели вы с ним только служебные отношения или знали о соучастии в организации?

Гусев. Я был с Витвицким в дружеских отношениях еще по Златоусту. Он заведывал этой электростанцией в течение 3 1/2 лет, а я работал помощником.

Брауде. В каких-либо контрреволюционных организациях до этого момента состояли?

Гусев. Нет.

Брауде. И до этого момента вы ничего компрометирующего о нем не знали и он о вас не знал?

Гусев. Я знал Витвицкого как человека антисоветски, контрреволюционно настроенного. То же обо мне знал Витвицкий. Этого было достаточно.

Брауде. Этого было достаточно, чтобы рассказать, что он получил

поручение аварийного, диверсионного, вредительского характера—так надо понимать?

Гусев. По-моему, вы говорите больше, чем я сказал.

Брауде. Вы уточните.

Гусев. При свидании Витвицкий сказал мне, что он по предложению Торнтон согласился давать сведения в части работы Челябинской электростанции.

Брауде. Только сведения. Значит я несколько ошибся.

Я вопросов к Гусеву больше не имею. Разрешите задать вопрос Торнтону.

Обвиняемый Торнтон, вы подтверждаете вашу встречу с Витвицким и разговор, о котором здесь упоминает Гусев?

Торнтон. Я был в Челябинске и видел его...

Брауде. Разговоры того характера, о котором говорилось, имели место?

Торнтон. Абсолютно нет.

Брауде. Обвиняемый Гусев показывает, что вы давали указания и поручения вредительского характера. Имело это место или нет? Имели ли вы сведения, что такого рода вредительские действия производятся Гусевым и по чьим заданиям?

Торнтон. Я не знал этого.

Брауде. Вы не знали этого, потому что не давали таких указаний?

Торнтон. Нет.

Брауде. На протяжении следствия где-нибудь, когда-нибудь вы говорили, что знали или поручали делать, или были осведомлены о вредительских актах, или нигде не говорили?

Торнтон. Никогда не говорил.

Брауде. Не говорили. А в этом смысле ваши показания не отличаются от прежних ваших показаний?

Торнтон. Я никогда не говорил, что я давал задания или знал о вредительстве.

Брауде. Вы здесь вначале упомянули о том, что вам было известно, что Гусевым собирается информация для ваших служащих. Уточните, какого рода информация, какие сведения и почему они собирались?

Торнтон. Сведения об электростанциях.

Брауде. О чем именно? Не об окраске и не о внешности ее? Какого порядка сведения?

Торнтон. Работа нашего оборудования. О работе того, что питает наше оборудование, котлы. Что принимает нагрузку от нашего оборудования, т. е. устройство трансформатора. Это нужно было, чтобы, если будет авария с машиной, мы имели достаточно возможности, чтобы определить причины.

Брауде. Кто получал эти сведения?

Торнтон. Я получал от Макдональда.

Брауде. Так что известного рода сведения получали, но они ограничиваются теми, которые сейчас сообщаете?

Торнтон. Да.

Брауде. Деньги передавали вы в аппарат за информацию?

Торнтон. За информацию—нет. Я передавал один раз Макдональду.

Председатель. Я не понимаю характера вопросов подсудимому.

Мы еще не закончили допроса подсудимого Гусева. Мы еще допроса Макдональда и Торнтон не производили. Ваши вопросы касаются Макдональда и Торнтон.

Брауде. В связи с показаниями Гусева, я больше вопросов не имею.

Вышинский. Поскольку здесь затронут вопрос, связанный с Торнтоном, я прошу разрешить мне задать несколько вопросов Торнтону?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, я не совсем уяснил ваш ответ на вопрос защитника Брауде, что же вас Златоуст интересовал или нет?

Торнтон. Интересовал.

Вышинский. Лично вас или как представителя фирмы?

Торнтон. Как представителя фирмы.

Вышинский. Может быть объясните, почему вы на предварительном следствии говорили о том, что вы были мало заинтересованы в Златоусте. Вы говорили так?

Торнтон. Говорил.

Вышинский. Как будто это противоречит одно другому.

Торнтон. Конечно я был больше заинтересован в большой станции.

Вышинский. Я спрашиваю, чем объяснить, что как раз на предварительном следствии вы говорили о том, что в интересах вашей фирмы Златоуст вас мало интересовал?

Торнтон. Разрешите мне говорить через переводчика.

Председатель. Хорошо.

Вышинский. Чем объяснить, что гр. Торнтон на предварительном следствии заявил следующее... Разрешите огласить это место из его показаний: «Я был мало заинтересован в получении сведений из Златоуста».

Торнтон (перевод). Я хочу сказать, что Златоуст представляет сравнительно малый интерес.

Вышинский. Сравнительно с чем? Я интересуюсь сейчас тем, в какой степени те сведения, которые собирал Торнтон о Златоусте, интересовали его и интересовали ли? Тут есть два показания. В одном месте говорится, что интересовали как представителя фирмы, а в другом месте говорится, что мало интересовали как представителя фирмы. Чем это объясняется?

Торнтон (перевод). Такое противоречие есть.

Вышинский. Чем объяснить это противоречие?

Торнтон (перевод). Противоречие в следующем: то, что написано мною, по-русски означает, что я не интересовался совсем Златоустовской станцией.

Вышинский. Вы сказали—мало интересовался.

Торнтон (перевод). На всех станциях фирму интересуют те же сведения.

Вышинский. Я знаю, что те же сведения.

Торнтон (перевод). Так как в Златоусте была только одна маленькая турбогенераторная станция, то меня это интересовало меньше, чем станция большего размера.

Вышинский. Правильно. Значит там была только одна маленькая турбина, поэтому Златоуст интересовал вас меньше, чем другие, так?

Торнтон (перевод). Так.

Вышинский. Тогда к нему следующий вопрос. Дали ли вы Макдональду в связи с получением сведений из Златоуста 11½ тысячи рублей?

Торнтон (перевод). Да. Во время предварительного следствия я не знал точной суммы, но с тех пор я успел эту сумму проверить.

Вышинский. Сколько дали вы денег Макдональду в связи с Златоустом?

Торнтон. Я дал 2 тысячи.

Вышинский. Вы говорили раньше 11½ тысячи, внесем поправку — не 11½ тысячи, а 2 тысячи. Вы дали эти деньги за получение сведений о Златоусте?

Торнтон. Это неправильно. Я говорил при следствии, что это было иначе.

Вышинский. А что же?

Торнтон. Дело было так. Прежде всего это было... (пытается читать по записке).

Вышинский. Не можете ли вы отвечать без записок?

Председатель. Каких записочек?

Вышинский. Торнтон отвечает по запискам.

Председатель. Вопрос не касается цифр, статистики, так что я не знаю, для чего записочки. Вы устали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему вы давали эти деньги, если Златоуст вас не интересовал?

Торнтон. Я Макдональду дал эти деньги для Зуевки.

Вышинский. Тогда я не понимаю, что вы говорили раньше?

Торнтон. Я сказал, что я дал Макдональду 11½ тысячи руб., а я дал 1900 руб. и это я поправил, когда был допрос у помощника прокурора Вышинского. Я дал эти деньги в 1932 году для Зуевки.

Вышинский. Меня это не интересует. Меня интересует нечто другое. Я прочту показания 27 марта. Том 18. На листе дела 338. Вы говорили следующее: «11½ тысячи рублей я дал Макдональду по его требованию. Так как меня как представителя фирмы мало интересовал Златоуст, то я не могу объяснить, зачем понадобилось Макдональду столько денег и куда и на что он их израсходовал».

Это подтверждаете?

Торнтон. Это подтверждаю.

Вышинский. Больше мне ничего не нужно.

Торнтон. Я хотел объяснить это дело более подробно.

Вышинский. Потом вы это будете объяснять более подробно.

Защитник Либсон. Скажите, обвиняемый Гусев, по своей служебной работе в Златоусте вы как-нибудь были связаны с Зуевкой и знали ли кого-нибудь из инженерного персонала, работавшего в Зуевке?

Гусев. Нет.

Либсон. Стало быть вы приезжали туда только по вызову Макдональда?

Гусев. Да.

Либсон. Сколько времени пробыли вы в Зуевке?

Гусев. Дня 4.

Либсон. За эти 4 дня кроме тех лиц, которых вы перечислили, с кем-нибудь вы сталкивались?

Гусев. То есть как это сталкивался?

Либсон. Встречались ли? Беседовали ли?

Гусев. Я встречался с Рябовой и больше не припомню, чтобы я встречался в том смысле, как очевидно вы это понимаете.

Либсон. Значит, вы добавляете только фамилию Рябовой. Вы уже указывали, что встретили там Макдональда, Торнтона и еще одного инженера, фамилию которого вы не назвали, который сидел за столиком на станции.

Теперь такой вопрос: когда вы, получив записку на Зуевке, должны были в Москве зайти в московскую контору, с кем вы виделись в Москве? Ведь вы были в Москве?

Гусев. Нет, я проезжал через Москву, но в представительство не заходил.

Либсон. Когда возникли ваши взаимоотношения с Макдональдом, личные взаимоотношения, то не предлагались ли вам вначале эти деньги заимообразно?

Гусев. Не помню этого.

Либсон. А установились ли у вас личные дружеские взаимоотношения с Макдональдом?

Гусев. Были.

Либсон. Кто был инициатором этого сближения?

Гусев. На мой взгляд мистер Макдональд.

Либсон. У меня больше вопросов нет.

Коммодов. У меня есть вопрос к Кутузовой (к Кутузовой). Вам известно было содержание посылки, которую вы отправили от имени Ивановой?

Кутузова. В свое время было известно, но сейчас я не помню. Я только знаю, что это были продукты—масло, и другие продукты, точно не помню.

Коммодов. Я больше вопросов не имею.

Председатель. У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Обвиняемый Гусев, защитника Смирнова интересуют некоторые вопросы, связанные с вашим отношением к Витвицкому. Вызывал некоторое недоумение вопрос: почему вы ему сообщали данные, которые в пределах вашей контрреволюционной работы имели конспиративный характер, чем это вызвано? Вы сказали—вашими дружескими отношениями, благодаря которым вы могли быть с ним откровенны. И дальше вы сказали—я знал, что его настроения такие же, как мои.

Гусев. Да.

Вышинский. Только ли об антисоветских настроениях вам было известно или может быть вам было известно о его некоторых антисоветских действиях?

Гусев. Я знал, что он был во вредительской организации.

Вышинский. Ну, а раньше? Вам известно было, например, его участие в кронштадтских событиях?

Гусев. Да, я знал.

Вышинский. Что вы знали?

Гусев. Что он участвовал в Кронштадтском мятеже.

Вышинский. В каком—белогвардейском?

Гусев. Да, белогвардейском.

Вышинский. Это давало вам право считать его своим братом?

Гусев. Я говорил об этом и опять подтверждаю: когда мы делились такими сведениями, то наша взаимная осведомленность друг о друге исключала всякую возможность опасения и боязни.

Вышинский. Здесь речь шла не только о настроениях, а о большем?

Гусев. Мы имели совершенно определенное представление друг о друге.

Вышинский. С какого года вы его знаете?

Гусев. Я с ним познакомился в первый раз примерно в 1925 году.

Вышинский. Значит знакомы несколько лет.

Гусев. С 1925 или 1924 года.

Вышинский. Прекрасно. Второй вопрос. Располагал ли Макдональд личными средствами в таком объеме и размерах, чтобы ему можно было дать вам 5 000 руб. перед отъездом из Златоуста? Мне не совсем ясно, почему ставится вопрос о личных средствах Макдональда. Он говорил вам, что дает из личных средств?

Гусев. Я сказал уже, что мне происхождение этих денег неизвестно.

Вышинский. За что давал?

Гусев. За передачу ему шпионских сведений и в дальнейшем за совершение аварий.

Вышинский. Воображали ли вы, что вы все это совершаете в личных интересах Макдональда?

Гусев. Безусловно нет.

Вышинский. Следовательно уместно ли вообще ставить в данном случае вопрос о личных средствах Макдональда?

Гусев. Я бы считал, что безусловно неуместно, но наши положения слишком разнятся: защитник и подсудимый. Мне можно ставить вопрос, как угодно, и я должен отвечать. Но если бы я мог ставить вопросы, то я нашел бы вопросы, какие поставить (смех).

Рогинский. Вопрос к подсудимому Гусеву, связанный с вопросом, поставленным ему защитником Смирновым. Вы по своей должности начальника электростанции имели свободный доступ на металлургический завод?

Гусев. У меня был пропуск, в котором было сказано: во все цеха, во всякое время дня и ночи, во все проходные и непроходные ворота.

Рогинский. Следовательно на металлургический завод вы имели совершенно свободный доступ во все цеха, засекреченные и незасекреченные?

Гусев. Да.

Рогинский. А на механический завод?

Гусев. Я не имел постоянного пропуска.

Рогинский. Но доступ?

Гусев. Доступ мне был обеспечен каждый отдельный раз.

Рогинский. В том числе и в засекреченные цеха механического завода?

Гусев. Да.

Председатель. У защиты будут вопросы?

Смирнов. Когда вы получали деньги от Макдональда, вам было ясно, что он дает вам деньги не из своих личных средств, или вам это не было ясно? Ответьте коротко.

Гусев. Разрешите мне ответить так, как я могу. В момент, когда я согласился давать сведения о работе завода, мне было заявлено, что эта работа будет оплачиваться. Затем, я могу сказать, что я получал деньги, а из каких средств эти деньги мне давались, спросите мистера Макдональда.

Я не могу вам этого сказать. Как я могу сказать, откуда он брал деньги?

Смирнов. Вы считали вопрос неясным, из каких средств давались деньги?

Гусев. Я точно не знаю и могу делать только предположения. Ему как инженеру не нужны сведения, которые я ему давал.

Смирнов. Значит для вас это был тоже вопрос, откуда эти деньги берутся?

Гусев. Значит надо делать вывод, что это не личные деньги, но это мои предположения.

Смирнов. Вы не уверены?

Гусев. Не уверен.

Председатель. У обвинения нет больше вопросов?

Прокуроры. Нет.

Председатель. У защиты нет вопросов к подсудимому?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых нет вопросов?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Регламент устанавливается следующий: заседание начинается с 10 часов, перерыв на обед с 15 до 18 часов и конец в 22 часа.

Сейчас 22 часа. Объявляю заседание закрытым до 10 часов утра 13 апреля 1933 года.

Председатель Специального присутствия

Верхсуда СССР (В. Ульрих)

Секретарь (Костюшко)

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 13 апреля 1933 г. 11 час. 15 мин.

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание продолжается.

Подсудимый Соколов, расскажите пожалуйста в самом кратком виде вашу биографию, основные моменты.

Соколов. Родился я в 1899 году 1 января в селе Остыне Бийского района, в семье сапожника, кустара-одиначки. До 14 лет я жил в селе Остыне, в семье своего отца. Учился в начальной школе, затем учился в городском училище. Хорошие успехи по математике и склонность к математическим наукам...

Местные учителя предложили моему отцу дать мне возможность учиться дальше, но не имея средств содержать меня в городе, в котором есть строительное учебное заведение, отец вынужден был переехать в Златоуст. В 1914 году в июле месяце, 10 июля наша семья переехала в Златоуст. В августе месяце я поступил учиться в Златоустовское среднее механико-техническое училище, которое мною было окончено в 1918 году. Затем в это же самое время, пока я учился в техническом училище, вечером я вынужден был работать на Златоустовском механическом заводе, так как средств к существованию семьи было недостаточно. Отец часто болел. Работал я сначала в модельном цехе на моделях, потом на присадке шансового инструмента, затем перешел в оружейную фабрику Златоустовского механического завода и работал до дня мобилизации в белую армию. Тогда еще белой армии как таковой не было. Был только приказ о мобилизации интеллигенции.

Вышинский. Чей приказ?

Соколов. Кажется генерала Болдырева. Это было 8 или 9. Был первый приказ о мобилизации интеллигенции. Нас также мобилизовали—учащихся, не окончивших учебное заведение. Была организована городская рота, которая несла охранную службу в городе. При общей мобилизации городская рота была началом организации 22-го Златоустовского полка и в дальнейшем городская рота была переименована в учебную команду 22-го Златоустовского полка. В этой учебной команде я и служил в белой армии.

Председатель. По какому признаку была организована учебная команда?

Соколов. По образованию. Все люди, имеющие образование, были в учебной команде, потом, когда начали формировать полк, чтобы дополнить до полной численности, данная команда была также влита в состав полка. Затем я участвовал в походах.

Председатель. Кого-нибудь из подсудимых по данному делу в 22-м полку встречали?

Соколов. Встречал Гусева в этой же учебной команде.

Председатель. В этой же учебной команде?

Соколов. Участвовал в походах белой армии, действующей против Красной армии. Службу в белой армии я проходил в чине рядового, так как от военной школы я постарался отделаться. Уклонялся я всяческими способами, чтобы не попасть в военную школу, как и многие из моих товарищей, которые также этого достигли. В белой армии я пробыл до декабря 1919 года.

В декабре месяце, по занятии г. Томска красными войсками, после регистрации оставшихся белых, я был направлен в ирбитский госпиталь в качестве санитаря, как переболевший сыпным и возвратным тифами. В должности санитаря я пробыл примерно 3 недели. После этого, это было в первых числах января 1920 года, был набор в военные школы. Я изъявил желание пойти в военную школу. Был направлен в радиодивизион при 3-й радиобазе. В 1920 году в апреле месяце досрочно окончил радиошколу по классу электромеханики. После окончания по разверстке как техник был направлен на работу в радиотелеграфную мастерскую. В радиотелеграфной мастерской сначала работал на сборке двигателей внутреннего сгорания, затем изъявил желание работать в электроотделе. Моя просьба была удовлетворена командиром дивизиона, меня перевели в электротехнический отдел. Здесь я начал специализироваться по электротехнике. В радиотелеграфной мастерской в должности младшего командира, приравняемой к командиру взвода, я работал по ремонту электрической части радиостанций и по монтажу вновь строящихся и ремонтируемых радиостанций.

В 1923 году, когда кончилась гражданская война, радиобаза по своей численности начала свертываться, начала свертываться и радиотелеграфная мастерская. Я был переброшен в полк связи на должность начальника учебно-ремонтной мастерской, на должность помощника командира роты. В этой должности я пробыл до 1924 года октября месяца. Затем был демобилизован. После демобилизации в 1924 году я начал работать сначала электромонтером для того, чтобы изучить более глубоко данную специальность. Работал на государственных мельницах в г. Томске, мельницах №№ 1 и 2 до февраля месяца. По окончании монтажных и ремонтных работ на государственных мельницах я получил расчет. Поступил на учет биржи труда. Но состоя в дальней очереди на получение работы, я решил поехать в г. Златоуст. Приехав в г. Златоуст в 1925 году 8 марта, я поступил работать в качестве нормировщика пока временно на Златоустовский механический завод. Затем в июле месяце 1925 года я получил перевод по специальности в качестве мастера на электростанцию Златоустовского металлургического завода по электрической части. В этой должности я проработал до весны 1929 года. Затем был назначен помощником начальника по электрической части Златоустовской электростанции. В этой должности я работал до мая месяца 1932 года.

Председатель. Помощником Гусева?

Соколов. Да.

В 1932 году в мае месяце я был назначен помощником главного

механика по электрической части или, как числился по должности, главным электриком Златоустовского металлургического завода. Официально по штату Спецстали таковой должности нет, есть помощник механика по электрической части, но во всяком случае я возглавлял электрическую часть металлургического завода. В этой должности я работал по день ареста.

Председатель. Какой оклад получали в последнее время?

Соколов. 700 рублей.

Председатель. Когда и при каких условиях вы стали заниматься вредительством и шпионажем?

Соколов. Самая первая моя вредительская работа относится к 1927 году, но эта работа не имела связи с организацией — я не знал о существовании какой-либо организации. Мною были задержаны две работы на электростанции. Это было с Витвицким. Я не знал о существовании организации, и я ни в какой организации не состоял.

В 1930 году, примерно в июне или в июле месяце, я связался с монтером английской фирмы — Макдональдом при содействии начальника силовой станции Гусева. К этому моменту относится начало контрреволюционной работы, с этого времени я числился членом контрреволюционной организации.

Вышинский. Вы сейчас, подсудимый Соколов, сказали «к этому моменту относится начало контрреволюционной работы». Это какой момент?

Соколов. Момент моей связи с английским монтажным инженером Макдональдом.

Вышинский. Следовательно вы рассматриваете всю свою деятельность до 1930 года не как контрреволюционную деятельность?

Соколов. Это контрреволюционная деятельность, но я не состоял в контрреволюционной организации и не знал о существовании ее.

Вышинский. Давайте уточнять.

Первый вопрос. У вас было очевидно несколько периодов. Первый период, когда вы служили в белой армии, занимали известную должность в учебной команде, участвовали в боях против большевиков. Этот период начался с момента Октябрьской революции. Когда закончился этот период, в каком году?

Соколов. В вооруженных схватках я не участвовал, в боях участия не принимал.

Вышинский. Но вы участвовали в белой армии?

Соколов. Участвовал.

Вышинский. Она была вооружена?

Соколов. Была вооружена.

Вышинский. Белая армия только смотрела на большевиков или дралась с ними?

Соколов. Дралась.

Вышинский. Вы были в рядах белой армии?

Соколов. Был.

Вышинский. Вы участвовали в белой армии, носили оружие, которое присвоено белой армией.

Соколов. Да.

Вышинский. Значит я в праве говорить о том, что вы активно, с оружием в руках, противостояли Красной армии?

Соколов. Да.

Вышинский. Пришлось ли вам участвовать в том или ином бою—это вопрос особый. Вы отвечаете на него отрицательно.

Соколов. Не пришлось.

Вышинский. Сколько времени вы были в белой армии?

Соколов. С июня 1918 года по декабрь 1919 года.

Вышинский. Почти 1½ года и за это время вы были в резервной или арьергардной частях, или же в действующей армии?

Соколов. В действующей части.

Вышинский. В какой именно?

Соколов. В 22-м Златоустовском пехотном полку.

Вышинский. В качестве кого?

Соколов. В качестве рядового учебной команды.

Вышинский. В учебную команду обыкновенно набираются лучшие из рядового состава?

Соколов. Да.

Вышинский. Наиболее надежные, не только более грамотные, но наиболее твердые, те, на кого можно положиться?

Соколов. Да.

Вышинский. И там же находился Гусев?

Соколов. Да.

Вышинский. 22-й Златоустовский полк в боях участвовал?

Соколов. Да.

Вышинский. Как же могло получиться—22-й полк в боях участвовал, а в это время команда, состоящая из наиболее надежных крепких людей, не участвовала. Здесь может быть только один ответ—или эта часть в боях участвовала, или же она предназначалась для других операций, внутреннего порядка?

Соколов. Когда Златоустовский полк вышел на фронт, стал лицом к лицу с Красной армией, я, будучи настроен...

Вышинский. Учебная команда на фронте в боях участвовала?

Соколов. Да.

Вышинский. А вы?

Соколов. Мне не пришлось.

Вышинский. А Гусеву?

Соколов. Не знаю, тогда его уже не было.

Вышинский. Когда дело дошло до боев, то Гусева уже не было?

Соколов. Не было.

Вышинский. И вас не было?

Соколов. Я постарался уйти с фронта—я сделал искусственное ранение левой ноги и эвакуировался с фронта.

Вышинский. Почему?

Соколов. Потому что был виден развал армии, возврат армии к старым порядкам. Новые пополнения, главным образом алтайские и акмолинские, нам рассказывали о том, что творится в Сибири.

Вышинский. Это был момент деморализации белой армии, и вы постарались дезертировать в тот момент, когда армия начала разлагаться?

Соколов. Да.

Вышинский. А до этого? Пока армия была крепкой, вы были в ее рядах, и попыток уйти у вас не было?

Соколов. Так точно.

Вышинский. Это был декабрь 1919 года?

Соколов. Да.

Вышинский. Что за этим последовало?

Соколов. За этим последовала моя служба в Красной армии.

Вышинский. Вы поступили по призыву?

Соколов. По призыву.

Вышинский. И служили в Красной армии до 1924 года?

Соколов. Да.

Вышинский. Где вы служили в Красной армии?

Соколов. Я служил сначала в санитарном госпитале.

Вышинский. Почему вы туда попали?

Соколов. Я был слаб, получил маршрут в выздоравливающую команду. Так как я переболел сыпным и возвратным тифом, то по общей разверстке я попал в санитары.

Вышинский. Разве в санитары попадают те, которые болели тифом?

Соколов. Я был очень слаб.

Вышинский. А вы сами не стремились туда попасть?

Соколов. Такого стремления у меня не было.

Вышинский. Сколько времени вы там служили?

Соколов. Около 3 недель.

Вышинский. В это время вы где находились?

Соколов. В г. Томске в Вербицком госпитале. В первых числах января я был направлен в военную школу в Томске, в радиодивизион. Радиошколу кончил в апреле месяце. По раскомандировке я был направлен на работу в радиотелеграфную мастерскую как техник.

Вышинский. В то время, когда вы находились в Красной армии с 1920 по 1924 год, части, где вы находились, бывали в боях?

Соколов. Часть в боях не была.

Вышинский. Следовательно и вам не пришлось.

Соколов. Да, и мне не пришлось.

Вышинский. Где был Гусев в это время?

Соколов. Не знаю.

Вышинский. А в автоброневом дивизионе вы не служили? И с Гусевым не встречались?

Соколов. Нет.

Вышинский. Когда вы с ним встретились в первый раз?

Соколов. В 1925 году в Златоусте.

Вышинский. В качестве кого он тогда работал и в качестве кого были вы?

Соколов. Я был в качестве мастера на силовой станции. Он был в качестве помощника начальника. До этого я встречался с ним, когда работал на механическом заводе в качестве нормировщика.

Вышинский. В этот период времени в чем-нибудь выражалась ваша контрреволюционная деятельность?

Соколов. В этот период времени у меня контрреволюционной деятельности еще не было.

Вышинский. Значит после 1920 года перерыв. Так?

Соколов. Да.

Вышинский. И по какой год?

Соколов. До 1927 года.

Вышинский. Следовательно второй период вашей контрреволюционной деятельности начинается с 1927 года? Правильно?

Соколов. Да.

Вышинский. Почему, при каких обстоятельствах вы начали свою контрреволюционную деятельность в этот период и в чем она выражалась?

Соколов. Я не был настроен советски. Иначе говоря, был настроен антисоветски. Я задержал на электростанции ряд работ.

Вышинский. По собственному почину?

Соколов. Нет.

Вышинский. Нет? А по чьему?

Соколов. Мне было предложено бывш. начальником электростанции Витвицким.

Вышинский. Следовательно этот второй период вашей контрреволюционной деятельности уже связывает вас с Витвицким?

Соколов. Да.

Вышинский. Вы действовали в одиночку с Витвицким или же были еще другие лица?

Соколов. Больше я ни о ком не знаю.

Вышинский. Вас было двое?

Соколов. Да. Мне известно только двое.

Вышинский. Витвицкий вам дает поручения, или вы сами выполняете те или иные акты без предварительного поручения Витвицкого?

Соколов. Витвицкий сказал мне, что нужно задержать такую-то и такую-то работу.

Вышинский. Почему он вам это сказал?

Соколов. Он знал мои антисоветские настроения.

Вышинский. Откуда он знал?

Соколов. Наши частые разговоры в кабинете.

Вышинский. Сколько времени вы были с ним знакомы?

Соколов. С момента поступления его на электростанцию. Примерно с конца 1926 года. Приблизительно около года.

Вышинский. И в результате ваших разговоров с Витвицким он, распознавши в вас подходящего человека, указал вам на необходимость совершать... что?

Соколов. Совершать вредительские акты.

Вышинский. Каким образом?

Соколов. Путем задержки ряда работ.

Вышинский. Какие же работы были вами задержаны?

Соколов. Мною была задержана работа по включению передаточных трансформаторов на станции, перевод на побочное возбуждение турбогенератора Вестингауза и незначительная задержка турбины Целли.

Вышинский. Все это вы делали с ведома, а может быть по предложению Витвицкого?

Соколов. По предложению Витвицкого.

Вышинский. Вы сразу приняли это предложение?

Соколов. Нет, не сразу.

Вышинский. Почему не сразу?

Соколов. Потому что я считал, что это дело будет раскрыто.

Вышинский. Вы опасались, что дело будет раскрыто?

Соколов. Я боялся этого, но Витвицкий принял по отношению ко мне репрессивные меры.

Вышинский. Какие меры?

Соколов. Он выселил меня с квартиры, которая мной занималась, поселился в ней сам, а меня выселил на квартиру, находящуюся на болоте.

Вышинский. И это заставило вас слушаться его указаний?

Соколов. Да.

Вышинский. Когда вы стали слушаться его указаний, ваше положение окрепло?

Соколов. Да, его отношение стало лучше.

Вышинский. А квартира-то уплыла?

Соколов. Вопрос с квартирой был разрешен потом при помощи Гусева.

Вышинский. Значит квартира была восстановлена?

Соколов. Да.

Вышинский. Эта или другая?

Соколов. Нет, другая.

Вышинский. Гусев помог это устроить?

Соколов. Да, я просил его.

Вышинский. Значит не будь нажима Витвицкого, вы сохраняли бы свою нейтральную позицию?

Соколов. Да.

Вышинский. Вы прямо это относите за счет активности Витвицкого?

Соколов. Да, на счет активности Витвицкого.

Вышинский. В течение какого времени эти акты совершались?

Соколов. В 1927 году.

Вышинский. В течение одного года?

Соколов. Как будто в один год, я точно не помню. Эти акты следовали один за другим.

Вышинский. А в 1928 году?

Соколов. Может быть в 1928 году. Как будто вывод турбины был в 1928 году, точно даты не помню.

Вышинский. Значит 1927 — 1928 годы отмечены такими действиями?

Соколов. Да.

Вышинский. А 1929 год?

Соколов. Никаких контрреволюционных действий не совершал.

Вышинский. Не совершали. А после перерыва в 1929 году что наступило?

Соколов. После перерыва 1929 года наступила пассивность: я не принимал участия в контрреволюционной деятельности до 1930 года, примерно до июня или июля месяца, до момента моей связи с английским монтажным инженером Макдональдом.

Вышинский. Имели ли вы связь с Гусевым до установления связи с английским монтажным инженером Макдональдом?

Соколов. С Гусевым я всегда имел связь.

Вышинский. А может быть Гусев сыграл известную роль раньше, чем Макдональд, или оба вместе?

Соколов. Гусев был настроен антисоветски и я тоже. Мы один другого вполне понимали, но вредительскими актами и контрреволюционной деятельностью, как мне известно, по крайней мере тогда мы не занимались.

Вышинский. А кто вас познакомил с Макдональдом?

Соколов. В связь с Макдональдом я вошел через посредство Гусева.

Вышинский. Сначала все-таки Гусев или сначала Макдональд?

Соколов. Я познакомился через Гусева. Когда Макдональд пришел на электростанцию в конце 1929, в начале 1930 года, меня Гусев представил Макдональду.

Вышинский. Как он вас представил?

Соколов. Он сказал — мой помощник по электрической части.

Вышинский. По электрической или вредительской?

Соколов. По электрической. Помощник, с которым вам придется иметь дело. Это было в служебном кабинете.

Вышинский. А он не сказал, что это мой помощник по вредительской части?

Соколов. По электрической части.

Вышинский. В это время вы были связаны с Гусевым по контрреволюционным вождениям?

Соколов. Я деятельности Гусева в части контрреволюционной работы не знал.

Вышинский. В какое время?

Соколов. До 1930 года.

Вышинский. А в 1930 году узнали?

Соколов. Да, узнал в 1930 году.

Вышинский. При каких обстоятельствах?

Соколов. Это вышло следующим образом. Когда я познакомился с Макдональдом, Гусев меня в дальнейшем рекомендовал Макдональду как человека, антисоветски настроенного. Макдональд этим воспользовался и начал со мной вести более откровенные антисоветские разговоры, говоря, что вы очень плохо живете, технический персонал слишком плохо оплачивается, плохо питается, ваше материальное положение слишком плохое. Жизненный уровень ваших рабочих очень низок. Все то строительство, которое вы затеяли, оно ни к чему.

Вышинский. Это обыкновенные антисоветские разговорчики. К чему привели эти разговорчики?

Соколов. Эти разговоры укрепили во мне бывшие до этого антисоветские настроения. Дальнейшее сближение мое с Макдональдом произошло у него на квартире, примерно в июне или в июле месяце. В это время еще не было передо мной поставлено каких-либо вопросов контрреволюционного порядка. Были только просто антисоветские разговоры.

Вышинский. Значит вы относите этот новый период вашей антисоветской деятельности к моменту, когда вас с Макдональдом познакомил Гусев, рекомендовал вас как антисоветского человека и когда Макдональд сделал вам ряд каких-то предложений?

Соколов. Тогда еще не сделал мне предложений, до посещения его

квартиры. Только после посещения его квартиры были сделаны предложения.

Вышинский. Скажите, это посещение квартиры было днем или вечером и при каких обстоятельствах?

Соколов. Вечером.

Вышинский. Что это было — заседание?

Соколов. Просто была выпивка. Чай, выпивка и закуска.

Вышинский. Что же он часто практиковал выпивки, или это был единственный случай?

Соколов. Нет, не единственный.

Вышинский. Он охотник выпить?

Соколов. Да, это было часто.

Вышинский. Он в одиночку выпивал или собирал инженеров?

Соколов. Было собрание инженеров.

Вышинский. Кроме вас кто там был?

Соколов. Был я, Гусев.

Вышинский. Словом, своя публика?

Соколов. Да.

Вышинский. Как же проходил ваш вечер. Пили, провозглашали какие-нибудь тосты?

Соколов. Да.

Вышинский. Макдональд какой тост провозгласил?

Соколов. Гусев сказал: «За пятилетку в 4 года», а Макдональд сказал: «За пятилетку в 10 лет».

Вышинский. А почему Гусев провозгласил тост «за пятилетку в 4 года»?

Соколов. Это было сказано с сарказмом.

Вышинский. А Макдональд тоже сказал с сарказмом?

Соколов. Да, сказал с сарказмом и иронией.

Вышинский. Там сарказм, здесь ирония, а в общем антисоветская выпивка?

Соколов. Я поддержал это дело.

Вышинский. Какие были там разговоры?

Соколов. На отвлеченные темы.

Вышинский. О том, как вредить?

Соколов. На этом вечере этого разговора не было.

Вышинский. А какие были разговоры? Что значит—отвлеченные?

Соколов. Антисоветские разговоры общего порядка.

Вышинский. Отвлеченные разговоры о советской власти?

Соколов. Да, о советской власти, но конкретного разрешения каких-либо вопросов на этой вечеринке не было.

Вышинский. А были разговоры например о том, что некоторые капиталистические страны и некоторые капиталистические круги замышляют интервенцию и прочее, или этих разговоров не было?

Соколов. Я не помню этих разговоров.

Вышинский. Может быть вам напомнить? Разрешите?

В томе XVI дела на листе 38 говорится следующее: «Разговоры носили явно антисоветский характер». Вы это подтверждаете? Затем: «Гусев произнес тост за пятилетку в 4 года... Макдональд поправил: За пятилетку в 10 лет. Кроме того снова говорил о том, что все-таки

Советский союз не освободится от иностранной зависимости, не наладит своего производства машин и т. д.».

Соколов. Правильно, это было.

Вышинский. А об интервенции не было разговора?

Соколов. Нет.

Вышинский. А может быть позже был?

Соколов. Был. Это было при обсуждении мною и Гусевым плана вредительской деятельности.

Вышинский. Что же там говорилось по этому поводу?

Соколов. Говорилось то, что в случае затруднений Советского союза, в случае интервенции нам необходимо каким-то путем приготовиться к этому делу, и был выработан план вредительства—нарушение нормального электроснабжения Златоустовских заводов—вывести станцию из строя.

Вышинский. Этот разговор был на вечеринке или после вечеринки?

Соколов. Это было после вечеринки.

Вышинский. Следовательно здесь выпивки не было?

Соколов. Нет.

Вышинский. Все это происходило в трезвом состоянии?

Соколов. В трезвом состоянии.

Вышинский. Вот этот разговор об интервенции, о том, что для подготовки интервенции необходим подрыв работы заводов с целью ослабления экономической мощности Советского союза, кто эти разговоры вел?

Соколов. Эти разговоры вел я и вел Гусев.

Вышинский. А Макдональд?

Соколов. С Макдональдом также был разговор.

Вышинский. Какой смысл был этого вашего разговора с Гусевым?

Соколов. Смысл был тот, чтобы выполнять те инструкции и задания, которые нам дал Макдональд.

Вышинский. А какие задания вам давал Макдональд?

Соколов. Совершение аварий, диверсионных актов и дача сведений шпионского порядка.

Вышинский. Значит совершение аварий и диверсионные акты, с одной стороны, и с другой стороны, получение шпионских сведений. Это чье было задание?

Соколов. Макдональда.

Вышинский. Это задание он вам дал наедине или в присутствии Гусева?

Соколов. Было так: Макдональд от меня лично получил сведения о количестве рабочих на Златоустовском металлургическом заводе, затем о выработке высококачественных сталей—авто, авиационной, шарикоподшипниковой и инструментальной сталей.

Вышинский. А насчет болванок вы сведения давали?

Соколов. Макдональду лично не давал.

Вышинский. А кому?

Соколов. Я давал через Гусева.

Вышинский. Почему?

Соколов. Получилось так. Макдональд сказал—вы будете давать

сведения, какие мне потребуются, через Гусева. Я согласился и в дальнейшем уже работал в контакте с Гусевым.

Вышинский. Эти задания вам давал Макдональд или Гусев?

Соколов. По первым двум вопросам—о количестве рабочих и о высококачественных сталях—я дал сведения непосредственно Макдональду.

Вышинский. Задания, которые вам дал Макдональд о том, чтобы совершать аварии, диверсионные акты, и сообщать те сведения, которые вы доставали, вами были получены лично от Макдональда или через Гусева?

Соколов. Я получал от Гусева, но знал, что от Макдональда.

Вышинский. А Макдональд не давал такого рода задания?

Соколов. Макдональд говорил, что на вас с Гусевым возлагается совершение аварий и диверсионных актов, обо всем этом вы договоритесь с Гусевым.

Вышинский. Разрешите по этому поводу спросить Гусева?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Гусев, вы следите за допросом?

Гусев. Да.

Вышинский. Вы слышали, что говорил подсудимый Соколов относительно дачи задания по поводу аварий, диверсионных актов и собирания шпионских сведений?

Гусев. Да.

Вышинский. Что можете сказать?

Гусев. Я не знаю содержания разговора между инженером Макдональдом и Соколовым, я могу только сказать, что после того как общий план был намечен, был разговор с инженером Макдональдом и последний мне сказал, что Соколов может быть использован для выполнения этого плана, т. е. для проведения аварии.

Вышинский. Вы с Соколовым говорили о том, что у Макдональда есть какая-то установка, какое-то задание?

Гусев. Впоследствии я такие разговоры вел с Соколовым.

Вышинский. Прекрасно. Теперь позвольте задать вопрос подсудимому Макдональду.

Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Соколова?

Макдональд. Слышал.

Вышинский. Что скажете по поводу показаний Соколова, где говорилось, что вы давали задания о производстве аварий, диверсионных актов и собирании шпионских сведений?

Макдональд. Кому?

Вышинский. Соколову и Гусеву?

Макдональд. Нет.

Вышинский. А кому давали?

Макдональд. С Гусевым имел дело.

Вышинский. Значит это говорили Гусеву?

Макдональд. Да.

Вышинский. Следовательно ваши показания на предварительном следствии, где вы показывали таким образом, вы здесь подтверждаете?

Макдональд. Я не понимаю.

Вышинский. Вас спрашивал следователь на предварительном след-

ствии, давали ли вы Гусеву поручения относительно производства аварий и собирания шпионских сведений?

Макдональд. Может быть можно через переводчика?

Вышинский. Позвольте сделать иначе, огласить показания Макдональда, которые переведет переводчик и Макдональд ответит так или нет?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. На листе 205, том XIX, апреля 2 дня 1933 года следователь по важнейшим делам Шейн допрашивал Макдональда, который показал: «В дополнение к ранее данным показаниям сообщаю: я подтверждаю, что в конце 1930 года при разговоре с Соколовым я, не давая ему конкретного задания по порче оборудования, сказал, что на него и Гусева возлагается выведение из строя завода и что он, Соколов, должен по этому вопросу договориться непосредственно с Гусевым».

Макдональд (перевод). Что вы имели в виду, говоря, что на Соколова возлагается проведение работы по порче оборудования?

Вышинский (читает русский текст того же показания). Говорили ли вы это и подтверждаете ли данные вами показания?

Макдональд (перевод). Я не давал Соколову указаний подобного характера.

Вышинский. А почему вы так показали на предварительном следствии?

Макдональд (перевод). Потому что считал удобным сделать подобное заявление при тогдашних обстоятельствах.

Вышинский. А когда был этот допрос?

Макдональд (перевод). Не помню числа.

Вышинский. На каком языке вы давали показания—на русском, или английском?

Макдональд (перевод). Показания были записаны следователем по-русски, а затем они были переведены на английский.

Вышинский. Не вы их перевели на английский язык?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский (к суду). Я прошу разрешить предъявить Макдональду подлинное дело, вызвав его сюда. На 204 листе, том XIX имеется подлинный протокол собственных показаний Макдональда. В этом протоколе на левой стороне листа имеется собственноручная подпись Макдональда. Его ли это рука или нет? Показания даны на допросе в прокуратуре, а не в ГПУ.

Председатель (к Макдональду). Пожалуйста сюда. (Макдональд подходит к столу Специального присутствия.)

Показания на 204 стр. написаны вами собственноручно?

Вышинский (к Макдональду). Прочтите пожалуйста.

Макдональд. Да, я это подписал.

Вышинский. При каких условиях, почему вы подписали это?

Макдональд. Я считал это удобным при этих условиях.

Вышинский. При каких же «этих» условиях? К вам применяли какие-нибудь особые методы?

Макдональд. Нет.

Вышинский. Вас заставили насильственно это сделать?

Макдональд. Нет, но я подписал потому, что это был не открытый суд.

Вышинский. Вас вынудили к этому?

Макдональд. Вначале я отказался от этого.

Вышинский. Где?

Макдональд. У следователя, когда следователь сказал: подпишите, я сказал—нет. Но он не разрешил сделать иначе.

Вышинский. Он вас заставил?

Макдональд (молчит).

Председатель. Оглашается протокол допроса обвиняемого Макдональда, произведенного следователем прокуратуры республики 2 апреля, написанный собственноручно Макдональдом на английском языке.

(К переводчику.) Огласите пожалуйста на английском языке показания Макдональда. (Показания оглашаются.)

Переводчик (читает по-английски полный текст показаний Макдональда).

«В добавление к показаниям, которые я дал раньше, я констатирую следующее:

Я подтверждаю, что в моем разговоре с Соколовым в конце 1930 года я дал ему определенные задания о порче оборудования, но я при этом сказал ему, что он и Гусев должны взять на себя задачу вывести из строя завод и что он (Соколов) должен договориться непосредственно с Гусевым. Кроме этого я сказал Соколову, что за эту работу он должен получить денежное вознаграждение.

Гусев сообщил мне, что он вывел из строя мотор в 1 400 л. с.». 2 апреля 1933 г.

В. Л. Макдональд

Председатель. И есть подпись и дата?

Переводчик. Есть подпись и дата 2 апреля 1933 года.

Председатель. То есть всего 10 дней тому назад.

Вышинский. Я хочу зафиксировать несколько моментов. Я прошу суд обратить внимание на следующие моменты: 1) допрос, о котором шла речь, происходил 2 апреля и был произведен следователем по важнейшим делам при прокуратуре республики. На правой стороне, на листе 204 содержится собственноручно Макдональдом сделанный перевод показаний, данных им устно на русском языке и также скрепленных его собственной подписью, в которых был удостоверен ряд фактов, здесь сейчас оглашенных; 2) Макдональд заявил, что при тех обстоятельствах он считал нужным так сказать и 3) на мой вопрос, были ли применены к нему какие-нибудь особые методы, заставляющие дать такое показание, он ответил отрицательно.

Сейчас я хотел бы задать еще один вопрос Макдональду. Подсудимый Макдональд, вы кому-нибудь после 2 апреля заявляли о том, что это ваше показание не соответствует действительности или никому не сделали такого заявления.

Макдональд (перевод). Не сделал такого заявления.

Вышинский. По окончании предварительного следствия получили ли вы протокол обвинительного заключения от прокурора республики

было ли вам в то же самое время согласно закона предложено сделать то или иное заявление, если вы считали это нужным по поводу процедуры предварительного следствия?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Вам указали, что вы имеете право заявить всякие претензии в связи с предварительным следствием. Делали ли вы кому-нибудь заявление о том, что ваше показание не соответствует действительности?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. А почему вы этого не сделали?

Макдональд (перевод). Не хотел заявлять об этом кому бы то ни было.

Вышинский. Почему вы не хотели сделать заявление, которое вы сейчас делаете?

Макдональд (перевод). Я не хочу дискуссировать по этому вопросу.

Вышинский. Вы понимаете значение того показания?

Макдональд (перевод). Понимаю.

Вышинский. Может быть вы тогда ответите на один вопрос. Вчера на вопрос о том, признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении, вы заявили, что да, я признаю себя виновным. Вы отказываетесь ли от этого сегодня или подтверждаете свою вину?

Макдональд (перевод). Согласно с теми показаниями, которые я давал, признаю себя виновным, но фактически считаю себя невиновным.

Вышинский. Я спрашиваю не об этом. Вчера вы говорили, что вы признаете себя виновным, или не говорили? Может быть я это во сне видел?

Макдональд (перевод). Вчера я признавал себя виновным.

Вышинский. А сегодня?

Макдональд (перевод). Сегодня в соответствии с тем, что я сказал, я не считаю себя виновным.

Вышинский. Следовательно у нас есть надежда, что может быть завтра вы сделаете обратное?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. Вчера вы сказали, что вы давали указания Гусеву относительно аварии мотора в 1400 л. с. Давали вы такие указания Гусеву или нет?

Макдональд (перевод). Замечание, которое я сделал Гусеву по поводу этого мотора, было такого порядка, что мотор был в столь плохом состоянии, что требовал замены. Как Гусев истолковал мое замечание—я сказать не могу.

Вышинский. Как истолковал Гусев—это определенно известно. Он получил от вас прямое указание, чтобы мотор этот вывести из строя посредством аварии. На мой вопрос вам—подтверждаете ли вы это или нет (это застенографировано)—вы вчера заявили, что да, подтверждаю. Я спрашиваю—сейчас вы подтверждаете это или не подтверждаете?

Макдональд (перевод). Я согласен, что это было написано в моем показании и находится в соответствии с вчерашним заявлением.

Вышинский. Правильно. Согласны ли вы с этим?

Макдональд (перевод). Согласен.

Вышинский. Чтобы покончить с диалогом по этому вопросу, я хочу знать, получали ли вы сведения от Соколова или нет?

Макдональд (перевод). Какого характера сведения?

Вышинский. О которых вы вчера говорили, о которых вчера говорил Гусев и о которых сегодня говорил Соколов.

Макдональд (перевод). Соколов мне передал о количестве рабочих, занятых на различных производствах и общие замечания такого порядка.

Вышинский. Остановимся на этом. Вы за это платили?

Макдональд (перевод). Нет.

Вышинский. Подсудимый Соколов, получали ли вы деньги от Макдональда?

Соколов. Через Гусева получил 1 000 рублей.

Вышинский. Подсудимый Гусев, передавали ли вы 1 000 руб. Соколову?

Гусев. Да.

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, передавали ли вы 1 000 руб. Гусеву?

Макдональд (перевод). Обычно Гусеву деньги давал.

Вышинский. За что вы давали Гусеву деньги?

Макдональд (перевод). В некоторых случаях рабочие, занятые монтажом турбины фирмы «Метро-Виккерс», работали сверхурочно. Иногда по 24 часа.

Вышинский. Значит за сверхурочную работу?

Макдональд. Да.

Председатель. Подсудимый Макдональд, разве Гусев состоял у вас на службе?

Макдональд. Нет.

Председатель. А как же выполнял сверхурочную работу?

Макдональд. Рабочие-монтажники работали по 24 часа в сутки.

Вышинский. Жалованье они получали?

Макдональд. Да, получали.

Вышинский. Значит кроме того еще вы платили им?

Макдональд. Да.

Вышинский. Через Гусева?

Макдональд. Да.

Вышинский. И большую сумму заплатили?

Макдональд (перевод). Насколько я помню, за все время использовал для этой цели около 2 000—2 500 рублей.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что 2 500 руб. вы заплатили за так называемые сверхурочные работы?

Макдональд. Да.

Вышинский. Откуда вы получили эти 2 500 руб. на сверхурочные работы?

Макдональд. Часть денег—свои собственные, а часть от Московской конторы фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. От кого именно?

Макдональд. От главного инженера монтажного отдела Торнтона.

Вышинский. Значит часть от Торнтона, а часть из своих личных средств?

Макдональд. Да.

Вышинский. Следовательно для оплаты сверхурочных работ, производившихся монтерами на Златоустовской станции, вы пользовались своими личными средствами, из своего личного кармана платили за работу монтеров?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. И вы считали, что может заслуживать доверия объяснение, что вы своими средствами расплачивались?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Прекрасно. Много у вас было таких личных средств?

Макдональд (перевод). Я не могу помнить.

Вышинский. Но много ли?

Макдональд (перевод). Всего у меня было 600—700 рублей.

Вышинский. Значит из 600—700 руб. вы заплатили 2500?

Макдональд (перевод). 600—700 руб.—это были мои собственные деньги.

Вышинский. А затем?

Макдональд (перевод). Я имел также деньги, которые получил из конторы фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. От Торнтона?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. А много дал вам Торнтон?

Макдональд (перевод). Я точно не помню, но мне кажется, около полуторы тысячи рублей.

Вышинский. Около полуторы тысячи рублей, да еще 600 руб., выходит 2100 рублей. Так?

Макдональд (перевод). Так.

Вышинский. А эти 600 рублей вам контора возместила или они пропали?

Макдональд (перевод). Пропали.

(В зале шум.)

Вышинский. Когда вы были арестованы?

Макдональд (перевод). 11 марта.

Вышинский. Когда вас первый раз допрашивали?

Макдональд (перевод). На следующий же день.

Вышинский. Можно ли вам предъявить одно ваше показание и попросить объяснения?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Это показание в томе XII, лист дела 14. Это показание написано на английском языке, это подлинник. Я попрошу предъявить эти показания Макдональду и спросить его, собственноручно написано им это или нет? (Передают для просмотра Макдональду подлинник показаний на английском языке.)

Вышинский. Ваши показания?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что эти показания написаны вами собственноручно?

Макдональд (перевод). Подтверждаю.

Вышинский. Прошу прослушать следующую часть из этого показания—второй абзац первого листа. Я попросил бы переводчика прочитать это на английском языке.

(Переводчик читает показания на английском языке)

«Пока я был там, я ставил своей целью узнать все, что только можно о политическом, экономическом и военном состоянии страны. В этом мне сильно помогли инженер электростанции Гусев и отдельные, использованные им люди, Соколов и другие».

Вышинский. Что вы скажете по этому поводу?

Макдональд (перевод). Я считал, при данных обстоятельствах необходимым сделать заявление после предъявления мне других показаний.

Вышинский. Какие показания?

Макдональд (перевод). Первое показание, которое я видел, были написаны г-ном Торнтоном.

Вышинский. Значит вы говорили под влиянием показаний Торнтонна?

Макдональд (перевод). Мне предъявили показания мистера Торнтонна...

Председатель. От какого числа?

Вышинский. Он был арестован 11, очевидно могло быть 12. Я еще не знаю ответа на мой вопрос.

Макдональд (перевод). Прочитав текст показаний г-на Торнтонна, который был мне предъявлен вместе со всем делом, и ознакомившись со всем этим, я решил, что при таких обстоятельствах, когда имеются столько данных против меня, я должен дать такое показание.

Вышинский. Следовательно показания Торнтонна заставили вас дать такие показания?

Макдональд (перевод). Не показания, данные мистером Торнтонном, но тот факт, что существовали такие показания.

Вышинский. Какие же показания Торнтонна вам были предъявлены?

Поскольку сейчас вопрос переносится на Макдональда, может быть подсудимого Соколова попросить сесть, а Макдональда просить приблизиться?

Председатель. Подсудимый Соколов, садитесь. Подсудимый Макдональд.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, вы дали показания 13 марта в силу того, что вам было предъявлено показание Торнтонна. Будьте добры сказать, что содержалось в этих показаниях Торнтонна?

Макдональд (перевод). В показаниях Торнтонна было написано, что Торнтон использовал меня для собирания информации в Златоустовском районе и что с этой же целью был использован Гусев, а также упоминались фамилии некоторых английских инженеров.

Вышинский. В показаниях от 13 марта Макдональд говорит: «Пока я был там, я ставил своей целью узнать все, что только можно, относительно политического, экономического и военного положения страны. В этом мне много помогли инженер электростанции Гусев и использованные им люди—Соколов и другие».

Меня интересует эта часть — о военном положении страны — почему вы дали эти показания 13 марта? Выходит так, что предварительно вам показали показания Торнтона, который показал то же самое.

Так ли я вас понял?

Макдональд (перевод). Я желаю, чтобы меня поняли следующим образом: я видел показания Торнтона и большую книгу, в которой заключены другие показания. Тогда я решил, что нецелесообразно или бесполезно дальше отрицать.

Вышинский. Вы решили, что дальше отрицать бесполезно. Правильно?

Макдональд. Да.

Вышинский (к суду). Я хочу спросить подсудимого Торнтона. Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, вы слышали этот допрос?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Макдональд здесь говорил, что когда его допрашивали 13 марта по поводу военного положения страны и когда он давал показания, то он это сделал под впечатлением ваших, Торнтон, показаний. Так вот, были ли вами даны такие показания, в которых вы говорите, что вы или Макдональд собирали военные сведения?

Торнтон. Были такие показания. Лист дела 26, 13 марта.

Вышинский. Значит не накануне 12 марта, а в тот же день?

Торнтон. Это было поздно ночью, или рано утром.

Вышинский. 14 числа?

Торнтон. Нет, я думаю, что это было 13.

Вышинский. Вы давали такие показания?

Торнтон. Давал, но я хочу сказать, что эти показания неправильны.

Вышинский. А вы под чьим влиянием давали эти показания? Макдональд давал под вашим влиянием, а вы очевидно под его влиянием? Почему вы дали неправильные показания?

Торнтон. Потому что я был очень взволнован, мужество потерял.

Вышинский. Почему вы потеряли мужество?

Торнтон. Под влиянием всех этих событий.

Председатель. Каких же событий?

Торнтон. Мой арест.

Вышинский. Неприятное событие, конечно.

Председатель. Один день просидели под арестом и уже мужество потеряли?

Вышинский. Вы кажется офицер?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Вы в армии служили?

Торнтон. Был.

Вышинский. В каком чине?

Торнтон. В обозе.

Вышинский. Обозная служба. Воевали в обозе?

Торнтон. Воевал в обозе.

Вышинский. Итак, вы были арестованы и арест произвел на вас впечатление?

Торнтон. Не арест, а это ужасное обвинение.

Вышинский. Вы вчера три раза ответили мне на три мои вопроса. Принуждали ли вас давать показания? Вы сказали: нет.

Торнтон. Я это и сейчас не говорю.

Вышинский. А вам предварительно показаний не предъявляли?

Торнтон. Они мне читали сводки из показаний.

Вышинский. Чьих?

Торнтон. Монкгауза.

Вышинский. Он тоже вас засыпал?

Торнтон. И Макдональда.

Вышинский. Значит Макдональд давал показания под впечатлением ваших показаний, которые ему предъявили. А вы давали показания под впечатлением макдональдовских показаний, которые вам предъявили? Какие же показания были раньше?

Торнтон. Я не совсем понял.

Председатель. Иными словами, кто кого выдал: Торнтон Макдональда или Макдональд Торнтона?

Торнтон. Я не знаю.

Вышинский. Позвольте удостоверить следующий факт. Макдональд объясняет свои показания 13 марта тем, что ему предварительно были предъявлены показания Торнтона. Под влиянием этих показаний он решил, что дальше отрицать нет никакого смысла и стал говорить то, что он сказал. Это правильно, Макдональд?

Макдональд. Правильно.

Вышинский. Торнтон утверждает, что он дал показания под влиянием предъявленных ему показаний Макдональда. Правильно это?

Торнтон. И других.

Вышинский. Пока меня интересует Макдональд. Это правильно?

Торнтон. Не целиком.

Вышинский. В этой части? В военной части?

Торнтон. Я дал явно неправильные показания.

Вышинский. Это мы потом разберем — правильные они или нет.

Торнтон. Я говорю, что они неправильные. Вы можете говорить, что угодно.

Вышинский. Я ничего большего не скажу, чем вы. Макдональд говорит, что он давал показания 13 марта под влиянием ваших показаний. Правильно ли я вас понял, что в этой части вы давали показания под влиянием макдональдовских показаний, вам предъявленных?

Торнтон. И других.

Вышинский. Я понимаю. Это правильно?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Какие показания были раньше, остается неразрешенным. Выходит, что влияли друг на друга. Но что-то предшествовало чему-то. Это вы можете объяснить?

Торнтон. Мне на руки не давали. Взяли папку и прочитали мне.

Вышинский. Обвиняемый Макдональд, в этом же показании 13 марта вы признались в получении секретной информации относительно: 1) производства военных цехов механического и металлургического заводов, включая производство снарядных цехов, качества и количества изготовленных снарядов, их типы и др. данные; 2) о расширении военных цехов. Это вы подтверждаете, что вы так говорили?

Макдональд. Да, я так говорил.

Вышинский. Правильно, вы говорили. Но так не было на самом деле? Вы не получали таких сведений?

Макдональд. Гусев сказал, что они делают большие снаряды и маленькие.

Вышинский. Значит в этой части вы подтверждаете, что от Гусева получали сведения о снарядах — правильно?

Макдональд. Правильно.

Вышинский. Итак, вы действительно получали эти сведения от Гусева о снарядах?

Макдональд. Да, он мне сказал, что они там делаются.

Вышинский. Эти сведения о снарядах к фирме «Метро-Виккерс» какое-нибудь отношение имеют или нет?

Макдональд. Никакого.

Вышинский. Никакого. Почему же вы, служащий фирмы «Метро-Виккерс» получали сведения, которые никакого отношения к фирме «Метро-Виккерс» не имеют, для кого вы получали?

Макдональд. Для никого. Для себя.

Вышинский. Почему вас интересовали снаряды?

Макдональд. Из любопытства.

Вышинский. Любопытство—большой порок.

Пока у меня к Макдональду вопросов нет.

Председатель. У меня есть вопрос. Почему вы сегодня решили сделать себя смешным в глазах суда и всех присутствующих в зале?

Макдональд. (перевод). Я не думаю, что я выгляжу смешным.

Председатель. У меня еще один вопрос контрольного порядка к подсудимому Торнтону. Вы заявили на вопрос прокурора, что дали показание 12 марта на 2-й день после ареста, потому что потеряли мужество. Когда же мужество к вам вернулось и какого числа—не помните?

Торнтон. Мужество вернулось 4 апреля.

Председатель. В котором часу?

Торнтон. В 6 часов... (Шум, смех в зале.)

Председатель. Продолжаем допрос Соколова.

Вышинский. Подсудимый Соколов, что вы можете ответить по поводу того, что сейчас произошло в части, касающейся вашей шпионской работы? Действительно ли вы давали сведения военного характера или нет?

Соколов. Я давал сведения военного характера.

Вышинский. Когда вы получали деньги от Гусева, то вы слышали от него или может быть догадывались, за что вы получали деньги и от кого, чьи эти деньги, хотя вообще деньги не пахнут?

Соколов. Деньги были получены мной от Гусева и при этом было сказано — вот тебе премия от Василия Васильевича.

Вышинский. Кто это такой?

Соколов. Макдональд.

Вышинский. Так называли Макдональда.

Вы это подтверждаете, подсудимый Гусев?

Гусев. Да, я передавал.

Вышинский. Итак, Соколов получил 1 000 рублей от Гусева, Гусев получил 1 000 рублей и больше от Макдональда. Подтверждают Соколов, Гусев, Макдональд.

Второе. Соколов сообщал сведения и военного характера, имеющие военно-государственное значение. Это подтвердил Соколов и Макдональд, что он такие сведения получал. Правильно?

Соколов. Да.

Вышинский. Гусев, правильно?

Гусев. Да.

Вышинский. Макдональд, правильно.

Макдональд. Да.

Вышинский. Больше у меня вопросов нет.

Председатель. У защиты есть вопросы к Соколову?

Защита. Нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы к Соколову?

Подсудимые. Нет.

Председатель. Объявляю перерыв на 20 минут.

* * *

Комендант. Суд идет. Прошу встать.

Председатель. Пожалуйста садитесь. Допрос Соколова будем считать законченным.

Вышинский. У меня больше вопросов нет.

Казначеев. У меня два вопроса. Вы сказали здесь о некоторых периодах вашей контрреволюционной деятельности. За последний период вы указали на то, что вы получали деньги. А в прежние периоды, в частности в то время, когда у вас были отношения с Витвицким, тогда такое вознаграждение получали или нет?

Соколов. Нет.

Казначеев. Тогда материальный момент не играл роли?

Соколов. Нет.

Казначеев. В первый момент вашей работы материальный момент тоже не играл роли?

Соколов. Не играл большой роли.

Казначеев. Значит какую-то роль играл?

Соколов. Некоторую, потому что получаемый мной оклад был достаточно приличный.

Казначеев. Последний вопрос. Роль Гусева, когда он вас познакомил с Макдональдом, сводилась к простому посредничеству или к чему-нибудь другому?

Соколов. Роль Гусева была просто посредническая, потому что главным фактором, который толкал меня на контрреволюционную деятельность, активизирующим фактором, были частые разговоры с Макдональдом.

Казначеев. Вы интересовались у Макдональда, для чего он собирает сведения?

Соколов. Нет не интересовался, но я понимал, что это не его личные интересы. Если бы он спросил о работе турбины, это интересовало бы его фирму, но вопрос о количестве рабочих...

Казначеев. Это вы говорите о своих предположениях, а я спрашиваю, были ли конкретные разговоры на эту тему с ним?

Соколов. Конкретных разговоров не было, для чего эти сведения ему нужны.

Казначеев. Считали ли вы неудобным заводить такие разговоры или полагали, что он не ответит вам?

Соколов. Я считал неудобным.

Казначеев. Больше вопросов у меня нет.

Председатель (прокурору). Может быть у вас есть какие-нибудь вопросы?

Вышинский. Не имеется.

Председатель. Подсудимый Макдональд, пожалуйста сюда. У суда пока нет вопросов.

Вышинский. Подсудимый Макдональд, скажите пожалуйста, когда вы приехали впервые в СССР?

Макдональд. В начале 1928 года.

Вышинский. И какую должность заняли, приехавши в СССР?

Макдональд. Монтажного инженера по турбинам.

Вышинский. В каком городе вы поселились?

Макдональд. В Москве.

Вышинский. Значит вы приехали в 1928 году в Москву и здесь поступили на должность монтажного инженера при московской конторе фирмы «Метро-Виккерс» или на какое-нибудь другое предприятие?

Макдональд. На 1-ю МГЭС.

Вышинский. Сколько времени вы проработали на этой должности?

Макдональд. 9—10 месяцев.

Вышинский. Кому вы были подчинены в этой работе по линии фирмы «Метро-Виккерс»?

Макдональд. Главному инженеру Монкгаузу.

Вышинский. Имели ли вы какое-нибудь служебное отношение в то время к Торнтону?

Макдональд. Нет.

Вышинский. Когда вы вошли в служебное отношение с Торнтоном?

Макдональд. В конце 1928 года или в начале 1929 года.

Вышинский. Из Москвы с 1-й МГЭС вы куда направились?

Макдональд. После отпуска в Лондон направился в Ленинград.

Вышинский. В Ленинграде вы оказались в конце 1928 года или в начале 1929 года?

Макдональд. В конце 1928 года.

Вышинский. Где вы там работали?

Макдональд. На 5-й ГЭС.

Вышинский. Имели ли вы какое-либо отношение к «Красному Октябрю»?

Макдональд. Да.

Вышинский. Это 5-я ГЭС и есть «Красный Октябрь»?

Макдональд. 5-я станция называется «Красный Октябрь».

Вышинский. Вы во время пребывания в Ленинграде собирали какие-нибудь сведения?

Макдональд. Да.

Вышинский. Какие сведения?

Макдональд. Какие есть в показаниях.

Вышинский. Может быть разрешите огласить? Если потребуется, то это будет переведено. Вы говорили, что занимались систематическим, экономическим шпионажем. Подтверждаете это?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. Политическим—подтверждаете это?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. А военным?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский. А где вы получали сведения военного порядка?

Макдональд. Так около нашей электростанции был завод «Большевик».

Вышинский. Какие сведения вы получали с «Большевика» или о «Большевике»?

Макдональд. Там делают авиационные моторы и эти моторы испытывают.

Вышинский. А кроме авиационных моторов, относительно работы полигонов, где испытывались артиллерийские орудия, вы тоже сведения получали?

Макдональд. То, что было слышно.

Вышинский. Так что вы получали сведения по испытанию орудий. Так?

Макдональд. Да.

Вышинский. Эти сведения вы собирали в каких целях, для чего они нужны были?

Макдональд. Эти сведения мне были интересны.

Вышинский. Хорошо. Вы на предварительном следствии показали, что вы не один и не только вы лично занимались этой разведывательной деятельностью, но что этой разведывательной деятельностью вы занимались под руководством некоторых других лиц. Вы это подтверждаете?

Макдональд. Все, что я там узнал, говорил об этом с мистером Торнтоном.

Вышинский. В том числе и сведения на счет полигонов, орудий, авиационных моторов также передали Торнтону?

Макдональд. Тоже сказал.

Вышинский. Следовательно вы подтверждаете ваши показания о том, что разведывательная деятельность проводилась в СССР под руководством Торнтонна?

Макдональд. Да.

Вышинский. Подтверждаете и то, что участниками этой разведывательной деятельности кроме Торнтонна были и некоторые другие инженеры фирмы «Метро-Виккерс»?

Макдональд (перевод). Я не знал, но предполагал.

Вышинский. В частности вы предполагали, что инженер Кушни, бывший офицер английской армии, также был участником этой работы?

Макдональд. Предполагал.

Вышинский. Тоже предполагали. Значит в этой части у нас никаких разноречий нет.

Теперь позвольте вас спросить о следующем: когда вы переехали в Златоуст?

Макдональд. В начале 1930 года.

Вышинский. С кем вы там встретились?

Макдональд. Что?

Вышинский. С кем из русских инженеров было первое знакомство?

Макдональд. С самого начала было с главным инженером. Фамилию его я забыл.

Вышинский. С Гусевым когда познакомились?

Макдональд. Потом с Гусевым.

Вышинский. Какие были у вас отношения с Гусевым?

Макдональд. Дружеские.

Вышинский. У меня вопрос такого рода: говорили ли с Гусевым о порче оборудования? Ваши предварительные показания о моторе 1400 л. с. вы подтверждаете или не подтверждаете?

Макдональд. Я подтверждаю, что я там показал.

Вышинский. Вы показали, что вы давали указание Гусеву произвести порчу мотора 1400 л. с., вы это подтверждаете или нет?

Макдональд. Да.

Вышинский. Прекрасно. Подсудимый Гусев, вы подтверждаете ваши вчерашние объяснения об обстоятельствах, при которых вы получили от Макдональда такое поручение?

Гусев. Да, я полностью подтверждаю.

Вышинский. Садитесь.

Скажите пожалуйста, в каком порядке вы получали сведения от Гусева, содержащие в себе данные военного характера. Получали ли вы за его подписью или как-нибудь иначе?

Макдональд. У нас был только разговор.

Вышинский. А те сведения, которые он посылал через Рябову, вы получили?

Макдональд. Да.

Вышинский. Почему пользовались Рябовой?

Макдональд. Потому, что она была моей хозяйкой.

Вышинский. Вам, что же, удобно было так?

Макдональд. Конечно, если она ехала из Златоуста в Зуевку, она могла привести письмо.

Вышинский. Значит вы пользовались услугами Рябовой, потому что так было удобно?

Макдональд. Да.

Вышинский. Когда вы передавали Торнтону ваши сведения, какие получили от Гусева, то эти сведения, которые получил от вас Торнтон, его удовлетворяли, он был доволен ими? считал их достаточными?

Макдональд. Да.

Вышинский. Вам Торнтон давал какие-нибудь поручения?

Макдональд. Какое поручение?

Вышинский. Чтобы собирать разные сведения.

Макдональд. Да, он мне сказал об этом.

Вышинский. Позвольте вас спросить теперь так: вы на предварительном следствии показывали, что Торнтон интересуется определенными вопросами—политические, экономические, военные—и что вами были

собраны сведения о продовольственном положении, о работе завода «Большевик», о моторах для аэропланов, о производстве орудий, что эти сведения вы передавали Торнтону в декабре 1929 года?

Макдональд. Да.

Вышинский. Значит вы подтверждаете, что в декабре вы передали сведения Торнтону о моторах для аэропланов, о работе завода «Большевик», о производстве орудий?

Макдональд. Да.

Вышинский (к Торнтону). Вы слышали показания Макдональда, где он говорит, что он вам в декабре 1929 года передал сведения о моторах для аэропланов, о работе завода «Большевик», вы это подтверждаете?

Торнтон. Я не помню, чтобы он это говорил, но что завод «Большевик» делает орудия, это я сам знал.

Вышинский. А вы не припомните—был у вас разговор с Макдональдом относительно орудий, моторов и т. д.

Торнтон. Не помню.

Вышинский. Так что, когда он говорит, что он вам сообщал...

Торнтон. Он говорит неправильно.

Вышинский. Значит, вы говорите...

Торнтон. Я не помню, что он это говорил.

Вышинский. Но нельзя сказать, чтобы он говорил неправильно—вы не можете утверждать, что это неверно.

Торнтон. Я говорю, что я этого не помню, но я говорю, что знал о работе завода «Большевик» и о полигоне. Когда там стреляют, на станции все окна трясутся.

Вышинский. Но все, которые слышат эту стрельбу, они еще не знают всего, что можно узнать об этих орудиях?

Торнтон. Они знают то, что я знаю. Я знаю, что там полигон и больше ничего.

Вышинский. Это мало.

Торнтон. Да, очень мало.

Вышинский. Макдональд говорит иначе. Конечно, когда речь идет об орудиях—ну хорошо, их все слышат. Ну, а когда речь идет о моторе для аэроплана?

Торнтон. Этот мотор испытывался против станции на другой стороне Невы, и эти моторы очень шумят, так что все могли слышать и этот шум.

Вышинский. Вы значит только слышали шум и больше ничего?

Торнтон. Больше ничего.

Вышинский. Значит Макдональд вам не передавал сведений?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А Макдональд утверждает, что передавал. (К Макдональду.) Вы ведь это говорили?

Макдональд. Да, у нас был такой разговор.

Вышинский (к Торнтону). Значит кроме шума мотора был еще тихий разговор.

Торнтон. Этого я не подтверждаю.

Вышинский. А вы помните улицу Войкова в Ленинграде?

Торнтон. Да.

Вышинский. Помните дом № 13?

Торнтон. Да.

Вышинский. Может быть на этой улице, в этом доме у вас был разговор с Макдональдом перед его отъездом в Златоуст? Перед тем как Макдональд поехал в Златоуст, там у вас был какой-нибудь разговор?

Торнтон. Я думаю, что в это время было неизвестно вообще, что Макдональд уедет в Златоуст. Впрочем хорошо не помню.

Вышинский (к Макдональду). Было это известно, или это был секрет?

Макдональд. Конечно я знал, куда я еду.

Вышинский. Вы знали. А другие ваши товарищи—знали или нет? Например Торнтон. Или вы скрывали от них?

Макдональд. Все знали.

Вышинский. И Торнтон знал?

Макдональд. Я думаю, знал.

Вышинский (к Торнтону). А вы говорите, что не знали.

Торнтон. Я не могу это твердо сказать. Я думал, что он был назначен в Златоуст из Англии. Может быть я и знал.

Вышинский. Так вы не помните? Может быть вы знали? У вас что, вообще память слабая?

Торнтон. На числа слабая память.

Вышинский. На числа и на факты?

Торнтон. Это вы добавляете—на факты?

Вышинский. Я только спрашиваю вас—факт разговора и факт вашей осведомленности о том, что Макдональд едет—это не числа, а факты. На факты у вас слабая память?

Торнтон. Я хорошо не помню.

Вышинский. Итак, вы не помните разговора, который был у вас с Макдональдом о Златоусте?

Торнтон. Если я не знал, что он туда едет, то я не помню и разговора.

Вышинский. Я хочу вам напомнить. В этом разговоре вы просили Макдональда достать сведения о военных производствах на Златоустовских заводах?

Торнтон. Это абсолютная ложь.

Вышинский. Макдональд, вы давали показания на следствии: «Торнтон просил меня достать сведения о военных производствах»? Вы это подтверждаете?

Макдональд. Подтверждаю.

Вышинский (к Торнтону). Может быть вспомните?

Торнтон. Я никогда не просил собирать военных сведений.

Вышинский. На предварительном следствии вы говорили об этом при очной ставке с Макдональдом?

Торнтон. Да, говорил. Следовательно спрашивал—Макдональд сообщал мне насчет этих полигонов?

Вышинский. А был ли у вас разговор о военно-оборонительных средствах, о сведениях оборонительно-наступательного порядка, о том, каковы военные возможности оборонительно-наступательного порядка Советского союза. Такой разговор был у вас?

Торнтон. Не был. Там есть мое показание.

Вышинский. Повторите его.

Торнтон. Если это от 26 марта, то я отрицаю.

Вышинский. Нет, это не 26. Тоже отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Вышинский. У вас была очная ставка с Макдональдом?

Торнтон. Была.

Вышинский. На этой очной ставке Макдональд заявил о том, что вы интересовались и получили сведения от Макдональда оборонительно-наступательного характера, характеризующие оборонительно-наступательные военные возможности Советского союза?

Торнтон. Насколько я помню, Макдональд это говорил.

Вышинский. А вы подтвердили это?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда не подтвердили?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Позвольте огласить. На листе 121, том XVIII, вопрос 10 к Торнтону: «Вы сказали, что получили от Макдональда сведения, освещающие оборонительно-наступательные возможности Советского союза. Подтверждаете ли вы эти ваши показания?» И ответ Торнтон: «Да, подтверждаю получение от Макдональда сведений об оборонительно-наступательных возможностях Советского союза».

Что вы скажете?

Торнтон. Я имел в виду, что Макдональд мне сказал...

Вышинский. Я огласил то, что он сказал. А вы подтвердили?

Торнтон. Да.

Вышинский. Подтвердили. Так как же вы сейчас говорите, что не подтвердили?

Макдональд, вам был задан вопрос, давали ли вы информацию Торнтону о наступательных и оборонительных возможностях и каких именно? Вы отвечали—да. Это правильно? Вы это подтверждаете?

Макдональд. Правильно.

Торнтон. А я что сказал?

Вышинский. И вы сказали—подтверждаю, получал от Макдональда сведения об оборонительных и наступательных возможностях Советского союза.

Торнтон. О снарядах я отрицаю окончательно.

Вышинский. Вы говорили только о том, что шумят моторы, стреляют пушки и больше ничего?

Торнтон. Да.

Вышинский. Почему вы раньше иначе говорили?

Торнтон. Я уже объяснял вам.

Председатель. Мужество потеряли?

Торнтон. Да.

Вышинский. Дальше вам был задан вопрос—подтвердите ли вы, что Макдональдом были переданы эти сведения. Ваш ответ—он мне говорил, что делают снаряды вообще в Златоусте. Говорил он это?

Торнтон. Я это сам знал.

Вышинский. Это не написано. Дальше здесь сказано—он мне говорил, что в Ленинграде собрано много войск.

Торнтон. Это правильно.

Вышинский. А о снарядах говорил?

Торнтон. Может быть, по-обывательски.

Вышинский. Это понятно—сообщал обывательские сведения о снарядах? Итак, можно сказать, что у вас происходил с Макдональдом разговор о Златоустовских заводах и в частности о выделке снарядов? Правильно?

Торнтон. Может быть, это и все. Я хорошо не помню.

Вышинский. Вы же говорите, что были разговоры?

Торнтон. Я подтверждаю, что были обывательские разговоры.

Вышинский. Еще с кем-нибудь были такие обывательские разговоры?

Торнтон. Было много людей.

Вышинский. Например с Монкгаузом о военных снарядах?

Торнтон. Нет, с русскими.

Вышинский. Итак, были специальные обывательские разговоры с русскими о снарядах?

Торнтон. Нет, с Макдональдом. Он говорил, что делают снаряды. Это и я знаю.

Вышинский. Значит вы, интересуясь этим, проверяли свои знания? Ну, а скажите, вы кроме того знали о том, что Гусев связан шпионской работой с Макдональдом?

Торнтон. Я знал, что Гусев друг Макдональда.

Вышинский. А что он друг по шпионажу?

Торнтон. Этого я не знал.

Вышинский. А на предварительном следствии вас спрашивали об этом?

Торнтон. Там написано, что Гусев является резидентом, если не ошибаюсь.

Вышинский. А вы сказали, что это подтверждаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Сейчас не подтверждаете?

Торнтон. У нас нет шпионской работы вообще.

Председатель. Дело не в названии, можно назвать это иначе.

Вышинский. Давайте проверим некоторые факты еще раз. Гусев друг Макдональда, Гусев собирает для Макдональда какие-то сведения. Это вы знали?

Торнтон. Сведения, которые могли интересовать нашу фирму.

Вышинский. Я не знаю, какие сведения вашу фирму могут интересовать. Это мы увидим дальше при вашем содействии. Я спрашиваю, было ли известно вам, что Гусев собирал для Макдональда какие-то сведения?

Торнтон. Макдональд получил сведения от Гусева благодаря его дружескому отношению.

Вышинский. И кроме того благодаря еще деньгам? Деньги-то платились?

Торнтон. Я здесь слышал, что платились.

Вышинский. Ах, здесь, а раньше не слышали. Макдональду вы дали две тысячи с лишним рублей?

Торнтон. Дал Макдональду две тысячи рублей, чтобы исправить его скверный дебет.

Вышинский. Что же, он растранижил деньги?

Торнтон. Нет, не транжирил.

Вышинский. А почему плохой был дебет?

Торнтон. Потому, что он взял много денег вперед.

Вышинский. Почему?

Торнтон. Я не знаю—почему. Он должен был несколько тысяч рублей.

Вышинский. И вы хотели поправить его денежные дела?

Торнтон. Я расскажу подробно, как это было.

Вышинский. Значит в это время, когда Гусев передавал Макдональду сведения, вам не было известно, что Гусев получал от Макдональда деньги?

Торнтон. Я этого не знал.

Вышинский. А какие сведения Гусев давал, вы это знали?

Торнтон. Самые обыкновенные сведения о станции.

Вышинский. То есть?

Торнтон. Как работают машины.

Вышинский. Зачем это Гусев должен был сообщать? Там был Макдональд, он мог сообщить это.

Торнтон. Когда сам Макдональд был—это другое дело.

Вышинский. А то, что он эти сведения давал шире, чем только о работе станции, вы это отрицаете?

Торнтон. Может быть немножко шире давал. Говорил вообще о Златоусте, затем о прочности местной власти.

Вышинский. Местной советской власти Златоустовской или вообще?

Торнтон. Вообще и на месте.

Вышинский. Может быть вас интересовали слабые места электростанции с точки зрения аварий?

Торнтон. Это меня очень интересовало, только позвольте сказать—почему.

Вышинский. Мы потом это выясним.

Торнтон. Так нельзя, я хочу закончить.

Вышинский. Пожалуйста.

Торнтон. Мне надо знать слабые места, чтобы определить, если будет авария на генераторе, то в каком порядке распределительные устройства, линии, трансформаторы и вообще внутренняя проводка, в каком она виде.

Вышинский. Не интересовали ли вас слабые места для того, чтобы эти слабые места как-нибудь покрыть?

Торнтон. Зачем я буду покрывать их оборудование?

Вышинский. Ваше.

Торнтон. Мы говорили о слабых местах не нашего оборудования.

Вышинский. Ваше оборудование там было?

Торнтон. Были турбины, были распределительные устройства.

Вышинский. Может быть вы интересовались слабыми местами, чтобы их как-нибудь покрыть?

Торнтон. Конечно это тоже нужно было знать, чтобы не покрыть, а исправить.

Вышинский. Вы знали механика Марина?

Торнтон. Знал.

Вышинский. Это где было?

Торнтон. На 1-й ГЭС.

Вышинский. Этому Марину вы давали какие-нибудь деньги?

Торнтон. Давал.

Вышинский. Много?

Торнтон. Может быть 300—400 рублей.

Вышинский. А за что давали?

Торнтон. За исправление мелких дефектов, может быть без ведома начальства, и вообще за наше оборудование.

Вышинский. Может быть за то, чтобы Марин не сообщал об этих дефектах по начальству?

Торнтон. Это слишком громко.

Вышинский. Вы так сказали.

Торнтон. Мало ли что я сказал, ведь суд-то здесь.

Вышинский. Суд ничего не рассматривает оторванно. Суд проверяет то, что было раньше. Вот в XIX томе, на стр. 337 вы говорили, что «монтер Марин из МОГЭС получил от меня в общей сложности 400 рублей. Деньги я ему дал за то, чтобы в случае обнаружения им мелких дефектов в нашем оборудовании он не сообщал об этом по начальству и таким образом, чтобы фирма не имела претензий и рекламаций». Вы это подтверждаете?

Торнтон. Подтверждаю.

Вышинский. Так было на самом деле?

Торнтон. Это немного загнуто.

Вышинский. А кто загнул?

Торнтон. Я сам. То, что я там написал, меня это не так трогает, потому что здесь суд и здесь разберутся.

Вышинский. Вот мы и разбираем.

Председатель. Очевидно он нарочно загнул, чтобы дать больше работы суду.

Вышинский. Вы дали такие показания в отношении Марина. Пойдем дальше. Вы писали тогда же: «Подтверждаю, что всем инженерам и техникам, перечисленным в показаниях от 13 марта, были даны денежные средства, чтобы они скрывали отдельные обнаруженные дефекты нашего оборудования». Такие показания вы давали?

Торнтон. Давал.

Вышинский. Они соответствуют действительности?

Торнтон. Нет не все.

Вышинский. Но здесь записано в протоколе, и здесь перечислены конкретные лица.

Торнтон. Инженеров нет, это был один инженер.

Вышинский. Какому же инженеру вы давали деньги?

Торнтон. Инженеру не давал.

Вышинский. Вы сказали—был один инженер.

Торнтон. Дал заимообразно.

Вышинский. Как фамилия этого инженера?

Торнтон. Долгов.

Вышинский. Сколько дали ему заимообразно?

Торнтон. 3000 рублей.

Вышинский. Из ваших собственных средств?

Торнтон. Нет, из кассы общества.

Вышинский. Как провели по книгам эти деньги? Написали—Долгову заимообразно?

Торнтон. Так не было написано.

Вышинский. Это были «переходящие суммы»?

Торнтон. Да. (В зале шум.)

Председатель. Суммы, «переходящие» из кармана в карман!

Вышинский. Значит, подсудимый Торнтон, у вас был такой порядок в конторе, что когда вы даете заимообразно, в книгах записываете не то, что было на самом деле? Почему написали «переходящие суммы»?

Торнтон. Потому что мы думали, что заимообразно.

Вышинский. Нужно было открыть счет Долгову—заимообразно 3000 рублей.

Торнтон. Так было бы лучше.

Вышинский. Может быть это было бы лучше, но опаснее, «переходящие суммы» показывать менее опасно?

Торнтон. Если хотите, я расскажу об этом.

Вышинский. Расскажите потом, когда вас будут допрашивать.

Торнтон. Но сейчас получается так, что ваша половина выходит, а моя нет.

Вышинский. Сейчас я допрашиваю вас, поэтому выходит моя половина. Мы к Долгову вернемся, и вы тогда дадите точное показание. Значит можно сказать, что инженер Долгов получил от вас под видом займа «переходящих сумм» 3000 руб., которые вы записали затем как «переходящие суммы»?

Торнтон. Да.

Вышинский. Какие техники получали?

Торнтон. Монтеры, техники не получали.

Вышинский. Значит и это правильно. Что же в этих показаниях неправильно? Долгов получал, монтеры получали, значит—все правильно?

Торнтон. Инженеры, кроме Долгова, ничего не получали.

Вышинский. Я говорю об одном Долгове. Долгов получал, монтеры получали. Может быть они получали за сверхурочную работу?

Торнтон. Это имело место с монтером Мариным.

Вышинский. Значит за сверхурочную работу?

Торнтон. Нет, за командировки и за сверхурочную работу.

Вышинский. А Долгова тоже командировали?

Торнтон. Долгова нет.

Вышинский. Он сверхурочно работал?

Торнтон. Может быть. Он много работал. Позвольте мне рассказать.

Председатель. Товарищ Вышинский, вы удалились от допроса Макдональда.

Вышинский. Это настаивает подсудимый.

Председатель. У вас больше к Торнтону вопросов нет?

Вышинский. Нет. У меня вопрос к Макдональду.

Торнтон. Товарищ председатель, я хочу договорить свою поло-

вину, так как получается неудобно для прессы. Я прошу разрешить рассказать, как было дело.

Председатель. Через полчаса вы расскажете, а сейчас надо закончить допрос Макдональда.

Вышинский. Значит показания, которые давали на очной ставке, вами частично подтверждаются, а частично отрицаются?

Торнтон. Да.

Вышинский. А вы, подсудимый Макдональд, подтверждаете показания на очной ставке с Торнтоном?

Макдональд. Да.

Вышинский. У меня к Макдональду вопросов нет.

Рогинский. У меня есть вопросы. У вас очная ставка с Гусевым была?

Макдональд. Была.

Рогинский. Вы свои показания на этой очной ставке по вопросу о характере тех сведений, которые вам передавал Гусев, помните?

Макдональд. Я подтверждаю эти показания.

Рогинский. Вы подтверждаете эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский. Я прошу разрешения огласить эти показания Макдональда и в связи с этим задать несколько вопросов.

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Том XII, страница 29 из дела Макдональда.

Вопрос Макдональду: «Прошу перечислить, какие именно сведения военного характера вы собирали через Гусева». Был вам поставлен такой вопрос?

Макдональд. Да.

Рогинский. Макдональд ответил: «Гусев имел от меня поручение собирать и собирал систематически секретные сведения по следующим вопросам: Во-первых, о работе военных цехов механического и металлургического заводов. Сюда входило: производственная мощность снарядных цехов, количество выпускаемых снарядов, их типы и т. п. моменты. Во-вторых, о расширении военных цехов. Третье—данные о выпускаемых специальных сталях, идущих на военные заводы для производства вооружений, и четвертое—энергоснабжение заводов и вопросы, связанные с бесперебойной работой военных цехов».

Это те показания, которые вами были даны на очной ставке?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы их подтверждаете?

Макдональд. Да.

Рогинский. Эти сведения вы получили от Гусева?

Макдональд. Да.

Рогинский (к Гусеву). Такого характера сведения вы собирали?

Гусев. Да.

Рогинский. И передавали Макдональду?

Гусев. Да.

Рогинский (к Макдональду). Ваши показания по вопросу об организации порчи машин на Златоустовских заводах, данные на очной ставке, вы помните?

Макдональд. Помню

Рогинский. Был вам поставлен вопрос, что по вашему прямому поручению Гусев производил порчу мотора крупносортового стана металлургического завода с целью задержать выпуск снарядов?

Макдональд. Да.

Рогинский. Правильно ли здесь отражены ваши показания, когда вы ответили: «Повидимому это было у меня или у инженера Гусева на квартире. Я указывал Гусеву, пользуясь сближением с ним, что в качестве средств борьбы с советской властью нужно использовать такое средство, как совершение аварий на заводе, причем в особо важных его пунктах. Я просил, как крайне важную меру для задержки производства снарядов, произвести порчу указанного выше мотора, зная, что это будет иметь определенные эффективные последствия. Гусев сначала колебался, а потом согласился. Таким образом, что приостановка мотора имела место в мае. Впоследствии это повторялось несколько раз в июне и августе 1932 года, после моего отъезда с Урала на Украину».

Правильны эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы их подтверждаете?

Макдональд. Да.

Рогинский (к Гусеву). Такой разговор имел место?

Гусев. Да.

Рогинский. При такой обстановке, как она показана здесь?

Гусев. Да.

Рогинский (к Макдональду). А о порче других машин, кроме мотора, был у вас разговор с Гусевым?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы помните те показания, которые вами на очной ставке с Гусевым были даны по вопросу о порче иных машин—о задержке монтажа котлов №№ 1, 2 и 11, о замораживании котла № 8?

Макдональд. Прошу повторить еще раз этот вопрос.

Рогинский. Вам был задан вопрос: «Подтверждаете ли вы, что давали инженеру Гусеву ряд других заданий по совершению аварий». Был задан такой вопрос?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы на предварительном следствии дали следующий ответ: «Средством для осуществления этого я избрал снижение мощности электростанции с 12 000 киловатт до 6 000 киловатт, ровно наполовину. При таком положении малейшая авария на станции должна была привести к полному параличу и остановке работы завода. В силу этих соображений я дал инженеру Гусеву задание вывести из строя котлы №№ 1, 2, 8, 11 и также углеподачу. Задания были выполнены». Правильны эти показания?

Макдональд. Да.

Рогинский (к Гусеву). Имели место такого рода задания?

Гусев. Да.

Рогинский. Вопрос к подсудимому Макдональду. Эти аварии имели место во время вашего пребывания в Златоусте или после отъезда?

Макдональд. После отъезда.

Рогинский. Когда вы узнали о том, что эти аварии выполнены? Макдональд. Когда Гусев приехал ко мне в сентябре месяце 1932 года.

Рогинский. После приезда Гусева к вам в Зуевку?

Макдональд. Да.

Рогинский. Вы Торнтону о совершенных авариях сообщали?

Макдональд. Я ему сказал, что Гусев мне сказал, что были такие аварии.

Рогинский. Когда вы сообщили Торнтону об этом?

Макдональд. Сейчас не помню. Когда была наша следующая встреча.

Рогинский. Не в Зуевке?

Макдональд. В Зуевке.

Рогинский. У вас очная ставка с Торнтоном была?

Макдональд. Была.

Рогинский. По этому вопросу на очной ставке вы помните какие показания давали?

Макдональд. Сейчас не помню.

Рогинский. На листе 123, том XVIII мы имеем следующий вопрос и следующий ответ. Вопрос Макдональду: «Рассказывали ли вы об аварии на Златоустовке и как Торнтон отнесся к этой деятельности». Ответ: «Я думаю, это было хорошо сделано, и все, что я сказал Торнтону—он был этим доволен».

Имело место это?

Макдональд. Это была очная ставка с Торнтоном?

Рогинский. Да.

Макдональд. Сейчас я не могу вспомнить.

Рогинский. Такого рода разговор с Торнтоном был у вас?

Макдональд. Да, я ему сказал, что такие аварии были.

Рогинский. Со слов Гусева вы ему сказали, что такие аварии произошли. Правильно?

Макдональд. Да.

Рогинский. И это имело место в Зуевке?

Макдональд. Да.

Рогинский. Сведения, которые вам передал Гусев, вы в свою очередь передали Торнтону?

Макдональд. Да, что Гусев сказал мне, я передал Торнтону.

Рогинский. Один вопрос Торнтону. На вопрос товарища Вышинского вы заявили, что никаких сведений военного характера не собирали.

Торнтон. Нет.

Рогинский. Какие показания уже не 13 марта, не 15 и не 19, а в тот самый день, когда, по вашему заявлению председательствующему, к вам вернулось мужество, по этому вопросу вы дали? Вы не помните? У следователя по важнейшим делам 4 апреля?

Торнтон. Я ошибочно подписал, что я виновен.

Рогинский. Я о том, что вы ошибочно подписали, не говорю. Я спрашиваю вас о характере тех сведений, которые вы собирали? Вы об этом сказали, это том XIX, на листе дела 343, оборот.

Торнтон. Я не понимаю вопроса.

Рогинский. Я спрашиваю вас, подтверждаете ли вы свои слова: «Шпионские сведения военного характера я имел с Путиловского завода».

Торнтон. Да, только это не касается Макдональда.

Рогинский. Правильно это?

Торнтон. Путиловский завод есть.

Рогинский. С Мытищенского завода?

Торнтон. Есть.

Рогинский. Значит, вы собирали сведения военного характера?

Торнтон. Это обывательские сведения.

Рогинский. Эти «обывательские» сведения, имеющие военно-государственное значение, вами собирались?

Торнтон. Нет, не собирались, мне эти сведения попали случайно.

Вышинский. От кого?

Торнтон. Я ей-богу не знаю. Если говорить подробно...

Вышинский. Скажите коротко—от кого?

Торнтон. Простые ответы не годятся. Можно немного подробнее?

Рогинский. Пока можно зафиксировать следующее, что случайные сведения военно-государственного значения к вам попадали и вы их собирали по Путиловскому заводу.

Торнтон. Они попадали и больше ничего.

Рогинский. По Путиловскому заводу, Мытищенскому заводу и такого же рода сведения по поручению Гусева через Макдональда попадали к вам и по Златоусту?

Торнтон. Нет.

Рогинский. 10 минут тому назад вы это подтвердили, отвечая на вопрос Вышинского.

Торнтон. Я только знал, что там делали снаряды и больше ничего.

Рогинский. Перейдем к другим фактам. Следовательно тут записал с датой 4 апреля: «При предъявлении обвинения подсудимому Торнтону ему было предъявлено постановление по 4 пунктам. Первый пункт обвинения—занимался экономическим и военным шпионажем. Второй пункт—привлек для шпионской работы ряд советских инженеров и техников и давал им разными суммами деньги за передаваемые сведения. Третий пункт—как лично, так и через посредство Макдональда и других инженеров указанной фирмы, ему подчиненных, систематически давал взятки ряду советских инженеров за скрывание ими дефектов в оборудовании, поставляемом фирмой «Метро-Виккерс». Четвертый пункт—давал задания Макдональду и другим инженерам фирмы: организовывал и проводил через посредство специально привлеченных советских инженеров и техников порчу оборудования и аварии на ряде электростанций и предприятий СССР».

Предъявили вам это обвинение?

Торнтон. Да.

Рогинский. Вслед за этим написано Торнтоном следующее: «Виновным себя в предъявленных мне обвинениях я признаю кроме 4-го пункта, т. е. кроме организации аварий». Следовательно в экономическом и военном шпионаже виновным себя признали?

Торнтон. В данном документе да.

Рогинский. В даче денег за экономический и военный шпионаж признали себя виновным?

Торнтон. В этом документе да.

Рогинский. В даче взяток за скрытие дефектов оборудования себя признали?

Торнтон. В этом документе да.

Рогинский. Этот документ от 4 апреля, данный не в ОГПУ, а у следователя по важнейшим делам в присутствии заместителя прокурора республики.

Перехожу дальше. На другом допросе, произведенном вам 20 марта заместителем прокурора республики Рогинским в присутствии прокурора республики Вышинского, вы помните ваши показания по этому же вопросу?

Торнтон. Это было в ГПУ?

Рогинский. Допрос был произведен в ГПУ заместителем прокурора в присутствии прокурора республики. Вот что в протоколе написано: «Мне объявлено, что дело, возбужденное против меня органами ОГПУ, передано в прокуратуру». Вам было сказано, что с этого момента уже дело передано в прокуратуру и следствие ведется прокуратурой. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. «Данные мной сведения в органах ОГПУ были предъявлены на этом допросе». На этом допросе ваши показания предъявлялись?

Вышинский. Были вам предъявлены вот эти показания от 11 марта?

Торнтон. Я хорошо не помню, может быть были.

Вышинский. Вы обсуждали их в нашем присутствии, эти три предыдущих протокола. Постарайтесь припомнить.

Торнтон. Не знаю.

Вышинский. Значит на этот вопрос мы не получаем от вас ответа. Помните ли вы, что 19 марта, примерно в 6 часов вечера вам было предъявлено товарищем Рогинским, в присутствии прокурора республики, несколько ваших показаний, данных вами в ОГПУ, вы ознакомились с ними и после этого вам был предложен ряд вопросов. Вы это помните?

Торнтон. Да, помню.

Вышинский. Значит можно удостоверить, что вам были предъявлены Рогинским, в присутствии прокурора республики ваши предыдущие показания?

Торнтон. Да.

Рогинский. В этом протоколе после предъявления вы признали следующее: «Признаю свою виновность в том, что, состоя главным инженером по монтажу фирмы «Метро-Виккерс», занимался шпионажем».

Говорили вы это?

Торнтон. Да.

Рогинский. Дальше: «В том, что для проведения означенной шпионской деятельности я привлек ряд русских инженеров и техников, фамилии которых указал в ранее данных показаниях».

Ваше показание?

Торнтон. Да.

Рогинский. «В том, что за проводимую шпионскую работу выплачивалось привлеченным мною лицам денежное вознаграждение».

Ваше показание?

Торнтон. Да.

Рогинский. «В том, что эта работа проводилась в соучастии не только с привлеченными русскими инженерами и техниками, но проводил и организовывал ее по соучастию с рядом работников фирмы «Метро-Виккерс» — Макдональд, Кушни, Монкгауз и ряд других, указанных в протоколе от 13 марта 1933 года, о которых буду говорить дальше». Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Эти показания были даны вами?

Торнтон. Да, вы их писали.

Рогинский. Правильно. Записаны с ваших слов?

Торнтон. Писали-то вы?

Рогинский. Говорили-то вы?

Торнтон. Я так хорошо по-русски не говорю.

Рогинский. Хорошо, когда окончим эти показания—посмотрим, кто писал эти показания.

Вышинский. Все то, что здесь записано, вы говорили или нет?

Торнтон. Я говорил так, но отрицаю их, конечно.

Рогинский. Дальше: «Признаю вину в том, что я давал взятки русским инженерам и техникам за сокрытие ими дефектов и недостатков в работе поставляемых нашей фирмой машин и оборудования». Эти показания вами давались?

Торнтон. Давались.

Рогинский. Наконец седьмое: «В том, что давал взятки за собирание мне сведений о предполагаемом получении машин и оборудования из-за границы». Так?

Торнтон. Я говорил так, но давать не давал.

Рогинский. Я прошу разрешения предъявить эти показания Торнтону и спросить, кто их писал. Он говорит, что я их писал (показывает Торнтону). Это ваша рука?

Торнтон. Моя рука. Это перевод того, что вы писали.

Вышинский. Кто вел этот допрос, кто вас спрашивал и кому вы отвечали?

Торнтон. Помощник прокурора гражданин Рогинский.

Вышинский. Значит он вас допрашивал?

Торнтон. Да.

Вышинский. Он записал то, что вы ему говорили, или не то, что вы говорили?

Торнтон. Дело было так. Он собрал все те сведения, которые я писал в ОГПУ.

Вышинский. Он вам их предъявил?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы просмотрели и прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. И потом отвечали?

Торнтон. И потом он написал.

Вышинский. То, что здесь написано Рогинским, это то, что вы ему говорили, или не то, что ему говорили?

Торнтон. Я так хорошо по-русски говорить не умею.

Вышинский. По этому протоколу сколько времени был допрос? 5 минут—10 минут или час?

Торнтон. Совсем мало.

Вышинский. Примерно около часу?

Торнтон. Не больше.

Вышинский. Он писал то, что вы говорили, или он говорил, а вы соглашались?

Торнтон. Он говорил, а я соглашался.

Вышинский. А почему вы соглашались?

Торнтон. Я соглашался на основании этих ложных бумаг.

Рогинский. А 4 апреля вы подтвердили эти показания? Почему вы их подтвердили?

Торнтон. 4 апреля в ОГПУ подтвердил.

Рогинский. А после вручения вам обвинительного заключения вы какое-нибудь заявление сделали по поводу этого показания?

Торнтон. Не делал, потому что не знал, что можно делать.

Вышинский. А вам не было объявлено, что можно сделать замечания?

Торнтон. Мы пришли в комнату, нам дали бумагу и сказали — распишитесь. Вот все.

Вышинский. А вы прочитали, что подписали в прокуратуре республики?

Торнтон. Я не был в прокуратуре республики кроме того случая, когда приходили за вещами.

Рогинский. Вот протокол объявления, что предварительное следствие закончено. Оглашаю: «4 апреля 1933 года следователь по важнейшим делам при прокуроре республики Шейнин, руководившийся 207 ст. УПК, объявил Торнтону о том, что предварительное следствие по его делу окончено, и Торнтон заявил — дополнить показания ничем не могу, желаю ознакомиться с делом и желаю иметь защитника».

Это было 4 апреля?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит 4 апреля, когда вам было объявлено об окончании следствия, вы никаких заявлений не сделали. 5 апреля, когда вы в ОГПУ уже не были, вы заявления не сделали, 6 апреля вы заявления не сделали, 7 апреля вы заявления не сделали.

Торнтон. Я не понял, что можно. Я знал, что суд будет разбирать.

Рогинский. Суд и разбирает. Значит до открытия судебного заседания вы такого заявления не сделали?

Торнтон. Мне говорили, что нельзя.

Рогинский. Вас спрашивали, чем вы желаете дополнить оконченное предварительное следствие или какие заявления имеете?

Торнтон. Я не дополнить хотел, а взять обратно. (Шум в зале.)

Вышинский. Следовательно можно установить. Во-первых, Торнтон на всех допросах давал показания по всем эпизодам, по которым допрашивался. Всюду, в каждом следующем показании, он подтверждал

свои предыдущие показания. Правильно? Нигде, никогда, ни в присутствии следователя по важнейшим делам, ни в присутствии прокурора и его заместителя точно так же никаких попыток опорочить эти свои показания не проявил. Не проявил своего недовольства этими показаниями. Правильно это?

Торнтон. Да, я считал, что это делать нужно на суде.

Вышинский. И кроме того 19 марта на специально поставленный вопрос о том, как он давал свои показания на предварительном следствии в ОГПУ, — дал следующий ответ, который я прошу разрешить мне огласить с тем, чтобы можно было спросить по этому поводу Торнтон.

Торнтон 19 марта сообщил: «Эти показания мной даны совершенно добровольно, без какого бы то ни было влияния или давления. Показания мной даны на английском языке и подписаны собственноручно. Протоколы очных ставок между мной и Гусевым и между мной и Кутузовой, предъявленные мне на этом допросе, в котором я подтвердил факт своей шпионской работы, мои связи с другими лицами, я читал, никаких замечаний сделать к записям этих протоколов не могу. Протокол записан правильно и подтвержден моей подписью. Протокол мной прочитан, записан правильно. Торнтон, 19 марта 1933 года».

Подтверждаете это?

Торнтон. Нет. Это было написано; подпись моя.

Вышинский. Вы подтверждаете, что добровольно давали, без всякого влияния, без всякого давления?

Торнтон. Да.

Вышинский. Все, что вы прочитали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Потом подписали?

Торнтон. Да, и теперь суд будет разбирать их.

Председатель. Для чего же вы все-таки давали тогда такие сведения, лишь для того, чтобы отнимать у всех время—у суда, у прокуратуры, или из каких-либо особых соображений? Ведь то, что вы говорите, является абсурдом,—вы в продолжение трех недель давали показания с тем, чтобы их теперь отрицать.

Торнтон. Я просто...

Председатель. Решили дать работу суду?

Торнтон. Я делал это потому, что, как я говорил, я был напуган.

Председатель. Как напуган, кем напуган, где и когда напуган?

Торнтон. Не напуган арестом, последствиями, а просто вот...

Председатель. Нет, вы отвечайте точно, чтобы было всем ясно и понятно—кем напуганы, когда напуганы, в какой комнате?

Торнтон. Я хочу говорить через переводчика.

Председатель. Когда вы затрудняетесь ответить, вы всегда прибегаете к помощи переводчика. Ну, что ж, пожалуйста.

Торнтон. Нет, я по-русски. Я просто боялся, а чего и сам не знал.

Председатель. И вы боялись 11 марта, 12 марта, 13 марта и 4 апреля, вы боялись повидимому и 10 апреля, накануне суда, потому что никаких заявлений не сделали?

Торнтон. Там есть некоторые правильные моменты, но некоторые

я хотел взять обратно, и мне говорили, что это нужно сделать во время суда.

Председатель. Кто вам говорил, назовите фамилию?

Торнтон. Мне говорил... (вспоминает).

Вышинский. Это уж не так важно. Разрешите узнать вот что. Меня интересует обстановка, в которой вы в прокуратуре республики допрашивались моим заместителем Рогинским, в моем присутствии, тогда эти факты, которые здесь изложены, они точно были записаны, как вы их излагали, или не точно?

Торнтон. Как говорил. Да, правильно.

Вышинский. Ничего не извращено?

Торнтон. Нет, чтоб вы что-нибудь переменили—нет.

Вышинский. Рогинский может быть?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Может быть ОГПУ извратило?

Торнтон. Нет, это моей собственной рукой подписано все.

Вышинский. И вашей головой. Ведь когда вы писали, вы обсуждали, думали?

Торнтон (молчит).

Председатель. А теперь чья голова за вас думает?

Торнтон. Теперь я чувствую себя иначе.

Вышинский. Давайте закончим с этим протоколом. Мне важно установить факт. Мы ведь выводы будем делать потом. Мне сейчас важно подтвердить из показаний, которые были даны 19 марта, что факты, которые здесь изложены, действительно излагались вами, что никакой фальсификации, подтасовки здесь не было допущено?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Показания, которые были вами даны до этого, были также даны совершенно свободно, добровольно, без каких бы то ни было давлений и принуждений. Правильно я вас понимаю?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Больше у меня вопросов нет.

Разрешите перейти к Макдональду. В январе 1932 года приезжала к вам в Зуевку Рябова. Что привезла вам Рябова, приехавши в Зуевку?

Макдональд. Письмо.

Вышинский. От кого?

Макдональд. От Гусева.

Вышинский. Вы прочитали это письмо?

Макдональд. Прочитал.

Вышинский. Что в этом письме было?

Макдональд. Сведения, информация, которая..

Вышинский. Которую вам, вообще давали?

Макдональд. Да.

Вышинский. Что сделали с письмом?

Макдональд. Бросил в печку.

Вышинский. Сожгли?

Макдональд. Да.

Вышинский. Почему сожгли это письмо?

Макдональд. Вообще я все письма сжигаю.

Вышинский. Все письма от Гусева?

Макдональд. Не только от Гусева, но и все.

Вышинский. Всю переписку сжигали?

Макдональд. Да.

Вышинский. А это письмо особенно?

Макдональд. Нет, так же, как и другие.

Вышинский. С кем еще переписывались?

Макдональд. В России?

Вышинский. Да.

Макдональд. Ни с кем.

Вышинский. Только с Гусевым?

Макдональд. Да.

Вышинский. И все письма, которые получали от Гусева, вы бросали в печку?

Макдональд. Да.

Вышинский. Больше нет вопросов.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Какую сумму денег вы получили от Торнтон?

Макдональд. Я не могу припомнить.

Брауде. А не было ли случая, чтобы вы сами перевели Торнтону какую-нибудь сумму денег?

Макдональд. Нет.

Брауде. Вы перевели из Англии 66 фунтов для Торнтон. Не помните такого случая?

Макдональд. Нет.

Брауде. Такого случая не было, или вы не помните?

Вышинский. Он сказал, что не помнит.

Брауде. Вопрос Торнтону. Будьте добры сказать, сколько всего и какие суммы денег и при каких обстоятельствах вы давали Макдональду?

Торнтон. Я платил ему 2 000 рублей. Макдональд дал чек на 66 фунтов, который я послал в свой банк.

Брауде. Откуда вы получили эти деньги? Откуда он их перевел? Через какой банк?

Торнтон. Нужно будет посмотреть.

Брауде. У вас есть документ?

Торнтон. Да.

Брауде. Официальный документ, который мы представим суду?

Вышинский. Вопрос защитника Брауде касается какого-то документа, который никому не предъявлен. Мне кажется правильнее был бы иной порядок: нужно было бы предъявить сначала документ, а потом вести допрос.

Брауде. Слушаю, я полагаю, что сделаю это в конце допроса.

Мы сейчас заканчиваем допрос подсудимого Макдональда. Прокурор допрашивал подсудимого Торнтон. Я думаю, что мне можно его допрашивать в связи с допросом Макдональда.

Вышинский. Но нужно предварительно передать документ, а потом уже допрашивать.

Сейчас был предъявлен какой-то документ. Защитником Брауде были заданы вопросы в связи с документом, поэтому я прошу дать возможность ознакомиться с этим документом. После этого было бы целе-

сообразно проверить, дополнить или повторить ряд вопросов, которые по этому документу были заданы. Я об этом ходатайствую.

Председатель. Документ вы сейчас получите и с ним ознакомитесь.

Смирнов. Скажите, Макдональд, какое образование вы получили? Учились ли вы в средней школе, в колледже?

Макдональд. Нет.

Смирнов. Почему нет?

Макдональд (перевод). Когда мне было 11 лет, я получил увечье и не мог посещать школу.

Смирнов. Какое увечье?

Макдональд (перевод). Нога.

Председатель. Что нога?

Макдональд (перевод). Смещение кости.

Смирнов. А затем вы учились в Шефилдском университете?

Макдональд (перевод). Во время, когда я не мог посещать школу, я занимался дома.

Смирнов. Что это значит—я не совсем понимаю. Это то, что по-русски называется вольнослушатель университета или штатный студент?

Макдональд (перевод). Я был штатным студентом университета.

Смирнов. Был штатным студентом. Разве можно поступить в английский университет, не имея какого-нибудь документа из средне-учебного заведения?

Макдональд (перевод). Принимая во внимание мои особые обстоятельства, можно было.

Председатель. Какие же особые обстоятельства?

Макдональд (перевод). То, что я не мог посещать обычную среднюю школу.

Смирнов. Вы держали какой-нибудь экзамен, испытания при поступлении в университет?

Макдональд (перевод). Да, я держал вступительный экзамен.

Смирнов. Скольких лет вы поступили?

Макдональд (перевод). 16 лет.

Смирнов. Когда вышли из университета, какого возраста были?

Макдональд (перевод). Я ушел после первого курса. Мне было 17 лет.

Смирнов. Значит были в университете в течение одного курса?

Макдональд. Да.

Смирнов. Таким образом являетесь ли вы инженером в русском смысле слова, т. е. окончившим высшее учебное заведение или по-теперешнему прошедшим большой практический стаж?

Макдональд (перевод). Я себя считаю инженером по своей практической работе.

Смирнов. Гражданин Макдональд является тем, что у нас называется старший монтер или техник, или это надо считать выше? Ведь вы знакомы с русскими монтерами и техниками. Считаете ли вы, что имеете большее образование, чем они, или нет?

Макдональд (перевод). Я считаю, что у меня образование больше, чем у обычного монтажника.

Смирнов. Во всяком случае можно сказать, что вы были в московской конторе или вообще в фирме «Метро-Виккерс» рядовым монтажным инженером?

Макдональд. Да.

Смирнов. Не можете ли вы сказать какое вы получали жалование в Англии, когда работали по выходе из Шефилдского университета?

Макдональд (перевод). Я поступил на завод «Метро-Виккерс» в качестве ученика и получал 2 фунта 10 шиллингов в неделю.

Смирнов. На наши деньги приблизительно 25 рублей?

До отправления в Россию, какое получали максимальное жалование, служа в Англии?

Макдональд (перевод). До отъезда в Россию мое жалование было повышено до 3 фунтов в неделю.

Смирнов. Какое жалование вам было уплачено в России?

Макдональд (перевод). 12 фунтов в неделю.

Смирнов. 12 фунтов в неделю. Это было все, что вы имели от фирмы «Метро-Виккерс» в смысле денежном?

Макдональд. Это было условленное стандартное жалование.

Смирнов. Уплачивалось ли это жалование вам в валюте или каким образом?

Макдональд (перевод). Я получал в советской валюте 189 руб. в месяц, а остальные деньги я получал в английских, которые зачислялись на мой счет в Англии.

Смирнов. Значит так: из получаемых вами денег в Англии в банк вносилась вся сумма за исключением 20 фунтов, которые составляли по русскому курсу 189 рублей. Так?

Макдональд. Да, так.

Смирнов. Эти 189 руб. выплачивались вам в советской валюте? Так?

Макдональд. Так.

Смирнов. Какие-нибудь еще дополнительные средства вы получали по командировкам, то, что у нас называется суточными, квартирными, ваша квартира оплачивалась или кем предоставлялась?

Макдональд (перевод). Квартира, свет и отопление были предоставлены мне русскими властями.

Смирнов. Тем заводом, на котором вы работали?

Макдональд. Да.

Смирнов. Получали ли вы какие-нибудь посылки продовольственного порядка, одежды, обуви из Англии, через контору «Метро-Виккерс» или непосредственно?

Макдональд. Получал.

Смирнов. Значит вы имели квартиру, отопление и освещение от завода. Вы получали продовольственные посылки, одежду и обувь из Англии. Затем вы располагали 189 руб., т. е. 20 фунтами, которые в переводе на русскую валюту составляют 189 рублей. Так?

Макдональд. Так.

Смирнов. Это все средства, которые вы имели. Скажите пожалуйста, почему у вас образовалась задолженность в кассе конторы, о которой говорит Торнтон, что у вас была большая задолженность,—если она была, то почему?

Макдональд. Я тратил много денег.

Смирнов. На что? На свои нужды?

Макдональд. На свои нужды.

Смирнов. Или вы тратили на то, что давали деньги Гусеву, монтерам?

Макдональд. Я тратил деньги, которые были на моем счету, на себя и кроме того я давал монтерам.

Смирнов. Скажите, когда было окончено дознание в ГПУ, то вы также были допрошены следователями по данному делу?

Макдональд (перевод). Да.

Смирнов. В присутствии прокурора республики и заместителя прокурора республики?

Макдональд. Да.

Смирнов. Вы подтвердили все ваши показания, которые дали раньше?

Макдональд. Да.

Смирнов. А кроме того не обращались ли вы с каким-либо личным заявлением, адресованным на имя председателя Верховного суда или на имя председателя Государственного политического управления?

Макдональд (перевод). Прошу повторить вопрос.

Смирнов. Я спрашиваю—не обращались ли вы с заявлением на имя прокурора Верхсуда и председателя ОГПУ?

Макдональд. Да.

Смирнов. Не можете ли вы приблизительно сказать, что было в этом заявлении написано?

Председатель. Если нужно, это можно огласить.

Макдональд (перевод). В настоящее время я не желаю повторять это заявление.

Смирнов. Тогда у меня больше вопросов нет.

Макдональд (перевод). Я не хочу, чтобы это заявление было прочитано в данный момент.

Смирнов. Пожалуйста. У меня больше вопросов нет.

Председатель. У других защитников есть вопросы?

Коммодов. Скажите, Макдональд, вы признали, что давали сведения политического, экономического, военного секретного свойства, признали акты диверсии, подкупа. Получали ли вы непосредственно от Монкгауза какие-нибудь поручения по той, по другой или по третьей линии обвинения?

Макдональд. Нет.

Коммодов. Давали ли вы когда-нибудь непосредственно Монкгаузу информации о проделанной работе по той, другой, или третьей из основных линий обвинений?

Макдональд. Нет.

Коммодов. Вы ответили на вопрос прокурора республики, что об участии других инженеров фирмы «Метро-Виккерс» вы только предполагаете. Вы подтверждаете это?

Макдональд. Да.

Коммодов. У меня вопросов больше нет.

Позвольте обратить внимание судей на то, что показания Макдональда находились в соответствии с показаниями Макдональда, данными на предварительном следствии в части тома XII, листа дела 64.

Председатель. Есть еще вопросы у защиты?

Вышинский. У меня вопрос к Макдональду по поводу Монкгауза. Монкгауз участвовал в нелегальной работе, которую вела группа разведчиков, в том числе и Торнтон?

Макдональд. Этого я не знаю.

Вышинский. Как вы предполагали?

Макдональд. Мы все служащие этой фирмы думали,—раз один занимается этим делом, значит все занимаются.

Вышинский. Я хотел напомнить для уточнения. В томе XII лист 10 вы говорите: «Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтон; разъездным помощником Торнтон и участником шпионской работы являлся офицер британской армии Кушни, сейчас инженер фирмы «Метро-Виккерс». Это главная группа разведчиков, которые занимались шпионажем в СССР.

Тут вы говорите, что возглавлял представительство Монкгауз, который повидимому также участвовал в нелегальной работе. На вопрос относительно Кушни, вы говорите, что предполагали, что Кушни участвовал также. Вы это подтверждаете?

Макдональд. Да, я предполагал...

Вышинский. Что Монкгауз участвовал в шпионской работе?

Коммодов. Я должен обратить внимание Суда на то обстоятельство, что это единственное показание Макдональда, которое огласил сейчас прокурор республики. В этом показании—лист 10 от 12 марта—имеется следующее место: «Все получаемые мною данные я передавал только Торнтону».

В показании от 13 марта, лист 14, имеется следующее место: «Когда я был в Златоусте, меня посещал Торнтон, и к нему поступали все информации».

Лист 64 от 19 марта, он говорит еще раз по вопросу, о котором вы спрашивали: «Зная, что это преступление против СССР, я привлек к соучастию не только русских инженеров и техников, но и служащих «Метро-Виккерс», названных мною в моих прежних показаниях, действуя непосредственно с Торнтоном и предполагая участие в этой деятельности Монкгауза, Кушни».

Лист дела 64, том XIII, по тому же самому вопросу: «Считаю необходимым произвести запись в протокол этого допроса, что все директивы и инструкции по шпионажу, организации аварий и порче машин я получал от Торнтон».

Считаю также необходимым отметить, что сведения шпионского характера, передаваемые Торнтону, передавались им «Интеллиженс-Сервис».

Вышинский. Разрешите зафиксировать следующие два факта: во-первых, что о Монкгаузе Макдональд показывает не один единственный раз, а два раза: он указывал, что Монкгауз участвовал в этой деятельности, т. е. деятельности, связанной с военным и прочим шпионажем, наряду с другими лицами. Это он показывает на листе 10-м, это он показывает на листе 64-м, как правильно отметил здесь защитник Коммодов. Следовательно не один раз, а два раза.

Коммодов. Только с одним коррективом «предполагая».

Вышинский. Теперь разрешите высказаться по поводу документа, о котором защита возбудила ходатайство о приобщении.

Брауде. Этот документ приобщается по следующему поводу: в вопросах прокурора—давал ли Торнтон деньги Макдональду—шла речь о 2000 рублях. В разъяснение того, какие это были 2000 руб., Торнтон предъявляет документ, который должен свидетельствовать, что это были деньги в погашение дебиторской задолженности.

Вышинский. Здесь предъявлено 3 листа: первый лист содержит в себе сообщение, написанное на английском языке, со штампом, если я не ошибаюсь, английского посольства, в котором указано, что министерство иностранных дел препровождает такую-то телеграмму.

Второй документ содержит в себе текст этой телеграммы в переводе.

И третий документ содержит в себе какое-то, никем не подписанное объяснение. Объяснение очевидно самого подсудимого.

Не подвергая никакому сомнению достоверность первых двух документов, я считаю абсолютно невозможным приобщать к делу какие-то, никем не подписанные документы.

Брауде. Последний документ попал случайно, это моя ошибка.

Вышинский. Давайте исправим эту ошибку. Так вот, против приобщения последнего документа, т. е. этого объяснения, никем не подписанного, я возражаю.

Брауде. У меня просьба все-таки этот документ на английском языке предъявить Макдональду. И разрешите мне спросить его, что он означает.

Вышинский. Может быть правильнее поступить так: предварительно задать ему вопрос такого рода: имелись ли между Макдональдом и Торнтоном какие-нибудь денежные расчеты через английский банк?

Макдональд. Да.

Вышинский. Имелись. Второй вопрос: связаны ли эти расчеты именно с оплатой различным инженерам за услуги или не связаны?

Макдональд. Не связаны совсем.

Вышинский. И не касаются ли тогда эти расчеты каких-то личных взаимоотношений, которые были между Торнтоном и Макдональдом, не имеющих отношений к существу настоящего дела.

Макдональд. Никакого отношения не имели.

Председатель. Если не имеют никакого отношения, то зачем приобщать?

Брауде. Я полагал, что сейчас мое право опрашивать Макдональда. Товарищ Вышинский использовал мое право. Я прошу разрешить мне использовать мое право. Вопрос определяется не только показаниями Макдональда, но и показаниями Торнтон.

Вышинский. Разрешите теперь использовать мне свое право. У меня есть три вопроса, на которые я получил исчерпывающие ответы. Четвертый вопрос: имел место перевод вами 66 фунтов стерлингов в августе 1932 года на имя Торнтон через английский банк, или вы этого не помните?

Макдональд. Повторите еще раз.

Вышинский. Был ли случай, что в августе 1932 года вы перевели через английский банк на имя Торнтон 66 фунтов стерлингов?

Макдональд. Да.

Вышинский. По какому поводу? Почему вы перевели ему эти деньги?

Макдональд. Я у него купил советские деньги и ему дал за это чек.

Вышинский. А почему вы купили эти советские деньги?

Макдональд (перевод). Был перебор по личному счету.

Вышинский. Как образовался этот перебор?

Макдональд. Я очень много денег тратил.

Вышинский. Для кого? Для себя или на какие-нибудь надобности?

Макдональд. Для себя.

Вышинский. Вам, что же, нехватало вашего жалования?

Макдональд. Нехватало.

Вышинский. У меня вопросов нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, Макдональд, какова сумма перебора?

Макдональд. Около 21½ тысяч.

Брауде. Эти советские денежные знаки были приобретены вами непосредственно или Торнтоном для вас?

Макдональд (перевод). Я приобрел их у Торнтон.

Брауде. Как нужно понимать? Сначала вы получили эти деньги, потом перевели из Лондона английский эквивалент, или одно было непосредственно связано с другим. В Англии это было или в СССР? Где получили эти деньги?

Макдональд (перевод). Получал в СССР.

Брауде. Таким образом вы признаете, что получили некоторую сумму денег, как показал и Торнтон, в погашение его задолженности. Так или нет?

Макдональд (перевод). Да.

Брауде. Вопросов к Макдональду больше нет.

Вышинский. Позвольте вопрос для уточнения. Это было для погашения задолженности, связанной с его личными нуждами?

Макдональд (перевод). Да.

Вышинский. А 21½ тысячи, которые он давал Гусеву, это те же деньги или другие?

Макдональд. Это совсем другое дело.

Председатель. Какое отношение к делу имеет данная справка?

Брауде. Мне приходится считаться с объяснениями, которые давал мой подзащитный, а он объясняет, что давал единожды и именно в этом случае. Я представляю документ, который представляется моим подзащитным.

Будьте добры, Торнтон, объяснить, что вы хотели сказать этим документом, который дали мне?

Торнтон. Я хотел сказать, что это единственная сумма, которую я дал Макдональду.

Вышинский. У меня вопрос к Торнтону. Почему за 2000 вы платили 66 фунтов? Сколько стоили в то время 66 фунтов официально по курсу, а не по черной бирже—рублей 500?

Торнтон. Рублей 500.

Вышинский. Значит вы за 500 руб. покупали 2000 рублей? Больше у меня вопросов нет.

Брауде. У меня вопрос к подсудимому Торнтону. Вы слышали, что Макдональд признал перед судом и на предварительном следствии, что им предпринимался целый ряд аварийных вредительских шагов, что он

участвовал в шпионаже? Он это делал по вашему поручению или на свой страх и риск?

Торнтон. Я поручений не давал.

Брауде. Значит на свой страх и риск?

Вышинский. А вам было известно, что он это делал?

Торнтон. Нет, иначе я бы его уволил. Если бы я знал, что он вредит, я бы его уволил.

Председатель. А если бы он занимался военным шпионажем, вы бы не уволили?

Торнтон. Тоже уволил бы.

Вышинский. А за обывательские сведения о снарядах не уволили или тоже уволили бы?

Торнтон. За обывательские сведения—зачем же?

Вышинский. За сведения о снарядах? Вы помните, что получали обывательские сведения о снарядах? За это вы бы уволили?

Торнтон. Конечно, нет. Это всякий может знать.

Вышинский (Макдональду). Знал Торнтон об этих авариях или не знал?

Макдональд. Я подтверждаю мои показания.

Вышинский. Знал или не знал?

Макдональд. Знал.

Вышинский. У меня вопросов к Макдональду больше нет.

Председатель. У подсудимых есть вопросы к Макдональду?

Подсудимые. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы к Макдональду?

Защита. Нет.

Брауде. Теперь разрешите мне. Обвиняемый желает предъявить еще одно доказательство подтверждения своей версии о происхождении этой суммы денег.

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. По первому вопросу есть определение суда о приобщении телеграмм?

Председатель. Нет еще.

Брауде. Разрешите представить книгу. Здесь имеется запись в 2 000 рублей.

Председатель. Что это за книга?

Брауде. Книга бухгалтерская «Метро-Виккерс».

Торнтон. Эта книга персональных счетов.

Председатель. Заверена она кем-либо? Есть подписи?

Брауде. Книга, которая ведется у них.

Вышинский. Можно ознакомиться?

Председатель. Пожалуйста. Вопросы к подсудимому Макдональду я полагаю закончены.

Смирнов. Я прошу разрешить мне задать вопрос Торнтону в связи с этим инцидентом, касающимся Макдональда.

Председатель. Пожалуйста.

Смирнов. Гражданин Торнтон, вы подтверждаете то, что показал Макдональд, что его жалование выплачивалось ему частью в английской валюте, а 20 фунтов выплачивалось здесь в СССР в русской валюте?

Торнтон. Да, подтверждаю.

Смирнов. Таким образом если он 12 фунтов зарабатывал в неделю, т. е. 48—50 фунтов в месяц, то выходит, что приблизительно 30 фунтов лежали на его текущем счете в банке в Лондоне.

Торнтон. Это остается в Англии.

Смирнов. Я понимаю, что фирма «Метро-Виккерс» вносила в Лондонский банк на счет Макдональда 30 фунтов ежемесячно?

Торнтон. Служащие сами распределяют, как хотят.

Смирнов. Не можете ли объяснить, если у Макдональда образовалась личная задолженность и вы своих личных денег ему не могли дать, а взяли из кассы Московской конторы, то почему нельзя было снестись с вашей Лондонской конторой, чтобы перестали вносить на его текущий счет эти 30 фунтов и таким образом покрыть перебор.

Торнтон. Можно было так сделать, но тогда была бы большая задолженность.

Смирнов. Если бы вы давали из личных ваших средств, я понял бы, что вы требуете, чтобы он перевел через банк деньги, когда приедет в Лондон. Это было бы понятно. Но ведь вы эти деньги, которые по вашим словам были нужны Макдональду на его личные нужды, взяли из кассы Московской конторы. В то же время в Лондоне это самое предприятие «Метро-Виккерс» продолжало вносить на счет Макдональда по 30 фунтов в месяц. Не проще ли было бы приостановить этот платеж на 2 месяца и таким образом покрыть его задолженность? Фактически это все равно. Приехали в Лондон и через тот же банк переводите те же 60 фунтов, которые можно покрыть через 2 месяца, если вы распорядитесь перечислить на его текущий счет.

Торнтон. Если бы Макдональд посылал деньги сюда, то для того, чтобы заплатить 2 000 руб., нужно было платить 200 фунтов, потому что у нас был такой старый курс, а таким образом, как я сделал, он заплатил только 66 фунтов. Правда, это нелегально, я не спорю.

Смирнов. И вы за 66 фунтов где-то купили, как у нас называется, на черной бирже 2 000 рублей. Так?

Торнтон. Так.

Смирнов. Хорошо. Вы в этой части поступили нелегально, но зачем вам нужно было получать перевод из Лондона вместо того, чтобы приостановить платежи, пока не будет покрыта задолженность?

Торнтон. Это не касается нашего дела. Макдональд прислал телеграмму, чтоб ему посылали деньги.

Смирнов. Значит он требовал денег на монтаж, а потому не отсчитывался в средствах?

Торнтон. Да.

Смирнов. Это то, что у нас называется растратой.

Торнтон. Это не так, это не растрата.

Смирнов. Ну, будем это называть недостачей.

Председатель. Это не наше дело разбираться—были ли растрочены средства фирмы.

Смирнов. Мне хочется уяснить, почему понадобилась такая комбинация для уплаты растроченных средств.

Вышинский. Я не совсем понял подсудимого Торнтона. Чьи же это в конце концов были деньги—из сумм фирмы или нет?

Торнтон. Нет. Это я лично дал.

Вышинский. Если я правильно уловил ответ на вопрос защитника Смирнова, вы где-то эти 2 000 купили. У кого?

Торнтон. У немецкого специалиста, который уезжал в Германию. Он очевидно много получил советской валюты.

Вышинский. Значит вы купили частным образом?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит это дело никакого отношения к фирме не имеет?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит и эти деньги никакого отношения к фирме не имели?

Торнтон. Так.

Вышинский. Вы для покрытия этих денег приобрели советскую валюту частным образом. Почему же вы эти деньги провели по книгам фирмы? Почему вы провели по книгам, разве частные суммы проводятся в книгах? Ведь книги отражают операции конторы. Что эта за книга?

Торнтон. Личные счета.

Вышинский. Устанавливающие отношения—кого к кому, фирмы к служащим?

Торнтон. Да.

Вышинский. А ваши отношения к Макдональду в этом случае имеют отношение к фирме?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Почему же эта сумма проводилась по книгам, счета которых должны отражать только отношение между фирмой и ее служащими. Может быть это было вроде Долгова с переходящими суммами?

Торнтон. Нет. Я хочу объяснить. Допустим, что мне нужно 1 000 руб. для того, чтобы поехать.

Вышинский. По делам фирмы?

Торнтон. По любым делам. Я беру 1 000 рублей. Я иду к бухгалтеру, беру кассовый ордер, и на дебете пишется 1 000 рублей. Я приезде обратно для того, чтобы избавиться от этой суммы, должен сдать 1 000 руб. или разобрать детально поездку по пунктам, и тогда эта сумма будет сбалансирована. Но в данном случае Макдональд взял 2 000 руб. и обратно заплатил.

Вышинский. Он взял эти деньги у вас?

Торнтон. Нет. Он сделал большой дебетный баланс.

Вышинский. Тогда давайте скажем так, что он растратил деньги?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда он задолжал деньги с вашего разрешения?

Торнтон. Да.

Вышинский. При чем же ваши личные счета?

Торнтон. Чтобы исправить счет, я мог бы Макдональду выдать награду, прибавить жалованье.

Вышинский. А может быть перечислить те суммы, которые вносятся в Лондоне на счет Макдональда в покрытие этой суммы?

Торнтон. Я мог это сделать.

Вышинский. Могли это сделать?

Торнтон. Да.

Вышинский. Почему не сделали?

Торнтон. У него был большой расход.

Вышинский. Всего 66 фунтов.

Торнтон. Если бы не было 66 фунтов, он платил бы по новому курсу 300 фунтов.

Вышинский. Вы дали 66 фунтов.

Торнтон. Если бы через фирму, то 300 фунтов.

Вышинский. Разве фирма обогащается за счет ваших расчетов?

Торнтон. Нет. Для меня это совершенно ясно.

Вышинский. А мне это совершенно не ясно.

Торнтон. Я сознаю, что эта операция—дешевая покупка денег—была незаконной.

Вышинский. Да, не совсем благовидной.

Торнтон. Я не знаю, как это рассматривается в отношении иностранцев.

Вышинский. Иностранцам все можно?

Торнтон. Нет.

Брауде. В середине книги указано, что через Торнтон принято 2 000 рублей.

Вышинский. Когда это было?

Брауде. Это нужно его спросить.

Вышинский. Это было в августе 7 дня, когда были получены 1 500 руб., о которых говорил Торнтон.

Торнтон. Я сказал, что 1 500, а на самом деле 2 000.

Вышинский. Когда это было? Когда Макдональд от вас получил 2 000?

Торнтон. Написано в книге.

Вышинский. Вчера мы установили, что в 1931 году, в связи с пребыванием Макдональда в Златоусте, он получил деньги, которые были первоначально определены в сумме 1 500 руб., а вчера уточнены в 2 000 рублей. Известно, что в 1932 году Макдональда в Златоусте не было? Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит он получил эти деньги, будучи в Златоусте в 1931 году, а в книге говорится об августе 7 дня—какого года?

Торнтон. 1932 года.

Вышинский. Позвольте дать заключение: ввиду того, что из всех данных ясно, что сумма в 2 000 руб., первоначально названная в размере 1 500 руб., по собственным признаниям и Макдональда и Торнтон была первым получена, а вторым дана в июне месяце 1931 года во время пребывания Макдональда в Златоусте... что эта книга отражает в себе операцию, датированную 7 августа 1932 года, я полагаю, что она не имеет никакого отношения к данному эпизоду. Поэтому прокуратура возражает против приобщения данного документа как доказательство.

Председатель. Перейдем к допросу подсудимого Торнтон. Расскажите пожалуйста вкратце вашу биографию.

Торнтон. Родился я в 1887 году, в Ленинграде, тогдашнем Петербурге. Маленьким был взят в Англию. Отец мой был членом семейства Торнтон, которое имело суконную фабрику. Фирма называлась «Т-во шерстяных изделий Торнтон». Он был младшим сыном и имел

мало акций. В Англии я учился и приезжал летом в Петербург на каникулы.

Мой отец уехал с этой фабрики кажется в 1903 году. Поехал в Германию, купил там коверную фабрику и прогорел. Я учился 2 года в Фрейбургском университете.

После этого я учился 2 года в Англии. И работал в разных местах. Диплома я не имею, но имею звание инженера-электрика от института. Высшего учебного заведения я не окончил, но звание инженера-электрика имею.

В 1905 году я был в Домодедове, где отец, после того как он прогорел, заведывал фабрикой, которая делала рукава. Это в Московском районе. Я там был кажется год или немного меньше. Потом поехал в Англию, работал на электротехнических и механических заводах.

В 1911 году я приехал сюда и работал на монтаже московского трамвая.

Я работал на московском трамвае с Монкгаузом. После этого я работал в Домодедове на каменном заводе. Работал как механик.

Председатель. А где вы были во время войны?

Торнтон. Во время войны я был на каменном заводе.

Председатель. А в армии вы не были?

Торнтон. После Брест-Литовска я был один год в армии в Мессопотамии.

Председатель. В качестве рядового?

Торнтон. Да, я был самый низкий чин—электрик...

Председатель. Офицерский чин не имели?

Торнтон. Нет. После этого работал в разных местах. Очень бился после войны, потому что не было мест.

Председатель. Приехали в Россию в 1911 году? А когда уехали?

Торнтон. После Брест-Литовска.

Председатель. В 1918 году?

Торнтон. Да.

Председатель. После революции?

Торнтон. Да.

Председатель. Как понимать—после Брест-Литовска. После Брест-Литовского договора?

Торнтон. Да. Я работал здесь 5 месяцев при большевистской власти. В 1924 году меня нанял Виккерс делать монтажи в Советском союзе. Приехал сюда в ноябре 1924 года. Остальное вы знаете.

Председатель. 9 лет работали здесь?

Торнтон. Да, 9 лет.

Председатель. За этот период часто бывали в Англии. Надолго уезжали или на несколько дней?

Торнтон. Когда был монтажным инженером—один раз в год. Потом, когда был назначен смотреть над всеми,—три раза в год, на две недели каждый раз.

Мартенс. Вы являетесь членом английского общества электриков-инженеров?

Торнтон. Да.

Рогинский. От фирмы «Метро-Виккерс» в каком году приехали в СССР?

Торнтон. В ноябре 1924 года.

Рогинский. Кто вас приглашал на работу фирмы?

Торнтон. Ричардс.

Рогинский. Монкгауз к вашему приглашению имел какое-нибудь отношение?

Торнтон. Да. Одобрил, потому что он был старшим.

Рогинский. До этого вы с Монкгаузом работали в России?

Торнтон. Да.

Рогинский. В 1911 году?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сколько примерно лет вы работали вместе с Монкгаузом?

Торнтон. До революции около года, а после революции скоро будет 9 лет.

Рогинский. Вместе с Монкгаузом ваше пребывание в России исчисляется с 1911 года (если правильно я вас понял) до момента отъезда после Октябрьской революции.

Торнтон. Это правильно. Только мы не вместе приехали в 1911 году.

Рогинский. Да. Но с 1911 по 1918 год работали вместе?

Торнтон. Да, только в разных обществах.

Рогинский. В разных обществах—правильно. Ваши взаимоотношения с Монкгаузом были дружеские, близкие, приятельские?

Торнтон. Очень.

Рогинский. Очень дружеские и очень приятельские?

В 1924 году, когда были приглашены на работу в фирме «Метро-Виккерс», это приглашение было связано со специальным вам поручением ехать на работу в СССР?

Торнтон. Да. Фирма очевидно считала, что я имел опыт, умел кое-как говорить по-русски и т. д.

Рогинский. Знали русский язык, были в России, и поэтому вам было предложено поехать в СССР на работу. Так?

Торнтон. Да, я согласился ехать.

Рогинский. Договор, который был заключен, предусматривал вашу работу в СССР?

Торнтон. Да.

Рогинский. Монкгауз к этому времени был уже в СССР?

Торнтон. Монкгауз был кажется в мае месяце. Он был на Шатуре у Александра Васильевича Винтера, который был начальником строительства в это время.

Рогинский. Он приехал за несколько месяцев до вас?

Торнтон. Он уехал обратно, а потом приехал второй раз. Когда я был, он был с женой и двумя детьми.

Рогинский. В качестве кого вы приехали в 1924 году?

Торнтон. Монтажного инженера.

Рогинский. Где работали?

Торнтон. Сначала на Шатуре.

Рогинский. На Шатурской электростанции. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сколько времени вы там работали?

Торнтон. Сначала мало—несколько месяцев.

Рогинский. Потом?

Торнтон. Потом был переброшен на Шатурскую подстанцию в Москве. Одновременно монтировал в Нижнем и на Московской подстанции.

Рогинский. Значит работали на Нигрэсе. Сколько времени работали на Шатурской подстанции и на Нигрэсе, до какого года?

Торнтон. Я приехал в Ленинград в 1925 году в декабре месяце. Стало быть я покончил с Нижним и Шатурой в декабре месяце 1925 года.

Рогинский. Значит приехали в 1924 году, а кончили в 1925 году?

Торнтон. Да.

Рогинский. После Нигрэса и Шатуры где работали?

Торнтон. На Волховстрое около Ленинграда.

Рогинский. Там сколько времени?

Торнтон. Там примерно один год.

Рогинский. Один год, значит примерно 1926 год?

Торнтон. Да.

Рогинский. После Волховстроя?

Торнтон. Опять Шатура.

Рогинский. Опять Шатура—до какого года?

Торнтон. Там были перерывы, когда я сидел в конторе до 2-й Шатуры и после 2-й Шатуры. После второго шатурского монтажа я был в Москве на Московской подстанции, а в 1928 году я работал на электростанции Москва—Мытищи, на электрической железной дороге.

Рогинский. Это 1928 год. После этой работы вы уже работали при конторе?

Торнтон. Да.

Рогинский. С какого времени?

Торнтон. С 1929 года.

Рогинский. С 1929 года вы назначаетесь кем?

Торнтон. Главным монтажным инженером.

Рогинский. Теперь скажите, по вашей должности главного монтажного инженера конторы вам были подчинены все монтажные инженеры?

Торнтон. Да.

Рогинский. Которые работали на разных наших электростанциях?

Торнтон. Да.

Рогинский. В чем это подчинение выражалось? Каковы были ваши обязательства по отношению к этим монтажным инженерам и ваши права по отношению их?

Торнтон. Я давал им все нужные инструкции.

Рогинский. Значит—инструктаж. А дальше?

Торнтон. Потом отвечал за дисциплину. Вся корреспонденция между заводом и инженерами шла через меня, если была непосредственная корреспонденция.

Рогинский. Инспектирование?

Торнтон. Я инспектировал.

Рогинский. Жалование они получали от вас или через контору непосредственно?

Торнтон. У нас такой порядок. Они получают целиком стерлинги. Могут получить целиком все там или здесь. Могут иметь все в валюте.

Но обычно около 200—300 рублей получают здесь в конторе, а остальные даются или их семье в Англии, или в банк кладутся.

Рогинский. Кто был распорядителем по выдаче жалования у вас в конторе, вы или другие лица?

Торнтон. Это делала бухгалтерия.

Рогинский. Кто выписывал, кто давал распоряжения бухгалтерии?

Торнтон. Когда приходит новый монтер, его спрашивают, сколько он хочет получить в рублях. Он говорит—не знаю. Мы говорим, вы едете на Шатуру, мы пошлем 180 рублей в месяц туда. Тогда я писал записку в бухгалтерию и это делали.

Рогинский. Значит по вашему удостоверению бухгалтерия делала те или иные денежные переводы.

Торнтон. Да.

Рогинский. Корреспонденция от этих монтажных инженеров об их работе или те или иные вопросы, связанные с их работой, непосредственно вам адресовалась?

Торнтон. Они не имели права сноситься непосредственно с заводами.

Рогинский. Не имели права, и сносились только через вас, через контору?

Торнтон. Да.

Рогинский. Но в конторе главным инженером и руководителем были вы?

Торнтон. Да, но был и Монкгауз. Я требовал конечно, чтобы посылали мне, но если меня не было—ему.

Рогинский. Какие взаимоотношения были у вас и у Монкгауза. Он руководил вашей работой, вы были ему подчинены?

Торнтон. Да.

Рогинский. И он непосредственно руководил монтажными инженерами или они сходились у вас и уже вы отчитывались или делали сообщения Монкгаузу?

Торнтон. Они были непосредственно подчинены мне.

Рогинский. На места выезжали вы в качестве инспектора?

Торнтон. Инженер Монкгауз тоже ездил.

Рогинский. Распорядителем кредитов по конторе был Монкгауз?

Торнтон. Да.

Рогинский. И выписка всех денег шла только после того, как Монкгауз делал ту или иную визу.

Торнтон. Обычно он делал визу пост-фактум.

Рогинский. Кто подписывал чеки?

Торнтон. Всегда инженер Монкгауз.

Рогинский. Никто больше не имел права?

Торнтон. Нет, никто.

Председатель. Теперь уже 3 часа. Очевидно у вас допрос будет еще продолжительный.

Рогинский. Да.

Председатель. Объявляется перерыв до 6 часов (15 часов 5 минут).

Заседание закрывается.

В. В. Ульрих

Председатель особой сессии Верховного суда

А. Ф. Костюшко—Секретарь

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ, апрель 13, 1933. 18 ч. 10 м.

Комендант. Встаньте. Суд идет!

Председатель. Садитесь пожалуйста. Заседание возобновляется—18 час. 10 мин. Продолжим допрос подсудимого Торнтона.

Рогинский. Скажите, подсудимый Торнтон, при посылке ваших монтажных инженеров для работы на различных электростанциях были ли вами или кем-нибудь из других руководящих лиц конторы «Метро-Виккерс» в Москве даваемы поручения о собирании каких-либо информации, сведений, данных и т. д.?

Торнтон. Поручал ли я собирать эти сведения? Так я понял?

Рогинский. Я вас спрашиваю, давались ли вами лично или кем-нибудь другим из конторы поручения монтерам или монтажным инженерам, разъезжавшим для работы на различные электростанции, поручения собирать какую-нибудь информацию или какие-либо сведения? Понятен вопрос?

Торнтон. Да. Да, они мне давали сведения.

Рогинский. А вы поручали им собирать эти сведения?

Торнтон. Я думаю, что нет, только они мне давали.

Рогинский. Они вам давали по своему почину или по вашему поручению?

Торнтон. Когда я спрашивал, они давали.

Рогинский. А когда они уезжали на места, они знали, что вы впоследствии будете спрашивать эти сведения?

Торнтон. Все наши монтеры, которые работают за границей, они эту информацию, которая мне нужна, все равно бы собрали.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы слышали показания Торнтона?

Макдональд. Слышал.

Рогинский. Так ли обстояло дело в действительности? Или при вашем приезде в Ленинград и Златоуст дело обстояло иначе? Было вам дано поручение от Торнтона собирать сведения?

Макдональд. Да.

Рогинский (Торнтону). Эти показания Макдональда правильны?

Торнтон. Нет.

Рогинский. У вас очная ставка с Макдональдом была?

Торнтон. Была.

Рогинский. На очной ставке, которая у вас была с Макдональдом, вы подтвердили показания Макдональда, что он от вас получил поручение собирать информацию?

Торнтон. На очной ставке подтвердил.

Рогинский. На очной ставке вы подтвердили показания Гусева?

Торнтон. Я не помню.

Рогинский. Я напомним. Это в томе XVIII, дело Торнтона. Очная ставка между Торнтоном и Гусевым от 15 марта 1933 года, лист дела 71. Был поставлен вопрос Торнтону: «В ваших показаниях от 12 марта вы указали, что инженер Гусев с электростанции Златоустовского завода был связан с Макдональдом, который передавал для вас регулярно в течение ряда лет подробную информацию о политическом состоянии Златоустовского района, о техническом состоянии электростанции и силовых установках. Подтверждаете ли это?»

И ответ Торнтона: «Да, Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».

Торнтон. Да, только я хочу добавить, что я сведения имел от Макдональда о Златоусте, когда Макдональд был в Златоусте, а после того, как он уехал, я никаких сведений не имел.

Рогинский. Я пока не спрашиваю, что было до, что было после, я спрашиваю—известно ли вам было о том, что Макдональд получает информацию от Гусева, и спрашиваю—на очной ставке с Гусевым вы подтвердили это?

Торнтон. Я знал, что Макдональд получает сведения от Гусева.

Рогинский. Систематически получал эти сведения Макдональд от Гусева? Спрошу иначе: часто получал?

Торнтон. Когда я Макдональда видел.

Рогинский. Значит, когда Макдональда видели, он эти сведения давал?

Торнтон. Я видел Макдональда там два раза.

Рогинский. Эти показания правильны?

Торнтон. Там сказано—в течение многих лет.

Рогинский. Тут сказано следующее: «Да, Макдональд передавал мне эти сведения, полученные им от Гусева».

Торнтон. Это верно.

Рогинский. Давайте установим перед судом следующий факт: Макдональд был тем лицом, который для вас собирал информации и сведения по Златоустовскому району.

Торнтон. По Златоустовской электростанции.

Рогинский. Гусев был тем лицом, который для Макдональда собирал сведения по Златоустовской электростанции, и это было вам известно?

Торнтон. Это было мне известно.

Рогинский. Если Макдональд являлся тем лицом, которое передавало вам сведения по Златоустовской электростанции, то следовательно эти сведения являлись теми сведениями, о которых нам говорил здесь Макдональд. Так?

Торнтон. По-моему, так.

Рогинский. Подсудимый Макдональд, вы подтверждаете, что сведения, которые вы собирали по Златоусту и которые передавали Торнтону, как он признал, были сведениями о военном производстве, сведениями о работе военных цехов, сведениями о снаряжных заготовках,

сведениями о типах снарядов, сведениями о расширении военных цехов и т. д.

Макдональд. Да.

Рогинский. Правильно?

Макдональд. Правильно.

Рогинский. Как раз эти сведения вы получали от Гусева и эти сведения передавали Торнтону?

Макдональд. Так.

Рогинский (к Торнтону). Эти сведения вы получали от Макдональда?

Торнтон. Это неправда, я военных сведений не получал.

Рогинский. Вы перед этим сказали, что Макдональд—этот тот человек, который вам давал эти сведения, и сказали, что именно те сведения, о которых говорил Макдональд. Для того, чтобы вам было яснее, я спросил Макдональда, какие это были сведения.

Торнтон. Я понимаю, как это вышло, но я военных сведений от Макдональда не получал.

Рогинский. А какие?

Торнтон. Сведения, которые можно было бы получить для нашей фирмы.

Рогинский. Какие же сведения были интересны для вашей фирмы?

Торнтон. Это были следующие сведения: какие новые дела, какие новые постройки, затем предполагались ли новые заказы на Златоустовской станции, как обращаются с оборудованием, как те предметы, которые принимают от нас, в каком они состоянии и затем в каком состоянии те аппараты, которые передают пар в турбины.

Потом обывательские сведения—как живут рабочие.

Рогинский. Вашу фирму интересовали обывательские сведения, а не обывательские сведения, фактические—не интересовали?

Торнтон. Обывательские сведения—это такие сведения, которые могут быть правильны или неправильны. Я употребил не то слово. Я хотел сказать под словом «обывательских» те сведения, которые не являются государственной тайной.

Рогинский. Эти сообщения о быте рабочих вас интересовали в интересах фирмы?

Торнтон. Да.

Рогинский. Еще какие-нибудь сведения были или только те, которые вы здесь назвали?

Торнтон. Я думаю, что это все.

Рогинский. Ну, хорошо. Теперь пойдем по порядку этих самых сведений. На Златоустовскую электростанцию контора «Метро-Виккерс» какое оборудование поставила?

Торнтон. Она поставила одну турбину в 6 000 киловатт и несколько масляников.

Рогинский. Это была значительная поставка или незначительная?

Торнтон. Нет. Малая.

Рогинский. Малая поставка. Очень незначительное оборудование было поставлено конторой «Метро-Виккерс» на Златоустовской станции. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Хорошо. Предполагалось или не предполагалось расширение Златоустовской электростанции?

Торнтон. Таких сведений я не имею. А может быть и предполагалось.

Рогинский. А может вы имели обратные сведения в связи с работой Челябингрэса?

Торнтон. Я слышал, что будут параллельно работать Челябингрэс и Златоуст.

Рогинский. Златоустовский район был включен в систему снабжения электроэнергией Челябингрэса?

Торнтон. Когда я там был, этого не было.

Рогинский. Я говорю — впоследствии.

Торнтон. Я не знаю.

Рогинский. Была одна небольшая турбина. При этом положении вещей могли бы вас интересовать сведения о состоянии вашего оборудования или это к Златоустовскому району неприменимо?

Торнтон. Конечно нам интересно было знать, потому что из-за маленькой установки больше скандала получается, чем иногда с большой установкой.

Рогинский. Может быть мы уточним тогда ваши показания по этому поводу, данные 27 марта 1933 года заместителю прокурора республики?

Торнтон. Шейнину.

Рогинский. Нет, не Шейнину, а Рогинскому, где вы писали следующее: «Я интересовался только сведениями политического и экономического порядка, могущими быть полезными фирме, как-то: будут ли новые заказы на оборудование, хотя по Златоустовскому заводу эти заказы не предполагались». Эти показания были вами даны?

Торнтон. Да. Мне говорил Макдональд, что не будет заказов.

Рогинский. Я вас только что спросил, было ли вам известно, что заказов по Златоустовской станции не будет. Вы ответили, что не было известно. Следовательно, ваш ответ неверен.

Торнтон. Последние данные, которые я имею, что не будет заказов, что не будет расширения станции.

Рогинский. Значит вам было известно от Макдональда о том, что заказы по Златоустовской электростанции на оборудование не предполагаются. Так?

Торнтон. Да. Насколько ему известно. Это он мне говорил, когда вернулся.

Рогинский. Правильно это?

Торнтон. Да.

Рогинский. Хорошо. Теперь следующие ваши слова. Вы говорите, что «интересовало вас, как обращались с вашими машинами, хотя на Златоусте была всего одна небольшая турбина». Так, правильно?

Торнтон. Правильно.

Рогинский. Следовательно это часть вопросов, могущих интересовать фирму по отношению к Златоусту, равным образом не представляла большого интереса для конторы?

Торнтон. Я повторяю, что из-за этих маленьких машин бывает больше скандалов, чем из-за больших установок.

Рогинский. Я не спрашиваю о скандалах.

Вышинский. Какие были скандалы?

Рогинский. О скандалах мы будем говорить дальше, когда будем говорить в частности о Челябинске. Здесь скандалы по Златоусту были?

Торнтон. Не было.

Рогинский. Если не было скандалов, то и эта часть информации и интерес по этой информации тоже отпадают?

Торнтон. Ведь выходит так, что если информация говорит да, то она информация, а если она говорит нет, тогда она не информация.

Рогинский. Когда нет информации, то действительно нет информации, совершенно ясно.

Торнтон. Нет, выходит так, что если кто-нибудь сказал, что будут заказы — это информация, а если не будет заказов, то это не информация.

Рогинский. Если сказать, что не будет заказов, то это тоже информация, но мы о заказах по-моему договорились. Вы подтвердили свое показание, и мы зафиксировали сейчас перед судом, что на Златоустовской электростанции дополнительные заказы на оборудование не предполагались.

Торнтон. Это было, когда Макдональд уезжал из Златоуста.

Рогинский. Да. Это было когда Макдональд уезжал из Златоуста. Все, что здесь говорится, записывается в стенограмме — каждое слово. Но мы сейчас говорим о сведениях, которые вас могли интересовать по работе поставляемых вами турбин. Там вы поставили небольшую турбину. Скандалов никаких не было — правильно? Претензий к фирме не предъявлялось — правильно?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Ни о каких дефектах или претензиях вы тоже не слышали?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Следовательно правильно или нет, что эта часть информации, которая вас могла интересовать, в данном случае тоже отпадает.

Торнтон. Нет, это не так, потому что у нас есть еще меньшие агрегаты, чем Златоуст.

Рогинский. Я конкретно говорю сейчас о Златоусте. О других агрегатах мы тоже поговорим. Сейчас конкретно о Златоусте. Правильно или неправильно по части информации, могущей интересовать фирму, так сказать фирменной информации, что эта часть информации в отношении Златоуста значения не могла иметь, ибо поставленная турбина работает.

Торнтон. Я не согласен, значение она конечно имеет.

Рогинский. Дальше: «Общее состояние Златоустовской электростанции» — правильно?

Торнтон. Правильно.

Рогинский. Что это значит — общее состояние Златоустовской электростанции?

Торнтон. Мы уже говорили насчет этого. Это есть то, что питает турбины, и то, что питает генераторы. Это общее состояние станции.

Рогинский. А кого снабжает станция и что обслуживает станция— вас не интересует?

Торнтон. Нет, не интересует.

Рогинский. А нагрузка станции?

Торнтон. Нагрузка интересует.

Рогинский. Если нагрузка интересует, общее состояние интересует, то надо знать, что обслуживает станция.

Торнтон. То есть я не понимаю—что обслуживает?

Рогинский. Какие предприятия, какие производства обслуживаются этой станцией?

Торнтон. Нет, это не так. Безразлично, куда этот киловатт пойдет. Это заводу в высшей степени наплевать.

Рогинский. Что же вас интересует? Вы на предварительном следствии были в этом отношении более четки в своих ответах и более понятны, потому что вы сказали: «Интересовала нагрузка электростанции и тем самым электроснабжение Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов». Это ваши показания?

Торнтон. Можно просить переводчика?

Председатель. Пожалуйста.

Торнтон (перевод). Эта часть моих показаний была внушена мне следователем.

Рогинский. А какой следователь вас допрашивал по этим показаниям—следователь ОГПУ или следователь прокуратуры?

Торнтон. Нет, я думаю, что это были вы.

Рогинский. А что же я вам внушил?

Торнтон. Вы все-таки сказали «и заводы, питаемые станцией».

Рогинский. А вы отрицали?

Торнтон. Я думаю, что ну... (машет рукой).

Если я был невежлив, я извиняюсь, «соджестед» (внушите)—это легальное слово.

Вышинский. В показании, которое проверял Рогинский от 27 марта, у вас было несколько вопросов, касающихся того, чем вы интересовались. Первый—будут ли новые заказы на оборудование? Этим вы действительно интересовались? Это вам не было подсказано?

Торнтон. Я думаю, что неправильно будет сказать по-русски «подсказано», а «соджестед».

Вышинский. При помощи каких способов это было внушено? Я сейчас внушаю вам что-нибудь?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Тогда было иначе?

Торнтон. Когда следователь прокуратуры писал, помощник прокурора предложил мне сказать: «Нагрузка Златоустовских заводов», но я интересовался только суммарным количеством распределений энергии.

Вышинский. Значит, во-первых, вы снимаете выражение о том, что это было подсказано. Вы говорите, что было внушено.

Торнтон. Да.

Вышинский. Ну как было внушено это? Гипнозом?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Гипноз не был применен?

Торнтон. По-моему нет.

Вышинский. Давайте пойдём по пунктам. Здесь сказано—будут ли новые заказы на оборудование, хотя по Златоустовскому заводу эти заказы не предполагались. Был этот вопрос?

Торнтон. Был.

Вышинский. Без всякого внушения?

Торнтон. Был без всякого внушения.

Вышинский. Как обращались с машинами, вы это подтверждаете?

Торнтон. Подтверждаю.

Вышинский. Общее состояние Златоустовской электростанции, особенно ее слабые места в смысле возможности аварий. Это подтверждаете? Тут дело хуже?

Торнтон. Нет, не хуже. Я техническую экспертизу знаю. Это нужно для нашей машины знать.

Вышинский. «Общее состояние электростанции, особенно ее слабые места в смысле возможности аварий». Было так сказано?

Торнтон. Безусловно так было сказано, но это можно понимать и так и этак.

Вышинский. Как вы это понимаете? Я так понимаю, что на электростанции могли бы быть какие-то слабые места и благодаря этим слабым местам и в этих слабых местах могли случиться аварии, и вас интересовало, нет ли слабых мест, которые повлекли бы за собой аварии?

Торнтон. Аварии нашего генератора?

Вышинский. Не вашего генератора, а всей станции. Правда?

Торнтон. Да. Это видите ли не так. Меня интересует. Если так там написано, то выходит, что меня интересуют слабые места, что крыша течет или труба может обломиться.

Вышинский. Крыша не имеет отношения, а вот может быть лопатки отлетят.

Торнтон. Это наша машина.

Вышинский. А вот углеподача, масляники и т. д.?

Торнтон. Если масляники нехороши, это опасно для нашего генератора.

Вышинский. Это вас интересовало?

Торнтон. Да.

Вышинский. Я еще раз прочту: «Не только отдельный агрегат, но и общее состояние Златоустовской станции». Вас это интересовало?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит и третий пункт прошел благополучно.

Пятый пункт—быт и политические настроения рабочих. Так же правильно записано?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Для чего это вам было нужно знать, или для вашей фирмы, когда вы говорите, что для фирмы собирали, для чего было знать политическое настроение рабочих?

Торнтон. Сейчас я скажу.

Вышинский. Хорошо, я подожду. Для чего вам нужно было знать политические настроения рабочих? От политических настроений рабочих зависела работа масляников?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Турбогенератора?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Турбины?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Для чего же это нужно было?

Торнтон. Фирма «Виккерс» дает громадные кредиты в эту страну на покупку оборудования.

Вышинский. Значит для прочности кредитов?

Торнтон. Я не понимаю.

Вышинский. То есть достаточно ли обеспечены кредиты?

Торнтон. Фирме нужно знать не то, что пишут в газетах, а что на самом деле здесь делается, чтобы можно было давать кредиты или нет.

Вышинский. То есть вы проверяли кредитоспособность Советского союза через ваших агентов, вы имели своей задачей проверять кредитоспособность советского правительства, советской власти?

Торнтон. Да.

Вышинский. Нельзя ли так понимать: проверить, насколько прочна советская власть?

Торнтон. Если хотите—да.

Вышинский. Я не хочу, а как вы говорите.

Торнтон. Вы понимаете, для чего это нужно?

Вышинский. Вы сказали: для того, чтобы установить, насколько кредиты защищены устойчивостью Советского государства. Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Позвольте сделать вывод: вы через сеть своих агентов—всяких Гусевых, Соколовых и прочих, проверяли, насколько прочна советская власть. Правильно?

Торнтон. Я согласен.

Вышинский. Значит вы писали «быт и политические настроения рабочих» для того, чтобы судить о прочности советской власти. Правильно записано это?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит все четыре пункта записаны правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Остался один пункт, который вам не нравится. Это нагрузка электростанции и состояние электроснабжения Златоустовских заводов, что давало картину работы этих заводов.

Торнтон. Это мне совсем не нравится. (В зале шум.)

Вышинский. Но это так записано. Позвольте считаться с фактом, что так записано, и никаких объяснений по поводу того, что это не вами сказано, вы представить не можете.

Торнтон. Этот документ подписан мной.

Вышинский. Может быть скажем иначе, что этот документ не только вами подписан, но и собственноручно написан.

Торнтон. И собственноручно переведен.

Вышинский. Да, собственноручно переведен.

Торнтон. Да.

Можно уточнить, что меня интересовало. Другие заводы Златоуста меня не интересовали.

Вышинский. А вы написали, что вас интересовали.

Торнтон. Я хочу сказать, что не так.

Вышинский. Почему вы писали, не то, что было на самом деле?

Торнтон. Это так написано, как сказано.

Вышинский. Ведь это ваш документ?

Торнтон. Я сказал, что это меня не интересовало.

Вышинский. Вы тогда сказали, что вас интересовало, а сейчас говорите, что не интересовало.

Торнтон. Меня не интересовало состояние Златоустовских заводов.

Вышинский. Вы сейчас это говорите, а тогда вы говорили так, как написано.

Торнтон. Да, тогда это говорил.

Рогинский. Можно мне задать вопрос?

Председатель. Пожалуйста.

Рогинский. Так обстояло дело с Златоустом. Скажите пожалуйста, если взять за основу Златоуст, может быть вы ответите суду—не было у вас вообще такой установки, что целый ряд ваших монтажных инженеров занимался помимо своей работы специальной работой по собиранию сведений, информации?

Торнтон. Да, подобные сведения они мне передавали.

Рогинский. Кто?

Торнтон. Те, которые работали.

Рогинский. А кто именно, например из тех, кто сидит здесь?

Торнтон. Кушни.

Рогинский. Иначе говоря, Кушни выполнял такую же роль, как и Макдональд?

Торнтон. Но так, как я говорю, а не так, как говорит Макдональд.

Рогинский. Макдональд дал свои показания, вы дали свои показания. Ваши показания в части той, о которой говорил Макдональд, мы сегодня зачитали. Но сейчас я вас спрашиваю—ваши поручения Кушни были аналогичны тем поручениям, которые вы давали Макдональду?

Торнтон. Я Кушни поручений не давал,—там есть очная ставка.

Рогинский. Очная ставка записана. Я спрашиваю вас сейчас—Кушни выполнял такую же роль, как Макдональд, или нет?

Торнтон. Макдональд говорит о шпионской информации....

Рогинский. Вы уже дали свои объяснения по этому поводу. Исходя из ваших объяснений, Кушни выполнял такую же роль, как и Макдональд.

Торнтон. Кушни был мой помощник и он ездил, как и я, по строительству.

Рогинский. Кушни был вашим помощником с какого года?

Торнтон. 2 года, но он болел примерно год.

Рогинский. 1932 год?

Торнтон. Да.

Рогинский. А до 1932 года он работал на различных электростанциях?

Торнтон. Он был в Баку, на Штеровке.

Рогинский. Следовательно был связан с определенными районами.

Вот я и спрашиваю—в этих районах он должен был действовать точно так же, как и Макдональд?

Торнтон. Я тогда не был главным монтажным инженером и не знал, как он действовал. За последнее время он говорил мне насчет станций.

Рогинский. Когда он потом ездил, он вам привозил информацию?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит Кушни также участвовал в сообщении информации. А кто еще участвовал—Нордволл?

Торнтон. Да.

Рогинский. Еще Олейник.

Торнтон. То же.

Рогинский. А Грегори?

Торнтон. Я Грегори только один раз видел. Грегори не говорил по-русски. Грегори не давал информации.

Рогинский. Таким образом, из сидящих здесь—Кушни, Олейник, Нордволл. Но в ваших показаниях вы назвали еще целый ряд имен и фамилий, которые занимались собиранием такой информации.

Торнтон. Да, много.

Рогинский. Следовательно правилен будет такой вывод, что монтажные инженеры, работающие под вашим непосредственным руководством, вами инструктируемые, вами ревизуемые, имеющие непосредственную связь только с вами, помимо своей непосредственной работы по установке и монтажу различного рода оборудования, должны были еще собирать определенный круг сведений, определенные информации и сообщать вам?

Торнтон. Не должны были этого делать, но делали.

Рогинский. Вы получали эти информации от них?

Торнтон. Да.

Рогинский. Значит вы эти информации от них получали, это к вам поступало?

Торнтон. Да.

Рогинский. То есть вы получали от них сведения? Вы поняли меня?

Торнтон. Да.

Рогинский. А вы их кому передавали?

Торнтон. Я не передавал все что они говорили, а составлял себе общую картину и когда я был в Англии, передавал в свое правление, кому-нибудь из членов правления.

Рогинский. В свете этих показаний объясните мне следующие ваши показания, где вы говорите, что «вы и Монкгауз собирали шпионского характера сведения».

Торнтон. Я отрицаю слово шпионские.

Рогинский. Вы и Монкгауз собирали определенную информацию—это будет правильно?

Торнтон. Да, информацию.

Рогинский. Значит в сферу собирания этой информации втянуты были не только вы, не только ваши инженеры, но и Монкгауз?

Торнтон. Да. Это его дело и мое дело.

Рогинский. Это ваше дело и его, но вы говорили совместно с Монкгаузом?

Торнтон. Да.

Рогинский. Следовательно это общее ваше дело?

Торнтон. Да. Иначе бы фирма не могла бы здесь работать.

Рогинский. Если бы фирма не знала слабых мест для аварий на Златоусте, то она не могла бы работать?

Торнтон. Технически слабых мест.

Рогинский. Да, конечно, технически слабых мест. Положить железо в мотор—для этого нужно быть технически грамотным и знать технически слабые места.

Один вопрос к Монкгаузу. Подсудимый Монкгауз, вы слышали сейчас показания Торнтонна о собирании определенных информации. Правильны эти показания?

Монкгауз. Частично это правильно.

Рогинский. Информация собиралась?

Монкгауз. Информация, которая могла быть полезна фирме относительно будущих заказов, собиралась.

Рогинский. В чем неправильны те показания, которые дал Торнтон?

Монкгауз. В каком смысле?

Рогинский. Вы сказали—отчасти правильны эти показания. Может быть вы изложите суду, в какой части эти показания неправильны?

Монкгауз. По-моему, почти все, что он сказал, правильно.

Рогинский. Значит уже нет отчасти неправильных показаний?

Монкгауз. Я не согласен со словом шпионские сведения.

Рогинский. Он не говорит шпионские сведения. А в той части, где он говорит по Златоусту, о сведениях собираемых по Златоусту—эти сведения вас интересовали?

Монкгауз. Что он интересовался этими сведениями—это правильно. Мы должны знать, в каком состоянии находится наше оборудование здесь.

Рогинский. Например, сведения по Златоусту, где он говорил, его интересовала нагрузка электростанции?

Монкгауз. Нагрузка электростанции—это нас интересует.

Рогинский. Политические настроения рабочих?

Монкгауз. Политические настроения рабочих, вообще положение страны—это меня интересовало, потому что каждый раз, когда я ездил в Лондон, я должен был доложить своему правлению, чтобы проверить информацию в английских газетах. Наше правление спрашивало меня правильно это или нет.

Рогинский. Следовательно вы через Кушни, Макдональда, Олейника проверяли правильность той информации, которая сообщала о положении Советского союза в английской печати?

Монкгауз. Иногда я просил Кушни, когда он возвращался из своей поездки. С Макдональдом я почти никогда не имел разговора.

Рогинский. Разговор идет не о Макдональде. Вы сейчас сказали, что при ваших поездках в Лондон, вы сообщали в директорат вашей фирмы о политическом положении Советской страны на основании той информации, которую вы получали для того, чтобы восстановить истинное положение вещей.

Монкгауз. Но это не только информация, которую я получал от Кушни и Торнтонна, а которую я получал от остальных работников, с которыми имел дело.

Рогинский. Я взял Кушни, Олейника как пример, помимо Кушни,

Олейника, у Нордволла был целый ряд лиц, которые эти сведения давали?

Монкгауз. Это лица, которые по служебным обязанностям должны были давать такие сведения.

Рогинский. Которые в силу служебных обязанностей должны были давать эти сведения? Инженер Ливенсон должен был по служебным обязанностям давать сведения?

Монкгауз. Это было еще в 1926 году.

Рогинский. Это все равно.

Монкгауз. Это не все равно.

Рогинский. Он был обязан в силу служебного положения давать эти сведения?

Монкгауз. Конечно.

Рогинский. Алексеев-Попов в силу служебных обязанностей давал сведения?

Монкгауз. Это вне служебных обязанностей.

Рогинский. Инженер Шлегель в силу служебных обязанностей давал сведения?

Монкгауз. Это было в 1924 году.

Рогинский. Это было в 1924 году, то—в 1926 году. Прочтем еще несколько фамилий. Вот имеется уже Алексеев-Попов, который вне служебных обязанностей давал сведения. Я спрашиваю относительно информации, которая вам собиралась целым кругом лиц, и содержала в себе самые разнообразные сведения.

Монкгауз. Это не по моим заданиям. Просто они знали, что я интересовался этим и в разговорах это говорили.

Рогинский. Они знали, что вы интересовались и эти сведения давали. Торнтон интересовался и все монтажные инженеры или большинство из монтажных инженеров собиранием сведений занимались. Монкгауз интересуется, целая группа лиц этим собиранием сведений занимается и тоже ему их передает.

Монкгауз. Как лояльные служащие нашей фирмы.

Рогинский. Как лояльные служащие вашей фирмы и как определенная группа лиц, никакого отношения к вашей фирме не имеющая?

Монкгауз. Этого я ничего не знаю.

Рогинский. А Алексеев-Попов?

Монкгауз. Он бывший служащий.

Рогинский. А сейчас служащий?

Монкгауз. Нет.

Рогинский. Сведения давал?

Монкгауз. Давал.

Рогинский. Гусев, служащий вашей фирмы? Он давал сведения?

Монкгауз. Нет.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, Гусев сведения давал?

Торнтон. Через Макдональда давал.

Рогинский. Витвицкий, служащий вашей фирмы? Он сведения давал?

Монкгауз. Насколько знаю—нет.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, он сведения давал?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Подсудимая Кутузова, Витвицкий сведения давал?
Кутузова. Давал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон получал эти сведения?

Кутузова. От Витвицкого сведения получал.

Торнтон. Эти сведения абсолютно неправильны.

Рогинский. Сухоручкин сведения давал?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Он служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Подсудимый Монкгауз, Сухоручкин служащий вашей фирмы?

Монкгауз. Нет.

Рогинский. Это круг лиц, о которых вы докладывали суду?

Монкгауз. Я не знаю.

Рогинский. Сведения Сухоручкин давал?

Монкгауз. Я не знаю.

Рогинский. Зорин служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Сведения давал?

Торнтон. Это нужно уточнить, что вы сказали.

Рогинский. Мы это уточним позже. Я выясняю только этот вопрос—Зорин давал сведения?

Торнтон. Он сказал насчет регулятора, если это сведения.

Рогинский. Крашенинников давал сведения?

Торнтон. С ним я мало знаком.

Рогинский. Может быть подсудимый Крашенинников скажет, давал ли он сведения?

Крашенинников. Торнтону не давал. Я разговаривал с Олейником и с Джолей.

Рогинский. Олейник давал те сведения, которые его интересовали как монтера этой конторы?

Крашенинников. Не знаю, может быть и давал.

Рогинский. Подсудимый Олейник, сведения получали от Крашенинникова?

Олейник. Я не знаю, о каких сведениях идет речь.

Рогинский. О тех сведениях, о которых вы говорили на очной ставке с Торнтоном.

Олейник. О состоянии станции? Да.

Рогинский. Вы давали ему эти сведения?

Крашенинников. Давал.

Рогинский. Подсудимый Торнтон, Крашенинников служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Волховского знаете?

Торнтон. Да.

Рогинский. Сведения получали от него? Он служащий фирмы?

Торнтон. Нет.

Рогинский. Может быть хватит. Сейчас мы подведем итог. Следовательно помимо ваших служащих у вас была еще целая группа лиц, не входящих в состав ваших служащих, которые собирали для вас определенную информацию. Так?

Торнтон. Собирали.

Рогинский. Давали вам определенную информацию, а вы ее получали?

Торнтон. Да, мы получали информацию.

Вышинский. Разрешите задать один вопрос подсудимому Олейнику в связи с этим вопросом. Подсудимый Олейник, вы спросили на вопрос Рогинского, о каких сведениях идет речь. Я хочу попросить уточнить этот момент. Я хочу спросить вас, вы вообще давали Торноту или нет сведения, которые можно назвать в самом настоящем смысле этого слова шпионскими сведениями?

Олейник. Давал.

Вышинский. Разъясните, что это за шпионские сведения.

Олейник. О состоянии военного завода, о настроениях населения, о железнодорожном транспорте.

Вышинский. И в частности, какие именно явления имеют место на транспорте?

Олейник. О том, как работает транспорт, в каком состоянии.

Вышинский. Этого мало. А вот насчет военных перевозок?

Олейник. Было.

Вышинский. Насчет движения войск?

Олейник. Было.

Вышинский. Военное снабжение?

Олейник. Было.

Вышинский. Все, что знали, сообщали?

Подсудимый Торнтон, вы слышали эту историю. Правильно?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Не получали?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Ничего?

Торнтон. Только те сведения, которые я говорил.

Вышинский. Которые интересовали фирму?

Торнтон. Да.

Вышинский. А то, что говорилось о движении войск тоже интересовало фирму?

Торнтон. Как мне сказали—это есть.

Вышинский. Политическое настроение в целях определения устойчивости и прочности советской власти. Эти сведения были?

Торнтон. Да, были.

Вышинский. От Златоустовской станции вы получали сведения?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы раньше говорили, что были обывательские сведения о снарядах, помните?

Торнтон. Здесь слово «обывательские» годится, когда говорится о снарядах.

Вышинский. Прошу помнить—обывательские сведения именно о снарядах, а не о том, о чем кумушки в очередях говорят.

Торнтон. Я считаю, что это как раз говорят кумушки.

Вышинский. Во всяком случае вы не отрицаете этого факта, сведений, касающихся количества вырабатываемых в Златоусте снарядов?

Торнтон. Нет, отрицаю категорически.

Вышинский. А что же говорилось о снарядах?

Торнтон. Что делаются в Златоусте снаряды.

Вышинский. Вы вероятно это знали и так, что же вам передавали?

Торнтон. Я не знаю. Сорт и количества не знаю.

Вышинский. Подсудимый Олейник, позвольте спросить, имели ли вы прямое задание от Торнтона собирать эти сведения?

Олейник. Имел.

Вышинский. Может быть вы уточните, где, когда, при каких обстоятельствах вам эти поручения даны Торнтоном?

Олейник. Какие именно поручения, потому что они давались несколько раз?

Вышинский. Можете ограничиться общим сообщением.

Олейник. Это было главным образом в 1932 году на даче.

Вышинский. А относительно подрывной работы Торнтону было известно?

Олейник. Было известно.

Вышинский. А что за подрывная работа?

Олейник. Подрывная работа—военная или вредительская?

Вышинский. Я не знаю, как вы это считаете.

Олейник. Была и та и другая.

Вышинский. Что Торнтон на этот счет скажет?

Подсудимый Торнтон, вы слышали это?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Отрицаете?

Торнтон. Отрицаю.

Вышинский. Подсудимая Кутузова, были ли вы свидетельницей разговоров о том, чтобы производить эти аварии?

Кутузова. Была неоднократно.

Вышинский. Расскажите подробно, какие были разговоры и кто их вел?

Кутузова. Велась между инженером Торнтоном и Монкгаузом.

Вышинский. О чем велась разговоры?

Кутузова. Они намечали план разрушения станций, порчи оборудования и аварий.

Вышинский. А почему они нашли такой прекрасный случай разговаривать об этом в вашем присутствии?

Кутузова. Они меня не стеснялись, я там была своим человеком.

Вышинский. Они оба хорошо к вам относились, оба любили?

Кутузова. Да.

Вышинский. У вас были дружеские отношения?

Кутузова. Да.

Вышинский. Гражданин Торнтон, вы подтверждаете, что были дружеские отношения с Кутузовой, что вы ее считали своим человеком?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы ее не стеснялись?

Торнтон. Я не понимаю.

Председатель. Вы не стеснялись в ее присутствии говорить о своих служебных делах?

Торнтон. Я не стеснялся потому, что нечего было стесняться, потому что мы никогда не говорили о вредительстве. Я с Монкгаузом никогда не говорил о вредительстве.

Вышинский. Во всяком случае у вас с Монкгаузом были разговоры, которые не были предназначены для третьего лица.

Торнтон. Были деловые разговоры.

Вышинский. Эти разговоры вы не стеснялись вести в присутствии Кутузовой?

Торнтон. Иногда. Конечно мы иногда говорили без третьих лиц. Мы иногда говорили вдвоем о делах фирмы и иногда она могла слышать. А этого не могли слышать, ибо мы о вредительстве не говорили.

Вышинский. А Кутузова говорит, что такие разговоры были, Олейник говорит, что были, Гусев говорит, что были.

Торнтон. Гусев тоже говорит?

Вышинский. Он говорил о моторе в 1400 л. с., что вам было известно, что вы были довольны.

Торнтон. Я это отрицаю. Я ничего не говорил об авариях.

Вышинский. Я знаю, что вы отрицаете. Я напоминаю. Олейник говорил, Гусев говорил, говорила Кутузова, которая пользовалась доверием, жила у вас много лет, вы ее считали своим человеком. Правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Кроме того вы ей доверяли настолько, что в ее присутствии вели разговоры, которые не предназначались для третьих лиц. Правильно?

Торнтон. Да, только я никогда с Монкгаузом не говорил о том, что говорит Кутузова.

Вышинский. Скажите пожалуйста, кто такой Ольгин?

Торнтон. Ольгин был директором Кабельного завода бывш. Подобедова.

Вышинский. Какое отношение имели вы к заводу бывш. Подобедова?

Торнтон. Я поступил туда как механик.

Вышинский. Потом?

Торнтон. Я жил там около 7—8 лет.

Вышинский. Кем был в Москве Ольгин?

Торнтон. Он был директором-распорядителем.

Вышинский. А совладельцем этого завода не был?

Торнтон. Он имел акции, но главными были—Волго-Камо банк—Гукасов и Дебур.

Вышинский. Ольгин участвовал акциями. Я правильно скажу, что Ольгин входил в эту группу капиталистов, когда-то владевших и фабриками, и заводами, и акциями?

Торнтон. Он был сначала служащим.

Вышинский. Потом стал хозяином. Правильно ли я понимаю, что этот Ольгин был владельцем или совладельцем одного из предприятий, потом конфискованных у капиталистов и перешедших в руки Советского государства. Правильно?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Где этот Ольгин оказался после Октябрьской революции? Там же, где и Гукасов?

Торнтон. Он оказался в Англии.

Вышинский. Какую он там должность занял, или какое получил место в Англии этот Ольгин—бывший русский капиталист?

Торнтон. Он никакого места в Англии не получил. Он жил там и через год или два, в 1924 году, уехал в Берлин и был консультантом.

Вышинский. Чьим консультантом?

Торнтон. Фирмы «Метро-Виккерс».

Вышинский. Значит можно так сказать: этот Ольгин, бывший со-владелец завода Подобедова, после ликвидации его права собственности на этот завод эвакуировался в Лондон и стал консультантом фирмы «Метро-Виккерс»?

Торнтон. Да, он был в Берлине консультантом.

Вышинский. В настоящее время он продолжает быть консультантом?

Торнтон. Он умер.

Вышинский. Но остался кажется его брат?

Торнтон. Сын.

Вышинский. Этот сын продолжает иметь связь с фирмой «Метро-Виккерс»?

Торнтон. Да, продолжает, он молодой инженер лондонской конторы.

Вышинский. Вы приехали в СССР в качестве главного монтажного инженера?

Торнтон. Я приехал в СССР как обыкновенный, рядовой монтажный инженер.

Вышинский. Приехали на работу как техник, а затем заняли положение главного монтажного инженера?

Торнтон. Да.

Вышинский. И, как мы сейчас выяснили (я пока, временно, слово «шпионский» устраняю), и вы, и Монкгауз, и Макдональд и целый ряд других лиц через инженеров и техников разного рода пытались получать различные сведения и экономические, и политические, и даже военные, как говорит Макдональд.

Торнтон. Как говорит Макдональд, да.

Вышинский. И как вы говорите—«обывательские сведения о снарядах».

Торнтон. Обывательские—да.

Вышинский. Обывательские о снарядах?

Торнтон. Видите ли, насколько я понимаю вас—да.

Вышинский. И насколько я вас понимаю—это тоже так.

Меня интересует теперь эта ваша деятельность в замкнутом кругу лиц, связанных с фирмой «Метро-Виккерс», была ли она действительно замкнутой, или она перекидывалась и на какие-либо другие учреждения? Те сведения, которые, как мы с вами договорились, у вас концентрировались, получались, они оставались только в пределах определенных лиц, связанных с фирмой «Метро-Виккерс», или выходили и за эти пределы, по какому-нибудь еще направлению?

Торнтон. Очень трудно ответить на этот вопрос, потому что я не знаю. Я полагаю, что эта информация держалась только в нашей группе.

Вышинский. Конечно, в вашей группе, но группа ваша была какой? Конкретно в Англии кому персонально поступали эти сведения?

Торнтон. Ричардс, Тэрнер.

Вышинский. Остановимся на Ричардсе. Кто такой Ричардс?

Торнтон. Ричардс—директор-распорядитель «Метро-Виккерс Электрикал Экспорт Компани».

Вышинский. Он бывал в СССР?

Торнтон. Бывал.

Вышинский. Много раз?

Торнтон. Да.

Вышинский. Сколько раз? Давайте я вам напомним: в 1923 году был?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1925 году?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1926 году?

Торнтон. Да, я думаю, что был.

Вышинский. В 1927 году?

Торнтон. Да.

Вышинский. В 1928 году?

Торнтон. Вероятно, да.

Вышинский. В 1929 году?

Торнтон. Он почти каждый год бывал.

Вышинский. Каждый год, начиная с 1923 года?

Торнтон. Он кажется не был в 1924 году.

Вышинский. А до 1923 года он бывал. Например в 1917 году?

Торнтон. Он был в 1911 году.

Вышинский. А в 1917—1918 годах?

Торнтон. Да, был в 1917 году.

Вышинский. Где?

Торнтон. Он был представителем «Британский Вестингауз».

Вышинский. Где?

Торнтон. В Москве, а затем в Ленинграде.

Председатель. Речь идет о 1917 или о 1918 годе?

Торнтон. В 1917 году.

Вышинский. А в 1918 году—он продолжал оставаться в Ленинграде или в Москве?

Торнтон. В Ленинграде.

Вышинский. А в Архангельске он был?

Торнтон. Он был в экспедиции.

Вышинский. В какой экспедиции?

Торнтон. Я так называю британскую экспедицию в Архангельске.

Вышинский. То есть экспедиция, которая заняла Архангельск и воевала против Красной армии?

Торнтон. Против советской власти.

Вышинский. Ах, вот как.

Торнтон. Да.

Вышинский. Кем же он был в Архангельске?

Торнтон. Я не был в Архангельске.

Вышинский. Я понимаю. Вы были в Мессопотамии.

Торнтон. Я могу сказать только, что я слышал.

Вышинский. Но это ваш представитель? Вы это удостоверяете?

Торнтон. Да. Это факт.

Вышинский. Следовательно можно сказать, что в 1918 году Ричардс, теперешний директор экспортного отдела фирмы «Метро-Виккерс», был в Архангельске в числе войск британской армии, воевавшей против советской власти.

Торнтон. Да.

Вышинский. Может быть вы скажете, в качестве кого он там был?

Торнтон. Насколько мне известно, он был «интеллидженс офицер».

Вышинский. Как это по-русски сказать?

Торнтон. Это офицер.

Вышинский. Офицер—чего? Как называлось учреждение, где он был офицером?

Торнтон. Это не учреждение. Это часть.

Вышинский. Не правильнее ли сказать, что она называлась «интеллидженс сервис»?

Торнтон. Я думаю, что это другое. Он был «интеллидженс офицер». В армии нет «интеллидженс сервис». А есть «интеллидженс офицер», который заведует этими делами.

Вышинский. Какими делами?

Торнтон. Он заведует всей информацией о неприятеле, допрашивает пленных.

Вышинский. Ведает арестами?

Торнтон. Только не наших солдат, а других.

Вышинский. Чужих?

Торнтон. Да.

Вышинский. Большевиков?

Торнтон. В данном случае—вероятно да.

Вышинский. Вероятно. Можно сказать, что это есть офицер контр-разведки?

Торнтон. Я не знаю, как будет по-русски: скаут.

Переводчик. Скаут по-русски—разведчик.

Торнтон. К сожалению я не очень хорошо знаком с этой частью армии. Разведчик, насколько я знаю, прикреплен к особой части. А это была канцелярская должность.

Вышинский. Разведчик—не в смысле разведки на поле битвы, а разведчик, который сидит в канцелярии за столом.

Торнтон. Это конечно касается главным образом неприятеля.

Вышинский. Я понимаю.

Я хочу спросить Монкгауза. Подсудимый Монкгауз, вы тоже были в это время в Архангельске, в этом самом корпусе, и были связаны с этим Ричардсом?

Монкгауз. Я был в инженерных войсках.

Вышинский. А Ричардс там был?

Монкгауз. Я сам в Архангельске не был. Был в Высоких Горах.

Вышинский. А где был Ричардс?

Монкгауз. В самом Архангельске.

Вышинский. Кем?

Монкгауз. При главном штабе служил «интеллидженс офицер». Вышинский. Ну вот, выходит, что «интеллидженс сервис». Этот самый Ричардс после архангельской экспедиции, окончившейся неудачно, отправился обратно в Англию?

Монкгауз. Да.

Вышинский. А потом он приезжал в СССР нелегально?

Монкгауз. Нет.

Вышинский. А в 1918 году через финляндскую границу он переходил нелегально?

Монкгауз. В середине 1918 года.

Вышинский. В середине 1918 года он переходил нелегально через финляндскую границу?

Монкгауз. Нельзя сказать, что нелегально.

Вышинский. А как? С паспортом?

Монкгауз. С паспортом, но тайно. Можно мне сказать, почему тайно?

Вышинский. Это я потом вас спрошу.

Дальше у меня вопрос к Торнтону. Будьте любезны разрешить предъявить показание Торнтон от 13 марта, написанное его собственной рукой. Это ваше показание? Возьмите, пожалуйста, просмотрите его внимательно от начала до конца, а потом придется его огласить.

Это ваше показание?

Торнтон. Да.

Вышинский. Собственноручное?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы писали?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит надо огласить его полностью, если требуется сначала на английском языке.

Председатель. Оглашается показание, написанное собственноручно Торнтоном от 13 марта 1933 года.

Мартенс (оглашает показание).

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЯ

британского подданного инженера Торнтон Л. Ч. от 13 марта 1933 года (перевод с английского)

Вся наша шпионская деятельность на территории СССР руководится британской разведывательной службой («Интеллидженс сервис», пер.) через ее агента Ч. С. Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя компании «Метрополитен-Виккерс» Электроэкспортной К^о.

Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом, представителями вышеупомянутой британской фирмы, которая является согласно официального соглашения поставщиком советскому правительству турбин и электрического оборудования, а также предоставляет техническую помощь.

Согласно инструкции Ч. С. Ричардса, данной мне, в этих целях британский персонал постепенно вовлекался в шпионскую организацию после его прибытия на территорию СССР и ему давались инструкции о необходимой для нас информации.

Торнтон

25

показание Торнтон от 13 марта 1933 г.

All our spying operations in USSR territory are directed by the British Intelligence Service, through their agent C S Richard, who occupies the position of managing director of Metropolitan Electric Export Co Ltd.

Spying operations in USSR territory were directed by myself and Markhouse, representatives of the above mentioned British firm, who are contractors, by official agreement, to the Soviet Government for the supply of Turbines and Electrical equipment and the furnishing of technical aid agreements. On the instructions of C S Richard given to me, to the end British personnel was gradually drawn into the spying organization as their arrival in USSR territory and extended as to the formation required.

During the whole period of our presence in USSR territory a total of British Staff employed 27 men now engaged in spying operations, of the above 14 men which included

Markhouse	Waller
Cox	Nudrall
Thornlon	Clark
Teeale	
Shutbers	
Burke	
Redall	
Mac Donald	
Winnis H	
Winnis H	
Shepley	
Collitt	

Факсимиле первой страницы показания Торнтон от 13 марта 1933 г., писанного им собственноручно.

were engaged in Economic and Political Spying also in the investigation of the Defense and Offense possibilities of the Soviet Union.

The remaining 12 men who included the following

Yule	Gregory
Polley	Smith H
Cornell	Fabian
Macbratton	Wool
Richards C	Frank Charnick
Cushing	Whitman

were engaged in political and economic spying.

On March 11th 1933 the following were engaged in Spying operations:

Woodruff	Economic Political Defense and offense work
Gregory	Economic & Political
Pollett	Economic Political Defense and offense investigation
Whitman	Economic & Political
Riddle	Economic Political Defense and offense investigation
Thornburn	Economic Political Defense and offense investigation
Montchase	Economic Political Defense and offense investigation
Cushing	Economic & Political

Facts above the spying activities of the above mentioned men who were under my direction, I shall give in a further protocol.

W. H. C. Thornburn

March 13 1933

Donna

W. H. C. Thornburn

В течение всего периода нашего пребывания на территории СССР из всего служившего у нас британского персонала 27 человек были заняты шпионской деятельностью. Из них 15 человек, в составе: Монкгауз, Кокс, Торнтон, Тезл, Шоттерс, Берк, Риддл, Макдональд, Аннис А., Аннис Х., Шепли, Поллит, Уоттерс, Нордволл, Кларк, были заняты экономическим и политическим шпионажем, а также исследованием оборонительных и наступательных возможностей Советского союза.

Остальные 12 человек, в составе: Юул, Жолли, Корнелль, Маккракен, Ричардс Ч. Г., Кушни, Грегори, Смит А., Фаллоус, Ноэль, Чарнок, Ватмоу, были заняты политическим и экономическим шпионажем.

На 11 марта 1933 года следующие лица были заняты шпионской деятельностью:

Нордволл—экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей.

Грегори—экономический, политический шпионаж.

Поллит—экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей.

Ватмоу—экономический и политический шпионаж.

Риддл—экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей.

Монкгауз—экономический и политический шпионаж и исследование оборонительных и наступательных возможностей.

Кушни—экономический и политический шпионаж.

Факты о шпионской деятельности вышеупомянутых лиц, которые были под моим руководством, я дам в дальнейших протоколах.

Лесли Ч. Торнтон.

13 марта 1933 года.

Вышинский. Подсудимый Торнтон, в оглашенном только что вашем показании вы говорите: «Вся наша шпионская деятельность на территории СССР руководилась британской разведывательной службой через ее агента Ричардса, который занимает пост директора-распорядителя «Метро-Виккерс Электрикал Экспорт». Так вот первая часть.

Торнтон. Я хочу отрицать этот документ целиком.

Председатель. Одного вашего желания мало.

Вышинский. Я хочу по частям пойти, потом сложится целое. Вот это первая часть. Значит вы это отрицаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Этого не было в действительности?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А вы написали?

Торнтон. Написал.

Вышинский. По тем же причинам. Были взволнованы?

Торнтон. Когда я это писал, мне было безразлично, что я писал.

Вышинский. А почему вам было безразлично?

Торнтон. Я был в таком состоянии.

Вышинский. Расстроены были?

Торнтон. Да.

Вышинский. Зачем же на Ричардса говорить?

Торнтон. Я знаю, что я все-таки наклепал.

Вышинский. 2-й абзац: «Шпионская деятельность на территории СССР руководилась мною и Монкгаузом, представителями вышеупомянутой британской фирмы, которая является согласно официальному соглашению поставщиком советскому правительству турбин и электрического оборудования, а также предоставляет техническую помощь». Это вы отрицаете?

Торнтон. Да.

Вышинский. Что именно, что она является фирмой, поставляющей турбины?

Торнтон. Это известно.

Вышинский. В этом абзаце вы не отрицаете того, что ваша фирма является поставщиком турбин, что она оказывает техническую помощь. Не отрицаете?

Торнтон. Нет.

Вышинский. А вы отрицаете, что вы руководили шпионской деятельностью вместе с Монкгаузом?

Торнтон. Шпионской, да.

Вышинский. Если выбросить слово—шпионская, тогда будет так, что те сведения, о которых вы говорили, и в тех пределах, в которых вы это признали, это соответствует тому, что вы говорили?

Торнтон. Да.

Вышинский. Тут сказано—шпионская деятельность, но я имею в виду, что вы все время упорно отказываетесь от слова «шпион», поэтому я это слово выбрасываю. Я не говорю о шпионской деятельности, но говорю о деятельности, о которой говорил целый ряд лиц, о той деятельности, которую вы отрицали только в части ее секретности,—эта деятельность была?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит весь этот абзац с поправкой записан правильно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит, хотя вы были расстроены, это не мешало записать правильно?

Торнтон. Да. Только не шпионство.

Вышинский. Я это уже оговорил. Затем здесь записано: «Согласно инструкции Ч. Г. Ричардса, данной мне в этих целях, британский персонал постепенно вовлекался в шпионскую организацию после его прибытия на территорию СССР, и ему давались инструкции о необходимой для нас информации». Что вы здесь признаете и что отрицаете?

Торнтон. Я это отрицаю. Это я неправду говорил. То, что говорил об инструкции,—неправда.

Вышинский. Инструкции не было?

Торнтон. Не было.

Вышинский. А информация была?

Торнтон. То, что нужно для фирмы—это да.

Вышинский. Это—что Ричардсу передавали? Было это?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит это признаете?

Торнтон. Если сделать поправку.

Вышинский. В этот абзац сделаем такую поправку: «эти сведения, получаемые мною здесь, передавал Ричардсу, но без его инструкции».

Торнтон. Сведения, о которых я говорил здесь?

Вышинский. Да.

Второй абзац частично подтверждается, третий абзац частично подтверждается.

Дальше: «В течение всего периода нашего пребывания на территории СССР из всего служившего у нас британского персонала 27 человек были заняты шпионской деятельностью». Сколько за это время было служащих, приблизительно 27 человек?

Торнтон. Насколько я помню, я так написал.

Вышинский. Здесь цифра 27.

Торнтон. Я написал 27.

Вышинский. Их было 27?

Торнтон. Я думаю, что нет.

Вышинский. А сколько же было?

Торнтон. От какого это числа?

Вышинский. От 11 марта (передает дело Торнтону).

Все включены?

Торнтон. Все включены.

Вышинский. Правильно цифру назвали?

Торнтон. Может быть 26, может быть 28, приблизительно правильно.

Вышинский. Ошибка может быть на одного человека в ту или иную сторону.

Торнтон. Все они были здесь.

Вышинский. Все они были. Может быть перечислить по фамилиям: «Монкгауз, Кокс, Торнтон, Тезл Шоттерс, Берк, Риддл, Макдональд, Аннис А., Аннис Х., Шепли, Поллит, Уоттерс, Нордволл, Кларк». Правильно все?

Торнтон. Да.

Вышинский. Дальше писали, что все они были заняты кроме своей работы шпионской деятельностью. Правильно? Так писали?

Торнтон. Писал так, но это не так.

Вышинский. Хорошо. Как же они были распределены? Я перечислил 15 человек, которые были заняты экономическим и политическим шпионажем, а также исследованием оборонительных и наступательных возможностей Советского союза. Вы писали так?

Торнтон. Писал так, но это не так.

Вышинский. Вы всегда пишете как раз наоборот?

Торнтон. В данном документе так.

Вышинский. И так было в целом ряде других. Остальные 12 человек—Юул, Джолли, Корнелль, Маккракэн, Ричардс Ч. Г., Кушни, Грегори, Смит А., Фаллоус, Ноэль, Чарнок, Ватмоу, были заняты политическим и экономическим шпионажем. Писали это?

Торнтон. Писал.

Вышинский. Так это было?

Торнтон. Только не шпионажем.

Вышинский. А чем?

Торнтон. Теми сведениями, которые уточнили сегодня.

Вышинский. Следовательно об этих лицах скажем, что все эти 12 человек действительно были заняты собиранием тех сведений, которые вы не считаете шпионскими, но которые считает шпионскими например Макдональд?

Торнтон. Макдональд считает шпионскими?

Вышинский. Правильно.

Торнтон. Макдональд говорил о военном шпионаже. Это я отрицаю.

Вышинский. А первые 15 человек были заняты и военным шпионажем?

Торнтон. Я говорю, что это ложь.

Вышинский. Они не собирали никаких сведений?

Торнтон. Может быть те сведения, которые нужны для фирмы, они собирали.

Вышинский. Сведения, которые Макдональд считал военными сведениями, а вы считаете не военными, и не секретными, а обывательскими?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Первые 15 занимались военным шпионажем?

Торнтон. Я говорю, что это ложь.

Вышинский. Вообще никаких сведений они не собирали?

Торнтон. Может быть, они собирали те сведения, которые мы уточнили, которые интересны для фирмы.

Вышинский. А например такое совпадение: вы называли среди этих 15 лиц Макдональда, и Макдональд подтвердил, что он действительно собирал сведения военно-секретного характера. Вы слышали это?

Торнтон. Слышал.

Вышинский. Макдональд подтвердил, что он собирал сведения военно-секретного характера. Верно?

Торнтон. Да.

Вышинский. Вы 13 марта написали, что Макдональд собирал сведения оборонительного и наступательного характера. Совпадает это?

Торнтон. Это было одного числа.

Вышинский. Совпадает. Макдональд и здесь, и на предварительном следствии говорил, что он собирал сведения военно-шпионского характера.

Торнтон. Да.

Вышинский. И вы здесь 13 числа указывали на Макдональда, как на человека, который собирал сведения военного, оборонительного и наступательного характера. Я спрашиваю, совпадает ли то, что вы тогда говорили, и то, что Макдональд здесь говорит в суде?

Торнтон. Это совпадает, но тогда я говорил неправду.

Вышинский. Вы говорили неправду, но эта «неправда» совпадает с тем, что говорит на суде Макдональд.

Торнтон. Да.

Вышинский. Если вы писали неправду, то как же могло так получиться, что в вашей сетке мы натолкнулись на пункты, нашедшие подтверждение здесь в показаниях Макдональда и Кутузовой?

Торнтон. Как будто бы это все одно дело.

Вышинский. Почему вы в этом показании, будучи взволнованы, как вы говорите, будучи расстроены, однако могли с такой точностью назвать число 27 и это обстоятельство также совпадает с теми данными, которые дальше вы расшифровали?

Торнтон. Я не думаю, что это...

Вышинский. Вы сейчас проверили и сказали—верно: 27. Если вы действительно были расстроены и взволнованы, как вы могли помнить цифру, а раз вы точно помнили цифру, то разрешите усумниться в том, что вы были тогда так расстроены или взволнованы.

Торнтон. Я был действительно расстроен.

Вышинский. Не настолько, чтобы забыть цифру.

Торнтон. Не знаю, эти цифры по-моему верны.

Вышинский. По-моему тоже.

Торнтон. Но я отрицаю военный шпионаж.

Вышинский. Вы отрицаете, но это не убеждает меня, что этого не было.

Торнтон. Я говорю, что мои показания ложные.

Вышинский. Но это надо установить. Вы говорите, что были расстроены, а цифра 27—точная цифра. Вы разделили на 15 и 12 человек точно.

Торнтон. У меня был список, и я просто отчеркнул так, с бухты-барахты.

Вышинский. Ответьте на последний вопрос—чем вы руководились, когда одних отнесли к категории экономически-политического шпионажа, а других—к категории экономически-политического и еще военного, т. е. оборонительного и наступательного шпионажа. Вот Нордволл—экономический и политический шпионаж. Поллит—то же самое, Ватмоу—без военного, Кушни—без военного, а Монкгаузу—и военный присоединили.

Торнтон. Это просто случайно.

Вышинский. Также с бухты-барахты?

Торнтон. Да.

Вышинский. Значит, так просто—кому дали экономически-политический шпионаж, кому военный, с бухты-барахты?

Торнтон. Да.

Вышинский. А какая была цель, когда вы это делали? Я спрашиваю—для чего?

Торнтон. Просто я не знал, но просили, чтобы я сознался.

Вышинский. И вы удовлетворили просьбу?

Торнтон. И я удовлетворил просьбу.

Вышинский. У меня больше нет вопросов.

Председатель. Объявляется перерыв на 20 минут.

(Заседание прерывается на 20 минут в 8 часов вечера.)

* * *

Комендант. Прошу встать. Суд идет.

Председатель. Садитесь пожалуйста. Подсудимый Торнтон, займите ваше место.

У прокуратуры есть вопросы?

Вышинский. Нет.

Председатель. У защиты есть вопросы?

Брауде. Есть.

Обвиняемый Торнтон, я хотел бы вас просить объяснить суду, что вы понимали под словом «шпионские сведения». Что вы представляли себе тогда под словом «шпионские сведения»?

Торнтон. Шпионские сведения—это есть информация, которую собирает человек, который стоит на службе у тех государств, где эта информация нужна, т. е. узнавание нелегальным образом всяких секретов.

Брауде. Вы не всегда показывали так, как 13 марта. В показаниях от 12 марта есть такое показание: «Мне известно, что некоторые из наших монтажных инженеров—монтажники—доносили от времени до времени о предстоящих заказах на электрооборудование, которое должно быть установлено и которое должно быть приобретено за границей. Доносили письменно или устно...»

И дальше, вы писали: «Согласно советскому закону сбор и передача подобной информации эквивалента экономическому шпионажу, который в действительности проводился некоторыми членами нашей монтажной группы, а именно...» И дальше идет перечень. В этом показании вы говорите о шпионских сведениях, вы имеете в виду только военные или эти?

Торнтон. После того, как объяснили мне, что это шпионские сведения, я везде писал на показаниях—шпионские.

А военные сведения всякого рода—я отказываюсь, хотя я это писал.

Брауде. А что вы понимаете под термином, который вы упоминаете в оглашенных сегодня показаниях—оборонительные и наступательные?

Торнтон. Я сам не знаю, что это такое.

Брауде. Что же вы пишете то, что не знаете?

Торнтон. Я писал это после долгих вопросов и морального давления.

Брауде. В связи с той усталостью, о которой вы говорили?

Торнтон. Это фразы не мои. Они были внушены.

Брауде. Вы хотите сказать, что это неудачная формулировка ваших мыслей.

Торнтон. Я писал этот документ под моральным давлением.

Брауде. Нельзя ли записать, что вас интересовала устойчивость советской власти. Это можно так толковать?

Торнтон. Нет, это было иначе. Это есть те же шпионские военные сведения, но под другим названием.

Брауде. На листе дела 140, в показаниях от 20 марта, передавая такого рода информацию, сообщенную вам вашими товарищами, вы между прочим сообщаете:

«Нордволл был короткое время в Кузнецке с Макдональдом и был главным образом занят модификацией моторов «Р» электростанции; он не давал мне никаких сведений о Кузнецке, исключая нашего оборудования. Нордволл считает советское правительство прочным». Это как нужно толковать? В каких целях такого рода информация? Подтверждает это вашу мысль о прочности советской власти?

Торнтон. В этом смысле—да.

Брауде. А в отношении вредительства? Вы уже удостоверили, что ни в одном показании вы нигде не признавали себя виновным в организации аварий и вредительства. Это вы подтверждаете сейчас?

Торнтон. Подтверждаю.

Брауде. И по вашим убеждениям по отношению к советской власти, к Советскому союзу вы могли бы организовывать вредительство в смысле аварий, крушений и так далее?

Торнтон. Никогда не мог этого делать.

Брауде. Почему?

Торнтон. Всю мою жизнь я создавал, а не разрушал, и тем более в чужой стране это делать я бы считал в высшей степени неморальным и никогда бы не стал этого делать.

Брауде. Еще один вопрос. Скажите пожалуйста, вы за это время, что работаете в фирме «Метро-Виккерс» по договору с советским правительством, вы сами принимали участие в большом количестве монтажей, где лично работали?

Торнтон. Да, я монтировал трансформаторы.

Брауде. Вы были в разных местах. Приведите один-два примера вами лично возведенных монтажей. У вас аварий не было?

Торнтон. Кроме последней аварии не было.

Брауде. Был ли хоть один случай аварий, крушений на монтажных работах, которые вы лично провели?

Торнтон. Был один случай в Ленинграде.

Брауде. По этому делу он не проходит?

Торнтон. Нет, не проходит.

Брауде. Больше не было?

Торнтон. Нет.

Брауде. Еще вопрос биографического порядка. Ваш отец был одним из собственников предприятия. На каких паях он туда входил?

Торнтон. 25—30 человек было в фирме «Торнтон».

Брауде. Значит там было от 25 до 30 человек. Он имел небольшое количество паев?

Торнтон. Он был самым младшим в семье.

Брауде. Вы говорили, что служили в ряде предприятий. Вы лично обладали собственностью—домами, поместьями и так далее?

Торнтон. Нет, я все время служил по найму.

Брауде. Ваш трудовой стаж по найму?

Торнтон. Примерно 26 лет.

Брауде. Революция у вас лично отняла большие капиталы, поместья и так далее?

Торнтон. Да, примерно 20 000 керенками. Это можно купить за несколько рублей.

Брауде. Значит у вас не было оснований непосредственно обижаться на революцию?

Торнтон. Нет.

Брауде. Служилось вам хорошо в советских условиях?

Торнтон. Очень хорошо.

Брауде. Отношение со стороны советской власти и ее представителей, с которыми вы встречались, со стороны деловых людей было хорошим, оснований обижаться не было?

Торнтон. Не было никогда.

Брауде. Значит у вас не было стимулов к совершению преступлений?

Торнтон. Нет.

Председатель. Есть еще вопросы у защиты?

Лидов. Когда вы получали от Кушни ту или иную информацию, вы за это денежные суммы передавали?

Торнтон. Никогда не передавал Кушни никаких денег за информацию и никогда не санкционировал его расходных листов, которые имели подозрительно большие суммы.

Лидов. Значит и не утверждали?

Торнтон. Не утверждал и денег не давал никогда, я никогда не утверждал какой-нибудь расходный лист, который имел ненормальные цифры.

Лидов. Значит ваши сведения, которые вы от него получали в порядке информации, ограничивались тем, что он вам передавал, возвращаясь из поездок, без всякой оплаты и выдачи каких-либо денег на расход?

Торнтон. Правильно.

Лидов. Вас об этом спрашивали и на следствии. Вы помните?

Торнтон. Да.

Лидов. Вы на следствии также отвечали?

Торнтон. Да.

Лидов. Я обращаю внимание суда, что действительно на 96 листе тома XVIII в протоколе допроса Торнтона имеется вопрос, заданный по отношению к обвиняемому Кушни, причем он действительно утверждает, что он никогда не платил и каких-либо расходов, которые обращали бы на себя внимание и выходили из ряда обыкновенных расходов, не утверждал.

Я больше вопросов не имею.

Председатель. Еще есть вопросы?

Коммодов. В связи с показаниями Торнтона позвольте предложить вопросы подсудимым Гусеву, Соколову, Олейнику и Кутузовой.

Председатель. Может быть у других защитников есть вопросы?

Долматовский. Информация касалась ваших деловых взаимоотношений с клиентурой?

Торнтон. Да. Я не знаю, как об этом говорит закон. Иногда говорят, что это шпионская информация. Грегори мне сказал, что будут заказывать новые привода для их сортового стана.

Долматовский. Можно обратиться с просьбой к суду перевести это гражданину Грегори, потому что он не понимает?

Председатель. Пожалуйста.

(Переводчик переводит.)

Грегори (перевод). Могу ли я прибавить к этому что-нибудь?

Председатель. Пожалуйста.

Грегори (перевод). Эту информацию я получил от инженера, который там работал.

Долматовский. Кроме информации получали какие-нибудь сведения, письменные или устные?

Торнтон (ответ не уловлен).

Долматовский. А Нордволл давал такого рода информацию, где и когда? Когда вам приходилось видеться с ним, какую информацию он давал, не можете ли вы подробно уточнить?

Торнтон. Информация, которую я получал от Нордволла, была обыкновенной информацией, ее никак нельзя было считать шпионской.

Долматовский. В каком смысле—шпионской? Ведь разница большая: шпионская информация или обыкновенная информация, касающаяся его работы и взаимоотношений по работе?

Торнтон. Можно сказать—информация о его работе и обывательская, местная.

Долматовский. В каком смысле обывательская, т. е. об условиях работы в данной местности или более конкретно?

Торнтон. Общего характера.

Долматовский. Как вы считали Нордволла—человеком, который может давать вредную информацию для Советского союза?

Торнтон. Нет. Я могу сказать, что Нордволл был очень хорошо расположен к советской власти.

Долматовский. Скажите, та сумма в 112 рублей, которая была зафиксирована в протоколе от 13 марта, она была дана как вознаграждение за нелегальную информацию?

Торнтон. Я смотрел в книги, и оказывается, что это не 112 рублей, а 120.

Долматовский. Что это за деньги, вознаграждение за нелегальную работу?

Торнтон. Я не знаю. Я пропустил это. Я подписал. Это был счет Нордволла на 120 рублей, а он отдал эту сумму за разборку и исправление индукционного мотора...

Долматовский. Значит, это расход по работе?

Торнтон. Это законное расходование.

Долматовский. Почему же вы назвали это незаконным расходом служащего?

Торнтон. Я не знал, для чего.

Долматовский. А как же вы говорили, что это вознаграждение служащим?

Торнтон. Да, он платил. Я думал, что это так. Я думаю, что в моих показаниях это где-нибудь есть, где я предполагал, что это за ремонт.

Долматовский. Я просил бы суд удостовериться, что в показаниях Торнтона от 20 марта говорится, что эта сумма выплачивается не за вредительскую работу, а рабочим за произведенную работу.

Шварц. Разрешите мне задать вопрос общего характера, но имеющий отношение к двум подсудимым.

Мистер Торнтон, вы на вопрос прокурора Республики ответили, что Зорина вы знаете?

Торнтон. Да.

Шварц. Позвольте вас спросить, в каком году вы впервые с ним столкнулись и при каких обстоятельствах?

Торнтон. Я считаю, что это было в 1931 году на заседании комиссии, которая была относительно агрегатов, которые стоят на 1-й Московской станции.

Шварц. В 1931 году вы впервые познакомились на заседании комиссии. В каком учреждении было заседание комиссии?

Торнтон. Это было в МОГЭС. Я не очень хорошо помню, но кажется так.

Шварц. Это было первое знакомство. Разговора кроме делового в этот раз не было?

Торнтон. Не было.

Шварц. Затем, когда с ним встречались?

Торнтон. Я был в МОГЭС в его конторе и разговаривал с ним относительно аварии в Орехово-Зуеве. Это вторая встреча. И третья встреча была, если не ошибаюсь, в Электроимпорте.

Шварц. Меня интересует, в каком году и по какому поводу вы вели разговоры кроме деловых и другого характера?

Торнтон. Единственный разговор, как я показал в своих показаниях, который я вел с Зориным, это был разговор относительно регуляторов других фирм, регуляторов, которые стоят на турбине.

Шварц. В каком году это было?

Торнтон. Это было в самое последнее время.

Шварц. То есть?

Торнтон. Это было в 1933 году.

Шварц. Где?

Торнтон. Это было после заседания в Электроимпорте. Я привел его в нашу контору, и он просил литературы.

Шварц. Больше не было разговоров посторонних, кроме деловых?

Торнтон. Только относительно регуляторов и больше ничего.

Председатель. У защиты еще есть вопросы?

Либсон. Скажите пожалуйста, сколько лет продолжалась ваша совместная работа в фирме с подсудимой Кутузовой?

Торнтон. Она поступила в конце 1926 или в начале 1927 года.

Либсон. Она все время была секретарем?

Торнтон. Все время.

Либсон. Разве не было более старшей должности среди служащих конторы?

Торнтон. Она была самой старшей.

Либсон. И пользовалась особым доверием?

Торнтон. Пользовалась особым доверием.

Либсон. Монкгауз был в конторе всегда?

Торнтон. Да.

Либсон. У Монкгауза, возглавлявшего работу, был отдельный кабинет?

Торнтон. Не очень отдельный, но якобы отдельный.

Либсон. Кутузова работала там же?

Торнтон. Нет, она в общей конторе.

Либсон. Но право входа в комнату, где работал Монкгауз, она имела?

Торнтон. Да.

Либсон. Кроме того, что ваша работа проходила с гражданкой Кутузовой в Московской конторе, в общежитии вы тоже вместе жили?

Торнтон. Она жила на отдельной квартире, которая находится наверху моей квартиры.

Либсон. Это дом—одно общежитие?

Торнтон. Одна из частей общежития.

Либсон. Вы все время сталкивались—вы, Монкгауз и она?

Торнтон. Да.

Либсон. Стало быть все разговоры вне службы протекали вместе?

Торнтон. Не всегда, но бывали вместе. У нее отдельная квартира.

Либсон. Вы сказали на вопрос прокурора Рогинского, что вы не стеснялись ее. Как это понять—не стеснялись?

Торнтон. Я тоже не очень понимаю. Я понял так—мы доверяли ей.

Либсон. Скажите пожалуйста, вот если вы беседовали с Монкгаузом, вы говорили по-английски.

Торнтон. Всегда.

Либсон. Она английский хорошо знает?

Торнтон. Хорошо знает, может быть некоторые специальные термины хуже.

Либсон. Специальные технические термины может быть не знает, но вообще английский язык знает?

Торнтон. Да.

Либсон. И вы в ее присутствии всегда говорили на английском языке.

Торнтон. Иногда по-русски, но большей частью по-английски.

Либсон. Вы другими языками не владеете?

Торнтон. Я говорю по-немецки.

Либсон. И она кажется также.

Торнтон. Слабо, она говорит по-французски.

Либсон. Вы придаете одну оценку, прокурор Республики, другую оценку вашей деятельности. Не будем ее называть шпионажем, собиранием военных сведений, а будем называть информацией. Вот ваши разговоры о той информации, которую вы получали, если вы вели беседу с Монкгаузом, вы вели в присутствии Кутузовой?

Торнтон. Если мы знали, что будет строиться что-нибудь, мы могли сказать при ней.

Либсон. Не скрывали этого?

Торнтон. Нет.

Либсон. А вообще были ли темы, которые вы скрывали в этих беседах?

Торнтон. Да, может быть. Она не знала наших деловых вещей.

Либсон. Вы полагаете, что она не знала?

Торнтон. Да.

Либсон. И еще одно обстоятельство. Вы на Зуевке сами бывали?

Торнтон. Да.

Либсон. Знали ли вы кого-нибудь лично из инженерного состава русских, скажем, приходилось ли вам сталкиваться с инженером Котляревским?

Торнтон. Когда я его здесь увидел, я припомнил его, но там он не был при монтаже, он был в эксплуатации.

Либсон. Значит никаких разговоров у вас с ним не было?

Торнтон. Нет.

Брауде. Скажите пожалуйста, вы сказали, что вы Кутузовой доверяли. Доверие бывает разное. До какой степени вы ей доверяли?

Если бы вы стали с Монкгаузом говорить о секретах вашей фирмы, вы бы это сделали в ее присутствии?

Торнтон. Нет.

Брауде. Она советская гражданка?

Торнтон. Да.

Брауде. А сколько времени она у вас служит?

Торнтон. С 1927 года.

Брауде. Дела фирмы она знала?

Торнтон. Она была осведомлена о многих делах.

Брауде. Но была она осведомлена о таких делах, о которых вы бы не хотели, чтобы они были известны другим служащим?

Торнтон. Многих дел я сам не знал.

Брауде. Допустим, что вы замыслили какое-нибудь преступление—вы бы ее стали посвящать в это?

Торнтон. Конечно, нет.

Либсон. У вас была какая-либо секретная деловая переписка?

Торнтон. Нет.

Либсон. Всякие доверительные письма, доверительная корреспонденция, которая велась с Лондоном, она велась через Кутузову?

Торнтон. У нас два сорта конфиденциальных писем. Есть письма, адресованные заведующим отделами. Эта корреспонденция кладется в отдельные конверты. Это о жалованье, о прибавке служащим. Эти письма всегда шли через Анну Сергеевну Кутузову.

Либсон. Стало быть вы доверяли ей вести эту корреспонденцию?

Торнтон. Вот такую корреспонденцию, конфиденциальную, мы ей доверяли.

Либсон. Следовательно о каких же секретах вы говорите? Вы раньше сказали, что вы ее стеснялись. В чем же?

Торнтон. Например жалование нашего правления. Она не знает, сколько я жалования получаю.

Либсон. Такого рода вещи вы считали секретными и не посвящали Кутузову?

Торнтон. Мы не считали это особенно секретным, но это за границей не делается. Люди не знают, сколько каждый из них получает.

Либсон. Это был от нее секрет. Все остальное вы не скрывали?

Торнтон. Моя персональная папка в ее столе иногда бывала.

Либсон. Все, что касалось русской жизни, от нее не скрывалось?

Торнтон. Нет, не скрывалось.

Либсон. Вопросов больше нет.

Смирнов. Вы сказали, что в английских фирмах не принято знать, кто сколько получает жалования. Вы все-таки знаете, сколько Макдональд получает?

Торнтон. Да, я его начальник.

Смирнов. Правильно он сказал, что его жалование 12 фунтов в неделю?

Торнтон. Когда он был в Златоусте?

Смирнов. Да.

Торнтон. Правильно.

Смирнов. Правильно его показание, о том, что из этих 12 фунтов, если считать в месяц 50 фунтов, 30 фунтов оставалось в банке?

Торнтон. Я не могу понять.

Смирнов. Это принято у вас, чтобы жалование частью вносилось в банк на текущий счет вашего служащего, а частью вы даете здесь советскими денежными знаками.

Торнтон. Иногда и валютой здесь выдается. Как они хотят. Теперь здесь Торгсин.

Смирнов. Вы здесь удостоверили, что вы дали 2 000 руб. Макдональду на его личные нужды: он задолжал много фирме?

Торнтон. Да.

Смирнов. Скажите пожалуйста, как вы объясняете то, что он задолжал фирме. Чем вы это объясните и как могла произойти задолженность?

Торнтон. Очень просто. Он потребовал себе 500 руб., потом еще 500. Он не пожелал удовлетвориться 200 рублями и даже 300 рублями.

Смирнов. Вообще система таких авансов в вашей фирме практиковалась?

Торнтон. Да, конечно. Я должен сказать, что Макдональд вообще не понимает цену деньгам.

Смирнов. Что это значит—что он человек, который не стесняется в средствах.

Торнтон. Да, совершенно не стесняется.

Смирнов. Бросает на пустяки?

Торнтон. По правде сказать—это так. За это время, когда он был в Златоусте, он почтовые и телеграфные расходы... (не разборчиво).

Смирнов. То есть у него была манера, что он не по всяким мелочам представлял счета?

Торнтон. Да.

Смирнов. Таким образом у него образовалась личная задолженность в 2 000 рублей?

Торнтон. Я думаю, что даже было больше.

Смирнов. За какое приблизительно время?

Торнтон. Это продолжалось несколько лет.

Смирнов. За несколько лет?

Торнтон. Да. Задолженность делалась все больше и больше.

Смирнов. Он начал служить с конца 1929 года или с начала 1930 года. Следовательно все это продолжалось приблизительно 3 года: 1930, 1931 и 1932 годы?

Торнтон. Да.

Смирнов. Вот за это время за ним и образовалась такая задолженность?

Торнтон. Я точно сумму не знаю.

Смирнов. Меня интересует вопрос о том, верно ли, что такая задолженность (личная, по вашим словам) у него образовалась за этот период времени и что таким образом он вообще человек, который тратит больше, чем получает?

Торнтон. Больше, чем нужно.

Смирнов. Таким образом образовалась задолженность?

Торнтон. Да.

Смирнов. Больше вопросов у меня нет.

Коммодов. У меня один вопрос: какое количество служащих было в «Метро-Виккерс» на 11 марта?

Торнтон. Английских служащих?

Коммодов. Да, английских. Может быть Монкгауз знает лучше?

Торнтон. По-моему 13 человек.

Коммодов. 13 человек британских подданных?

Торнтон. Да.

Коммодов. Больше вопросов нет. Разрешите задать вопрос Гусеву. Гусев, вы вчера совершенно чистосердечно показали о преступлениях, которые вы совершили как по линии шпионажа, так и по линии вредительства. Скажите, в этой преступной деятельности приходилось ли вам непосредственно сталкиваться с Монкгаузом?

Гусев. Нет, не приходилось.

Коммодов. Задания от него лично получали или нет?

Гусев. Нет.

Коммодов. Информации ему давали?

Гусев. Нет.

Коммодов. Вы проездом были в Москве, но к нему не заходили?

Гусев. Нет.

Коммодов. А Макдональд вам даже давал адрес?

Гусев. У меня была записка.

Коммодов. И все-таки вы не виделись?

Гусев. Нет.

Коммодов. Соколов, вы также чистосердечно говорили о преступлениях по линии шпионажа и вредительства. Вам лично непосредственно приходилось сталкиваться с Монкгаузом?

Соколов. Нет.

Коммодов. Информации ему не давали?

Соколов. Нет.

Коммодов. Денег не получали?

Соколов. Нет.

Коммодов. Не виделись с ним?

Соколов. Нет.

Коммодов. Олейник, скажите конкретно...

Председатель. Мы сейчас заканчиваем допрос подсудимого Торнтона.

Вышинский. О Монкгаузе будет специальный вопрос.

Коммодов. Товарищ Вышинский задавал вопросы Монкгаузу и спрашивал, какие сведения он получал через остальных лиц. Здесь был указан Олейник, Гусев, Соколов, Макдональд. Я считаю невозможной такую постановку для защиты Монкгауза, потому что я не могу раскрывать своих мыслей, но, если хотите, скажу.

Вышинский. Нет, не хочу.

Коммодов. Я скажу суду. Торнтон сам действует на свой страх и риск. Поэтому позвольте установить непосредственное отношение Монкгауза с вредителями, которые здесь сидят. Если Вышинский спрашивал Олейника о Монкгаузе, то позвольте и мне спросить, какие конкретные задания он получал от Монкгауза по линии шпионажа?

Олейник, скажите, какие конкретные задания шпионского характера вы получали от Монкгауза—одно или несколько?

Олейник. Это было в 1928 году, когда я ездил на Надеждинский завод. Мне было поручено узнать о состоянии станции, о предстоящем расширении завода.

Коммодов. Правильно.

Олейник. О настроениях у рабочих завода, о программе завода—насколько она выполняется—и о железнодорожном транспорте.

Коммодов. Правильно. Так вы показывали в своем показании по конкретным вопросам. Еще какие задания были по этой линии?

Олейник. От Монкгауза?

Коммодов. Да.

Олейник. По линии шпионажа?

Коммодов. Да.

Олейник. В смысле получения заказов нужно было сообщить все сведения.

Коммодов. Я говорю не вообще. Следствие совершенно правильно так формулировало вопрос: какие получены шпионского и диверсионного характера сведения от Монкгауза? Вот совершенно конкретный вопрос. Вот вы рассказали этот случай в 1928 году. Еще были какие-нибудь случаи или нет?

Олейник. Диверсионного характера не помню.

Коммодов. О диверсионном характере вот что вы сказали: «В части диверсий я заданий от Монкгауза не получал». Вы это показание подтверждаете, в части диверсии?

Олейник. В части диверсии не помню.

Коммодов. Вы не получали никаких инструкций? Вы в части диверсии кроме этого случая больше не знаете?

Олейник. Нет, потому что я имел дело с Торнтоном.

Коммодов. Вот этот случай вы расценивали как шпионский или нет?

Олейник. Я об этом не думал. Я считал, что я обязан это делать.

Коммодов. Почему?

Олейник. Как сотрудник фирмы.

Коммодов. Вы считали, что это в интересах фирмы?

Олейник. Да.

Председатель. Я полагал, что вы хотите задать беглый вопрос.

Коммодов. Хорошо. Он подтвердил то, что мне нужно. Скажите, пожалуйста, теперь вот что. Когда вы давали сведения о движении войск, когда ехали на Урал, вы эти сведения от кого-нибудь получили или это было ваше личное наблюдение?

Олейник. Я инженеру Монкгаузу таких сведений не давал.

Коммодов. Меня интересует другое. Вы получили эти сведения из какого-нибудь источника или по своему личному наблюдению?

Олейник. По своему личному наблюдению и по тем разговорам, которые я имел в вагоне, в поезде.

Коммодов. Эти сведения вы передали Торнтону?

Олейник. Да.

Коммодов. Последний вопрос, который касается Кутузовой. Вам задавал товарищ Рогинский вопрос: вам говорил кто-нибудь из фирмы о том, что они считают, что надо быть настороже и что в конторе есть агент ОГПУ.

Олейник. Об этом говорили. Меня предупреждали, что есть агент. Коммодов. А относительно жены Нордволла не говорили?

Олейник. Они мне сказали, чтобы я был осторожен, потому что жена Нордволла тоже сотрудница ОГПУ.

Коммодов. Говорили вы так, что они всегда были настороже?

Олейник. Да, я говорил.

Коммодов. У меня вопрос к Кутузовой.

Председатель. Мы заканчиваем допрос Торнтона, а вы все время задаете вопросы Олейнику.

Коммодов. Тогда я оставляю за собой право ставить эти вопросы потом. У меня осталось два вопроса к Кутузовой.

Председатель. Защита исчерпала все свои вопросы. Есть вопросы у прокуратуры?

Вышинский. Один вопрос к Олейнику в связи с опросом Коммодовым Олейника.

Председатель. Товарищ Коммодов ссылался, что товарищ Рогинский задавал вопросы, поэтому начал спрашивать.

Рогинский. Такого вопроса я не задавал.

Вышинский. Разрешите задать не шесть вопросов, а один?

Председатель. Пожалуйста.

Вышинский. Подсудимый Олейник, не припомните ли вы свои показания по поводу Штеровки, не говорили ли вы о том, что Монкгауз давал вам некоторое задание?

Олейник. Очень хорошо помню.

Вышинский. Какого характера были эти задания?

Олейник. Когда почти все было готово к испытанию машин, я получил письмо от инженера Монкгауза о том, чтобы известить заказчика, что не все еще готово к испытанию. Он говорил, что не в интересах фирмы производить сейчас испытания, но это сказать заказчику было нельзя, и он писал, чтобы я известил заказчика в такой форме, что в настоящее время персонал, который занимается испытанием, очень занят, а приборы для этих испытаний также были заняты.

Вышинский. А как было в действительности? Испытательные приборы были заняты?

Олейник. Я не знаю.

Вышинский. Как же вы писали, если вы не знали?

Олейник. Мне об этом писал инженер Монкгауз.

Вышинский. Значит вы давали сведения, вами не проверенные?

Олейник. Только на основе инструкции.

Вышинский. На следствии вы говорили: «Монкгауз дал задание затянуть срок... так как это фирме невыгодно»?

Олейник. Да.

Вышинский. Правильно?

Олейник. Правильно.

Вышинский. Больше вопросов к Олейнику нет. Теперь вопрос к Кутузовой, непосредственно связанный с Торнтоном. Подсудимая Кутузова, здесь защита пыталась установить факт, который играет большую роль. Спрашиваю вас в развитие того, о чем я спрашивал вас

вчера. Чем объяснить, что Торнтон вас посвящал в такие секретные вопросы, которые требуют очень большого доверия к тому, кому они сообщаются? Будьте любезны, расшифруйте, как строились и в чем заключались ваши отношения к Торнтону.

Кутузова. У нас были дружеские отношения как с инженером Торнтоном, так и с инженером Монкгауз, совершенно одинаковые, но я одно время больше была с инженером Торнтоном, когда он был в Москве, во-первых, потому, что мы жили в одном доме. Затем по моей просьбе инженер Торнтон учил меня управлять машиной, учил слесарничать. Поэтому я больше была вечерами с ним, а инженер Монкгауз был вечерами занят, писал какую-то научную книжку.

Вышинский. Это все?

Кутузова. Это все.

Вышинский. Ваши отношения более не углублялись?

Кутузова. Нет.

Вышинский. И оставались на этом уровне.

Кутузова. Я могу добавить, что по принуждению моей судьбы я была вместе с ними.

Вышинский. По принуждению вашей судьбы. Но в чем это выражалось?

Кутузова. Так как я служила в иностранной фирме, со мной почти никто не хотел знакомиться, а я была слишком горда, чтобы знакомиться и ходить с чужими.

Вышинский. Это вопрос другой. Меня интересует степень вашей дружбы с Торнтоном. Может быть вам напомнить показания на предварительном следствии?

Кутузова. Пожалуйста.

Председатель. Нужно это?

Вышинский. Для меня это имеет существенное значение. Вы показывали: «11 ноября 1932 года, продолжая мучиться и беспокоиться за себя, я снова подняла в своей комнате разговор с Торнтоном...»

Вышинский. Нелегальная работа была?

Кутузова. Была.

Вышинский. Вы помните эти показания?

Кутузова. Помню.

Вышинский. Ну как?

Кутузова. Я беспокоилась за себя и родных и я хотела спросить.

Вышинский. Почему вы беспокоились, имели основание беспокоиться за Торнтон?

Кутузова. Я беспокоилась за себя.

Вышинский. А почему вы свою судьбу связывали с судьбой Торнтон?

Кутузова. Потому что я организационно была связана.

Вышинский. Организационно? Может быть еще как-нибудь иначе?

Кутузова. Я считаю, что я никак не была иначе связана с Торнтоном.

Вышинский. Как вас понять? Вы могли бы сказать больше, но не считаете возможным говорить об этом здесь?

Кутузова. Да.

Вышинский. Это уклонение от ответа.

Кутузова (молчит).

Председатель. Подсудимая имеет право не ответить на вопрос.

Кутузова. Я о всей своей жизни дела подробные показания на предварительном следствии и это известно суду.

Вышинский. Вы их подтверждаете?

Кутузова. Подтверждаю.

Вышинский. Раз вы их подтверждаете, для меня вопрос ясен.

Председатель. Имеете еще вопросы?

Рогинский. У меня вопрос к Кутузовой в связи с допросом Торнтон: Скажите пожалуйста, вам было известно об оплате той нелегальной деятельности, которую проводил Торнтон?

Кутузова. Да, он мне говорил.

Рогинский. Что он говорил?

Кутузова. Он говорил в общих чертах, что он вербует русских инженеров, техников, монтеров для собирания сведений. Конечно он оплачивал их.

Рогинский. А как проводилась эта оплата русских инженеров и техников, завербованных Торнтоном, он вам говорил?

Кутузова. Да, говорил.

Рогинский. Каким путем?

Кутузова. Конечно это оплата по бухгалтерии не проводилась кроме одной суммы.

Рогинский. Какой суммы?

Кутузова. 3000 рублей.

Рогинский. А остальные суммы?

Кутузова. Остальные суммы по бухгалтерии не проводились.

Рогинский. А где они записывались?

Кутузова. Инженер Торнтон записывал в своей личной записной книжке.

Рогинский. Вел свою бухгалтерию?

Кутузова. Бухгалтерию или расчеты—я не знаю.

Рогинский. Вы эту книжку сами видели?

Кутузова. Да, видела.

Рогинский. Видели те расчеты, которые были составлены Торнтоном?

Кутузова. Я подробно не могу сказать, а вообще я видела и спрашивала его об этом.

Рогинский. Что же, Торнтон вам сообщил, что это за расчеты и суммы, которые были вписаны в записную книжечку?

Кутузова. Он мне не сразу сказал. Сначала отговаривался, говорил, что это меня не касается, но потом постепенно он сказал, что он записывает расходы, касающиеся оплаты русских граждан, доставляющих ему сведения.

Рогинский. А на очной ставке с Торнтоном вы по этим вопросам давали показания?

Кутузова. Да.

Рогинский. Эти показания, которые вы даете здесь, не расходятся с теми показаниями, которые вы давали на очной ставке?

Кутузова. Я думаю, что нет.

Рогинский. Торнтон возражал против этих ваших показаний на очной ставке?

Кутузова. Торнтон возражал тогда сначала, но потом он их подтвердил.

Рогинский. Он подтвердил ваши показания в той части, о которой я говорю?

Кутузова. Подтвердил письменно.

Рогинский. Вы ему напомнили обстоятельства, конкретную обстановку, и после этого он подтвердил, или это было при иных условиях?

Кутузова. Он почти сразу сказал.

Рогинский. Без колебаний?

Кутузова. Да.

Рогинский. Книжечка, куда записывались Торнтоном расчеты, где она хранилась—в конторе или на квартире?

Кутузова. Записные книжки в конторе не хранятся.

Рогинский. Значит на квартире?

Кутузова. Да.

Рогинский. А где сейчас эта книжка?

Кутузова. В Англии, но это не одна книжка, а целый ряд книжек.

Рогинский. Как они были туда направлены—эти книжки?

Кутузова. Он сам их взял 20 декабря 1932 года.

Рогинский (к Торнтону). Вы слышали эти показания Кутузовой?

Торнтон. Слышал.

Рогинский. Это правильные показания?

Торнтон. Я не помню их всех.

Рогинский. Я могу вам напомнить по частям. Очная ставка Кутузовой и Торнтона. Вопрос к Кутузовой: «Производилась ли оплата проводимой шпионской работы и если да, то откуда вы об этом знаете»? Ответ Кутузовой (тот, который там был дан и записан): «Да, производилась оплата шпионской работы, об этом мне говорил Торнтон, и кроме того я слышала из разговоров Торнтона с Монкгаузом, так как я пользовалась у них большим доверием, и часто входила в комнату, когда они разговаривали». Вот вопрос, который был задан Кутузовой в вашем присутствии, и ее ответ. Скажите мне теперь, что вы ответили на это показание Кутузовой; подтвердили ли вы его?

Торнтон. Насколько я помню, на очной ставке я подтвердил.

Рогинский. Подтверждаете на этой очной ставке, которую мы проводим сейчас?

Торнтон. Нет, слово «шпионский» я не подтверждаю.

Рогинский. Мы знаем, что вы от этого слова отрекаетесь. Но оплату русских инженеров и техников за доставленные сведения вы подтверждаете?

Торнтон. Русского инженера, а не инженеров.

Рогинский. Русского инженера, кого вы имеете в виду?

Торнтон. Долгова.

Рогинский. Нет, о Долгове речь будет ниже, а здесь речь идет: «производилась ли оплата проводимой шпионской работы».

Торнтон. Я ни одному инженеру ничего не давал, кроме Долгова.

Рогинский (к Кутузовой). Этот вопрос относился к Долгову, или же касался общей нелегальной работы Торнтона?

Кутузова. Он касался общей нелегальной работы.

Рогинский. Следовательно суммы Долгову сюда не относятся.

Кутузова. Да.

Вышинский. Вы тогда же на очной ставке, на вопрос: «Что вы скажете в отношении этих показаний Кутузовой—правду она говорит или нет»,—что ответили?

Торнтон. Я сказал: «Кроме получения денег от консульства».

Вышинский. Об этом здесь нет речи.

Торнтон. Нет, это было.

Вышинский. Вы ответили: «Да, Кутузова говорит правду. Как я уже показал, деньги русским инженерам мною выдавались за полученную от них информацию».

Торнтон. Это должен быть «русский инженер».

Вышинский. Один?

Торнтон. Да.

Вышинский. А монтеры?

Торнтон. Так точно.

Вышинский. Может быть так поправить: один инженер и несколько монтеров?

Торнтон. Да, это будет правильно.

Рогинский. Будет правильно то, что сказала гражданка Кутузова: русским гражданам—монтерам и инженеру. Так?

Торнтон. Да.

Рогинский. Теперь порядок проведения этой оплаты. Вы слышали показания Кутузовой?

Торнтон. Да.

Рогинский. Подтверждаете их?

Торнтон. Я не подтверждаю, что я деньги получал от консульства.

Рогинский. Я вас не об этом спрашиваю. На очной ставке этого нет.

Торнтон. Нет, это было.

Рогинский. Я спрашиваю о показаниях Кутузовой. Вопрос к Кутузовой: «Каким образом проводились по бухгалтерии средства, расходуемые на оплату шпионской работы». Кутузова ответила: «Суммы, которые проводились на оплату этой работы, официально по бухгалтерии не проводились, а инженер Торнтон вел свои счета на даче». Эти показания Кутузовой вы подтверждаете?

Торнтон. Нет. Они были в моих расходных листах.

Рогинский. Показание о том, что вы помимо записей в официальных, бухгалтерских книгах, вели еще свои записи, у себя, в своей записной книжке, вы подтверждаете?

Торнтон. Да.

Рогинский. На вопрос: «Признаете ли вы это», вы ответили: «Официальных книг я не вел, мною был заведен дневник для памяти, чтобы потом эти суммы списывались в расход. Так я и делал, проводя эти суммы по книгам фирмы и по несуществующим расходам».

Торнтон. Правильно.

Рогинский. И эти записи вы отправили потом в Англию?

Торнтон. Эти книжки в настоящее время в Англии. 9 штук.

Рогинский. 9 книжек вы отправили в Англию?

Торнтон. Да.

Рогинский. В Англию отправлялись все те книги, где вы записывали расходы по оплате монтерам и инженеру за те сведения, которые вы получали. Правильно?

Торнтон. Да.

Рогинский. Больше вопросов нет.

Вышинский. Вы сказали, что эту запись вы производили в своем дневнике или записной книжке, чтобы потом их списать в расход?

Торнтон. Правильно.

Вышинский. Меня интересует сумма в 3 000 руб., которую вы дали заимообразно Долгову. Если это была заимообразная сумма, то была ли она возвращена впоследствии?

Торнтон. Нет.

Вышинский. Она была списана в расход?

Торнтон. Да.

Вышинский. По чьему разрешению?

Торнтон. Монкгауза и Ричардса.

Вышинский. Как это произошло, не помните?

Торнтон. Она сначала была на моем счету, потом на переходящем счету, потом не знаю—она была каким-то образом передана в валюту. Подробности не знаю.

Вышинский. Когда Ричардс приехал, ему докладывали специально об этом вопросе?

Торнтон. Да, спрашивали, что нужно делать.

Вышинский. И он разрешил ее списать?

Торнтон. Да.

Вышинский. И вы утверждаете, что эта сумма была списана?

Торнтон. Да.

Вышинский. И в то же время утверждаете, что эта сумма была дана заимообразно или может быть не заимообразно?

Торнтон. Она была дана в долг.

Вышинский. За что-нибудь?

Торнтон. Нет. Я хотел бы подробно объяснить, как это произошло, потому что мне обещано было сегодня, что я смогу это сделать.

Вышинский. Я хочу раньше исчерпать вопрос. Вы утверждаете, что эта сумма была дана в долг?

Торнтон. Да, в долг.

Вышинский. Я хотел спросить по этому поводу раньше Монкгауза. Разрешите это сделать. Скажите пожалуйста, вы тоже утверждаете, что эта сумма была выдана в долг?

Монкгауз. Это была сумма, которую Долгов сам просил дать взаймы.

Вышинский. И вы дали ему, как сумму заимообразную?

Монкгауз. Нет, я не дал эту сумму.

Вышинский. У кого он просил ее?

Монкгауз. Он обратился к Торнтону и просил дать деньги заимообразно.

Вышинский. А вы почему узнали об этом?

Монкгауз. Торнтон перед приездом нашего правления сюда в прошлом году летом...

Вышинский. Почему именно вы узнали о том, что Долгов просит эту сумму в долг?

Монкгауз. Торнтон мне говорил, что Долгов просил.

Вышинский. Он советовался с вами?

Монкгауз. Он говорил мне.

Вышинский. 26 марта вы были на свободе?

Монкгауз. Был.

Вышинский. Вас допрашивали по этому поводу 26 марта?

Монкгауз. Да.

Вышинский. А вы помните, как говорили тогда?

Монкгауз. Я сказал, что Долгов мне сказал, что он это сделал.

Вышинский. Вы не так там говорили. Разрешите огласить 233 страницу. Может быть товарищ Мартенс будет добр ее огласить.

Председатель. Оглашается показание от 1 апреля, написанное Монкгаузом собственноручно на английском языке. Вы не отрицаете, что сами писали?

Монкгауз. Я не писал, писал Шейнин.

Вышинский. Шейнин писал на английском языке? Здесь имеется показание на английском языке.

Председатель. Товарищ комендант, предъявите пожалуйста.

Монкгауз. Я извиняюсь. Это не было при показании прокурору.

Рогинский. Это было, когда объявили об окончании следствия.

Вышинский. После этого вы написали показание.

Председатель. Вы не отрицаете, что это показание от 1 апреля написано вами собственноручно?

Монкгауз. Это я писал.

Вышинский (Мартенсу). Огласите пожалуйста, что Монкгауз написал собственноручно.

Мартенс читает показания:

«Не признаю себя виновным в предъявленном мне обвинении за исключением пункта 4-го обвинительного заключения, в котором я себя виновным признаю, так как участвовал в списании суммы, т. е. 3 000 рублей, данных в качестве взятки Торнтоном—Долгову».

Монкгауз. Взятки не было.

Вышинский. Как не было?

Монкгауз. Был подарок.

Вышинский. Пускай будет подарок. По вашему подарок, по нашему взятка.—И за сим позвольте вам предъявить еще одно показание от 26 марта: «Я предполагаю, что Торнтон, давая Долгову деньги якобы в долг, хотел таким образом добиться расположения Долгова к фирме в тех случаях, когда Долгов, как заведывающий монтажным отделом, должен был разрешать конфликты, возникающие в связи с претензиями и рекламациями по дефектам поставляемого нами оборудования». Это показание давали?

Монкгауз. Это я говорил.

Вышинский. Не говорили, а писали. Вашей рукой написано. Предъявите пожалуйста.

(Комендант предъявляет показания Монкгаузу.)

Монкгауз. Это не моя рука.

Рогинский. Но показания вы читали?

Монкгауз. Это перевод, который писал Шейнин.

Вышинский. А подпись ваша есть?

Монкгауз. Есть.

Вышинский. Значит вы подписали?

Монкгауз. Это перевод на русском языке.

Вышинский. Мы сейчас с вами объясняем тоже на русском языке и ничего плохого из этого не получается. Я спрашиваю—вы давали такое показание, что деньги, данные Долгову якобы в долг, в действительности давались Торнтоном для того, чтобы Долгов—заведующий монтажным отделом—в случае, когда придется решать вопрос о претензиях фирмы за дефекты, занял бы благоприятную позицию. Говорили это?

Монкгауз. Я так не говорил. Вы прочтите, что там я сказал.

Вышинский. «Я предполагаю...» (см. цитату, приведенную выше).

Монкгауз. Я предполагал.

Вышинский. Тут и написано «Я предполагаю...» (читает). Вы это говорили?

Монкгауз. Это вы писали, а я подписал.

Вышинский. Я этого не писал, а писал следователь по важнейшим делам с ваших слов.

Монкгауз. Более или менее так.

Вышинский. Вот это более или менее так вы подтверждаете?

Монкгауз. Я подтверждаю, что деньги дал Торнтон Долгову заимобразно.

Вышинский. Вы подтверждаете, что эти деньги даны в долг, а раньше сказали, что в подарок?

Монкгауз. Я давал в долг. Я в жизни никогда не давал взятку.

Вышинский. Это другой разговор. Но мы можем удостовериться, что сумма, данная Долгову, нигде не значится в документах как сумма, выданная в долг, а наоборот, она искусственно прикрыта какой-то ссылкой на «переходящую сумму». Правильно это?

Монкгауз. Когда мы решили списать эту сумму...

Вышинский. Как решили провести по бухгалтерии?

Монкгауз. Мы решили провести как коммерческую операцию.

Вышинский. Как вы проводили это по книгам, как операцию, как это было записано в книгах?

Монкгауз. Сначала это был личный счет Торнтон, это его личное дело. Затем Торнтон захотел закрыть свой счет и эта сумма была списана на «переходящий счет» и там она болталась 5 месяцев.

Вышинский. Еще один вопрос, чтобы не возвращаться к этому. Этот вопрос связан с 3 000 рублями, как вы погасили эти 3 000 рублей? Это правда, что вы списали, а какая комбинация была с торгсиновскими бонами?

Монкгауз. Я подробно этих комбинаций не знаю.

Вышинский. А кто знает?

Монкгауз. Я думаю, что Кутузова знает.

Вышинский. Вы разрешили эту комбинацию?

Монкгауз. Разрешил.

Вышинский. Что за операция была с торгсиновскими бонами для покрытия этого расхода?

Кутузова. Я получила разрешение взять 250 рублей в Торгсине и продала их за 3 000 рублей и внесла в кассу.

Вышинский. Больше у меня вопросов нет. У меня есть ходатайство от прокуратуры вызвать в качестве свидетеля Долгова и произвести проверку всех тех данных, которые связаны с расходом 3 000 рублей. Долгов, по моим сведениям, находится в Москве, и следовательно в любой момент может быть вызван в суд.

Председатель. У защиты возражений нет?

Брауде. Я попросил бы, чтобы допрос Торнтон был приурочен к допросу свидетеля Долгова.

Председатель. Подсудимые не возражают?

Торнтон. Я не понимаю.

Председатель. Прокуратура просит вызвать в качестве свидетеля Долгова, чтобы уточнить вопрос с расходом этих сумм.

Торнтон. Спасибо. Это не мешает.

Председатель. Ходатайство прокуратуры о вызове Долгова в качестве свидетеля удовлетворяем.

Объявляю перерыв до 10 часов утра.

Конец вечернего заседания в 22 часа.

П. п. В. В. Ульрих.

Председатель Специального
присутствия Верховного суда РСФСР

А. С. Костюшко
Секретарь